

ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ

Сергей КАРА-МУРЗА
Геннадий ОСИПОВ

СССР — ЦИВИЛИЗАЦИЯ БУДУЩЕГО

Инновации Сталина

СВЕТЛОЕ ПРОШЛОЕ

Сергей КАРА-МУРЗА
Геннадий ОСИПОВ

СССР –
ЦИВИЛИЗАЦИЯ
БУДУЩЕГО
Инновации Сталина

Москва
«Эксмо»
«Яуза-пресс»
2010

УДК 94
ББК 63.3(0)
К 21

Оформление серии *С. Ляха*

В оформлении обложки использована
репродукция картины А. А. Дейнеки
«Покорители космоса», 1961 г.

Кара-Мурза С. Г.

К 21 СССР — цивилизация будущего. Инновации
Сталина / Сергей Кара-Мурза, Геннадий Оси-
пов. — М.: Яуза : Эксмо, 2010. — 320 с. — (СССР).

ISBN 978-5-699-39647-4

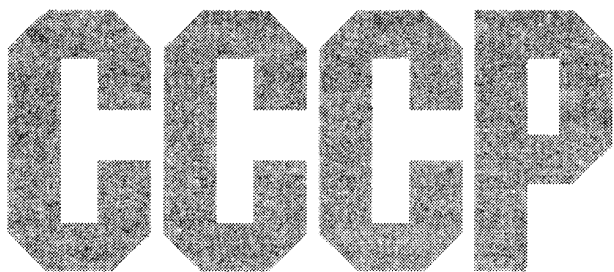
НОВАЯ книга от автора бестселлеров «Советская цивилизация» и «Манипуляция сознанием»! Гимн величайшей победе Сталина, достигнутой не на полях сражений, а в лабораториях и университетах. Подлинная история грандиозного инновационного проекта, осуществленного в СССР.

Всего за четверть века Советская Россия совершила невероятный рывок в будущее, превратившись из полуфеодальной полуграмотной аграрной страны в лидера научного прогресса, совершив вслед за социальной революцией еще и революцию научно-техническую. В Советском Союзе были заложены основы принципиально новой цивилизации будущего, устремленной в завтрашний день, рвущейся в Космос, сделавшей ставку на лучшее, что есть в человеке, — и прежде всего на страсть к познанию, — воспитывающей человека-Творца, а не тупое жвачное животное. И сегодня, когда западная «цивилизация потребления» окончательно зашла в тупик (нынешний глобальный кризис — лишь «первый звонок» грядущей катастрофы), становится предельно ясно, что возвращение на советский инновационный путь — единственный шанс выжить не только для России, но и для всего человечества.

УДК 94
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-699-39647-4

© Кара-Мурза С. Г., Осипов Г. В., 2010
© ООО «Издательство «Эксмо», 2010
© ООО «Издательство «Яуза», 2010

Введение

Человек живет в трех мирах — в мире природы, в созданном искусственно мире техники (техносфере) и в мире самих людей (обществе). Чтобы жить (и даже чтобы выжить) в этих сложных мирах, человеку необходимо *знание* о них. Поэтому само возникновение человека было связано с появлением способности к *познанию*, особой духовной деятельности. Знание накапливалось сообща, обрабатывалось, передавалось друг другу и детям, дополняло, а потом и замещало инстинкты. Оно соединяло людей, так что с самого начала их общности были *обществом знания*.

Знания обо всех трех мирах взаимосвязаны, подпитывают и укрепляют друг друга, средства познания природы применяются в изучении и создании техники, приспособляются для исследования общества — и наоборот. Складывается большая система знания со сложной развивающейся структурой. С XVII века важное место в этой системе стало занимать *научное знание*, полученное особым методом. Исключительное значение в общественной жизни приобрела и *наука*, профессиональная познавательная деятельность особого типа.

Знание — сила... Его общественное «производство», распределение и использование были сопряжены с социальными противоречиями. Мировоззренческие кризисы превращались и в конфликты интересов. «Обще-

ство знания» как одна из ипостасей общества всегда было ареной драматических событий, переживало взлеты и глубокие провалы. Противоречия обострились в Новое время, когда на Западе череда великих революций привела к возникновению нового общества с новой картиной мира, новыми представлениями о человеке, обществе и государстве, с новым типом техносферы и новыми средствами господства. Структуры сословного общества были ослаблены или устранены, и традиционное знание о человеческих общностях стало недостаточным. Уже в ходе Научной революции в XVII веке возникла *наука об обществе*, и создаваемое ею знание стало важным фактором благополучия народов и стран. Недостаток знания об обществе или ложные представления вели к глубоким кризисам и даже национальным катастрофам.

Нынешняя Россия — продукт большой самобытной евразийской цивилизации, которая складывалась и развивалась около тысячи лет. Почти весь XX век, время которого было спрессовано в несколько исторических периодов, эта цивилизация существовала в социальных формах *советского строя*. Он оформился в результате русской революции первой четверти XX века, но стал складываться гораздо раньше, после реформы 1861 года, в противоречивом процессе развития российского капитализма, импорта институтов западного капитализма и одновременного укрепления и модернизации русской крестьянской общины.

Важную роль в этом процессе сыграло российское «общество знания» — быстрое развитие, с начала XX века, школьного и высшего образования, резкий рост книгопечатания, становление интеллигенции как важной социокультурной группы, расширяющей свои связи со всеми частями общества, укрепление социального статуса и роли отечественной науки. А главное, формирование нового массового *культурно-исторического типа* — грамотного трудящегося человека, соеди-

нившего в своем мировоззрении космическое чувство традиционной культуры России с идеалами Просвещения и развития.

Этот культурно-исторический тип вышел на общественную арену как доминирующий в российском обществе в советское время и создал социальную базу для быстрого развития науки и всего «общества знания» без тяжелого разрыва непрерывности, которым была чревата антисословная и антибуржуазная революция.

За советское время был реализован ряд больших национальных проектов, плодами которых жива нынешняя Россия. Один из них — создание современной научно-технической системы и вокруг нее отечественного «общества знания», обладающего структурной полнотой. Советская наука — одно из самых необычных и великолепных творений России как цивилизации. Самобытный «русский стиль» научного мышления соединился в нем с жаждой знания нашего народа в момент духовного подъема и оригинальными социальными формами, рожденными русской революцией и творческими строителями советских общественных институтов последующих периодов. Сама наука стала одним из «созидателей» советского строя и одной из главных его опор.

К несчастью, в советское время эта научная система, как и почти все созданные в советский период системы (промышленность и колхозы, армия и школа), была плохо изучена и, казалось, работала «сама собой». Теперь ее надо знать и понимать, чтобы восстановить, развить и улучшить — нынешнее поколение унаследовало систему советской науки, другой у России нет и, скорее всего, не будет. Как творение большой самобытной цивилизации, наука России развивается как неотъемлемая часть всего этого организма. Она вместе со всем организмом России переживает периоды подъема и кризисы, приливы духовных сил и болезни.

Выздоровление, укрепление и подъем отечественной науки — условие перехода России на инновационный путь развития. А точнее — условие самого существования России.

В настоящий момент в приложении ко всем системам общества и государства идея перехода к инновационному пути развития оформилась как строительство **«общества знания»**. Будем и мы использовать это понятие.

Построение нового *типа общества* не сводится к частным реформам в технологической, экономической и социальной сферах. По своей глубине и масштабу это проблема *цивилизационного* порядка. Она предполагает изменения во всей системе *жизнеустройства* страны и народа. Строительство общества — это создание новой многомерной ткани общественных отношений, нового языка и нового типа рациональности. Все это ставит нас перед «последними», *бытийными* вопросами.

Предстоящий России выбор неизбежно сопряжен с конфликтом ценностей, как и любой исторический выбор. Речь идет о преобразовании реального российского общества начала XXI века, со всеми его достоинствами и болезнями, а не общества США, Франции или СССР.

Но перед нами опыт СССР и опыт Запада, который уже 40 лет целенаправленно осмысливает и реализует свою программу строительства **«общества знания»**. В ходе глубокой рефлексии здесь создан большой корпус ценных сведений, выполнены важные работы по проектированию будущего, систематизирован эмпирический опыт. В становлении «общества знания» Запад уже прошел несколько этапов, им уже сформулированы и изучены *общезначимые* проблемы. Освоение этого запаса знаний и умений, бесспорно, будет для России большим подспорьем. На этом основании влиятельная часть российской элиты настаивает на том, чтобы взять

западные формы за основу при формировании «общества знания» России.

Дело серьезнее, мы не должны скатываться ни в апологетику важного сдвига западной цивилизации, ни в симметричное отрицание, препятствующее разрешению наших реальных противоречий через синтез. Мы обязаны вопрошать об этом сдвиге в обществе Запада, исходя из местоположения именно России — по выражению Хайдеггера, задавать вопросы **«здесь и теперь, для нас»**.

Метафора строительства обязывает. Что за объект мы строим, каково его назначение? Мы должны создать такую совокупность социальных и технологических систем, чтобы сложилась эффективная **социодинамика знания** с необходимыми для России свойствами. Каков первый стратегический шаг в строительстве? Определить *принцип выбора* проекта. Здесь — одно из главных противоречий, которые раскололи наше общество за последние 30 лет.

Есть два альтернативных принципа:

1-й принцип. Взять чужой проект и скопировать его у себя. Это — имитационная стратегия. Запад уже построил многие структуры **«общества знания»**? Копируем их.

2-й принцип. Делать свой проект — исходя из почвы, климата и наличных ресурсов своего «хозяйства» и из опыта своего народа. Изучая при этом опыт соседа.

Реформы 90-х годов — это большая, одна из крупнейших в истории, **программа имитации**. Этот подход уже приложен и ко всем структурам, которые будут составлять скелет нашего «общества знания», — школе и вузам, науке и армии, промышленности и СМИ. На наш взгляд, этот выбор был фатальной ошибкой и привел к глубоким повреждениям той матрицы, на которой была собрана и воспроизводилась Россия как цивилизация.

Понимать проекты Запада нужно не для того, чтобы их имитировать. Их знание нужно, чтобы разумно и с наименьшими издержками продолжать *модернизацию* России, то есть освоение технологий и институтов, порождаемых другими цивилизациями в его развитии. Модернизация — часть всеобщего непрерывного процесса обмена культурными достижениями. Для современной России она приобрела особое значение потому, что Смута последних двадцати лет привела российское общество в состояние глубокой деиндустриализации и демодернизации. Этот провал должен быть закрыт форсированной программой восстановления и развития.

Эта программа не может повторять прежних витков модернизации — система знаний, технологий и организации сильно изменилась. Изучение и положительного, и негативного опыта нашего прошлого и западного настоящего позволит России сократить время и силы. Однако многие философские, социальные и экономические проблемы становления современной системы «производства» и использования знания будут решаться в России *иначе, чем на Западе*. Имитационный проект будет обречен на неудачу или приведет к национальной катастрофе. Этот вывод подтвержден и логически, и исторически, трагическим опытом многих культур и тяжелыми травмами самой России.

В любом случае при такой операции необходимы глубокие предварительные исследования. Трансплантация даже конкретной техники (кривой сабли, картофеля или компьютера) сопряжена с культурной травмой и кризисом трансформации национальной системы, но реакция иммунитета большой культуры, подобной России, в этих случаях все же не угрожает ее целостности. Организм такой культуры обладает большим разнообразием и «переваривает» нововведение, интегрируя его путем синтеза (даже несмотря на «картофельные бунты»). Но проблема *совместимости тканей* при пере-

садке заведомо здоровых органов донора резко усложняется, если пытаются заимствовать ткани у больного организма, каким является современный Запад, переживающий травму перехода в постиндустриализм.

Имитационный подход к строительству «общества знания» России не годится из-за невыполнения критериев подобия между Россией и Западом в приложении к их массивным структурам и социальным процессам в «большом времени». Но еще острее несоизмеримость условий проявляется в скоротечных процессах, которые накладывают жесткие ограничения на принятие среднесрочных решений.

Кроме того, в отличие от Запада последних трех десятилетий, Россия начинает свою программу строительства «общества знания» в условиях аномальных и неравновесных — в ходе продолжающегося демонтажа и беспорядочного разрушения прежних структур производства и использования знания, унаследованных от советского строя. Не будем пытаться дать здесь целостную картину и оценку этого процесса поистине цивилизационного масштаба. Напомним только, что почти полностью демонтирован отечественный научный потенциал, который выстраивали 300 лет.

Потеряли системные качества и резко сократились в размерах главные профессиональные сообщества, служащие социальной базой «общества знания», — исследователей, конструкторов, промышленных рабочих, сельских механизаторов. Резко сократились базовые системы коммуникации знания через печатные тексты: тираж книг упал в три раза, журналов в 4 раза, газет в 6 раз. Электронные средства заменить печатного текста не могут. Глубокой трансформации подвергаются «генетические механизмы» межпоколенной передачи знания — школа и университет.

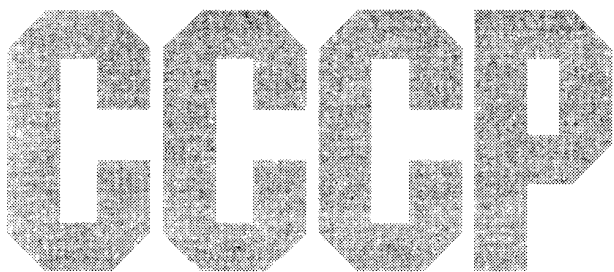
Эти процессы, инерция которых исключительно велика и которые вовсе не остановлены, делают задачу

«строительства в условиях разрушения» чрезвычайно сложной и лишают имитационный проект всяких шансов на успех. Это надо хладнокровно осознать, закрепить в общественном диалоге и сосредоточить усилия на разработке своего, новаторского проекта — исходя из трезвого учета ограничений, честного сравнения альтернатив с применением адекватных и жестких критериев.

Для этого надо изучить, без всяких идеологических пристрастий, огромный опыт строительства и разрушения отечественного «общества знания» в XX веке. Это — профессиональный долг всей российской интеллигенции.

И строительство, и разрушение дают важное знание. Эта книга посвящена этапу строительства, развития и кризиса «общества знания» в советский период. Его демонтаж после 1991 года — предмет отдельного разговора.

Глава 1

СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ НАУКИ

Выполнение научным сообществом функции поддержания («обслуживания») всей конструкции рационального массового сознания сегодня затруднено по сравнению с советским периодом. Во-первых, власть в России, имитируя западные порядки, использует в качестве главного средства господства не убеждение и принуждение, а внушение и соблазн (манипуляцию сознанием). Для успешной манипуляции необходима глубокая *дереационализация* мышления, снижение способности граждан к логическим умозаклучениям и внедрение в массовое сознание упрощенных стереотипов.

Именно этим, а не низким культурным уровнем руководства телевидением объясняется заполнение его программ низкопробной продукцией масс-культуры, фальшивой мистикой и «лабораторно созданными» суевериями — при почти полном устранении просветительского научного дискурса. Просветительская и рационализирующая деятельность науки оказалась в оппозиции политике государства. Но наука России, будучи по своему социальному генотипу наукой *государственной*, не готова к роли оппозиции.

Во-вторых, на восприятие просветительских сообщений ученых влияет их статус в обществе. Этот статус в последние десять лет демонстративно (и даже нагло)

понижался. Например, в обществе целенаправленно создавалось мнение, что именно «имперская» наука, это наследие Советского государства, стала никчемной и неподъемной нагрузкой на государственный бюджет России.

— Наука, охватывая своими наблюдениями, экспедициями и лабораторными исследованиями все пространство страны, дает достоверное знание о той реальной (и изменяющейся) природной среде, в которую вписывается вся жизнь народа.

Этого знания не может заменить ни изучение иностранной литературы, ни приглашение иностранных экспертов. Слишком велик в исследовании био- и геосферы России вес *неявного знания*, хранящегося в памяти, навыках и личных архивах национального научного сообщества. Еще более сложной и широкой задачей является «объяснение» этого знания политикам и хозяйственникам, широким слоям народа. Это может сделать только авторитетное и достаточно крупное отечественное сообщество ученых и околонаучные культурные круги.

Эту функцию науки российские ученые осознали во всей ее системной целостности за десять лет до революции, так что к 1917 г. была в основных, принципиальных чертах готова большая национальная программа развития производительных сил России на научной основе. Ее и принялось выполнять советское общество.

Этот тип знания о стране обладает значительной инерцией. Оно «работает» какое-то время даже после свертывания («замораживания») экспедиций и наблюдений — если в стране остались производившие это знание ученые, которые ведут обработку материалов и сообщают результаты через множество каналов информации. Эта функция до сих пор выполняется российской наукой, и, с учетом ничтожности предоставленных ресурсов, выполняется весьма эффективно. Но по мере

ухода из жизни носителей неявного знания и, одновременно, размыwania научных оснований массового сознания этот потенциал угасает. Скорость угасания вычислить трудно, но, похоже, мы уже недалеко от красной черты.

Исчезло державное государство как главный субъект, заинтересованный в исследовании природной среды России просто ради получения достоверного знания, независимо от рыночных критериев. Рыночные же критерии мотивировать такие исследования не могут, поскольку добыча большинства видов сырья в России с точки зрения мирового рынка рентабельной не будет.

Еще менее способны рыночные силы поддерживать исследования, результат которых вообще не выражается в терминах экономической эффективности, а подчиняется иным критериям, например безопасности. Советское государство исходило не из рыночных критериев эффективности, а из критериев оптимизации на уровне целого — страны. Поэтому такие исследования не считались «ненужными», и проблем с их финансированием не было.

Примером служит катастрофа в Кармадонском ущелье (Северная Осетия) в сентябре 2002 г. Там при сходе пульсирующего ледника погибло более 130 человек. Гляциолог из Института географии РАН рассказывает: «После схода ледника в 1969 г. по заказу Совмина Северной Осетии на Колку отправили экспедицию из сотрудников Института географии РАН. Несколько лет в 70-х годах специалисты-гляциологи изучали ледник и его поведение. В частности, был вычислен объем ледника, его критическая масса... Как только масса превышает эту отметку, ледник не выдерживает своего веса и сходит вниз». Но затем, по его словам, научные работы из-за прекращения финансирования в начале реформы были свернуты, ледник был оставлен без присмотра.

В дальнейшем в ходе реформы наблюдения за ледниками прекратились в России практически повсеместно.

— В тесной связи с изменяющейся природной, техногенной и социальной средой изменяются люди, их коллективные общности (народы и этносы), все общество. Процессы этно- и социогенеза, ускоряющиеся в условиях природных и социальных кризисов, в принципе не могут быть удовлетворительно изучены и объяснены без собственной национальной науки. Этнографическое исследование «извне» всегда будет, по принципиальным методологическим причинам, «империалистическим», проведенным в чужих интересах и изложенным на чужом языке.

В XX веке Россия втянулась в очередной пик бурного этногенеза и социальных преобразований. Такие процессы должны быть объектом комплексного изучения, а не только общественных наук, ибо они тесно связаны с изменениями в природной среде и техносфере. Активное участие в этих процессах (особенно если они приобретают форму конфликта) принимает сама национальная интеллигенция, что создает специфические методологические трудности для исследований.

Советская наука обладала явно недостаточным запасом знания об этничности и, в основном, следовала устаревшим представлениям, согласно которым этнические свойства являются устойчивой сущностью (или даже наследуемыми признаками). Эта преодоленная в современной антропологии концепция помешала отечественной этнологии адекватно оценить угрозу, которую представляла для многонационального СССР мобилизованная политизированная этничность, а также предложить эффективные методы разрешения искусственно раскрученных этнических конфликтов.

Положение спасал огромный опыт, накопленный в Российской империи и в СССР, и систематизированное в научном сообществе неявное знание. Пока что указан-

ная функция науки в описании и анализе этнических процессов в какой-то мере обеспечена усилиями старших поколений научных и практических работников, обладающих неявным знанием и практическим опытом, но налицо опасность разрыва поколений, так что в обозримой перспективе может возникнуть провал.

Активное внедрение в исследования указанных проблем иностранных ученых и фондов (особенно в постановку задач, выбор методологии и трактовку эмпирических данных) чревато важными деформациями и искажениями — втягиванием этих исследований в «империалистическую» парадигму.

— Создаваемая для хозяйства, обороны, всего жизнеобеспечения государства и общества **техносфера** гораздо сильнее, чем принято думать, связана с природной средой и культурой страны. Поэтому хотя многие ее элементы и целые блоки могут быть импортированы или созданы с помощью переноса знаний и технологий, **техносфера страны в целом, как единая система, в большой степени зависит от непрерывных усилий отечественной науки.**

В России к началу XX века уже была создана большая и специфическая техносфера индустриального типа, которую должно было «вести» (не говоря уж о ее развитии) адекватное по масштабам и структуре отечественное научное сообщество. «Мощность» науки сильно отставала. К тому же требовался рывок в индустриализации и модернизации всего жизнеустройства, для чего также требовались массивные инвестиции знания, полученного на месте отечественным сообществом. Это и было с самого начала советского периода главной задачей научной политики.

Созданный в советское время научно-технический потенциал мог решать критически важные задачи, хотя для обеспечения комфорта западного типа был недостаточным. Политики, которые пришли к власти в России в

1991 г., радикально отвергли принципы советской научной политики, сознательно создали разрыв непрерывности в развитии научно-технической сферы. Теперь мощности нынешней российской науки явно недостаточны для обслуживания техносферы из-за ликвидации системы отраслевой науки. Что в результате происходит в техносфере России — у всех перед глазами.

В начале реформы было утверждено *приоритетное развитие фундаментальных исследований*. Такое структурное разделение науки было предусмотрено в «Федеральном законе о науке и государственной научно-технической политике» (ст. 11 Закона декларирует «гарантию приоритетного развития фундаментальных исследований»). Этот принцип реализуется на практике — в структуре сети научно-технических организаций при незначительном общем сокращении их числа произошло выбытие КБ (сокращение только за 1992—1995 гг. на 40%), проектных и проектно-изыскательских организаций (сокращение на 65%).

Оказалось, однако, что поддержка прикладных НИОКР через рыночные механизмы совершенно недостаточна, искусственно созданный «капитал» финансировать науку в достаточной мере не собирается — в ситуации, когда приоритетными и срочными с точки зрения жизнеспособности государства и общества становятся многие направления именно прикладных исследований (например, анализ причин и поиск подходов к предотвращению техногенных аварий и катастроф).

— Мир в целом втягивается в глубокий глобальный кризис («кризис индустриализма», «третья волна цивилизации»). Его симптомами служат частичные кризисы — экологический, энергетический, культурный и др. Россия — первая крупная цивилизация, которая испытала на себе воздействие этого кризиса в его радикальной форме. Наука России уже накопила большое, хотя еще недостаточно оформленное, знание о

поведении технологических, социальных и культурных систем на изломе, при крупномасштабных переходах «порядок—хаос». Развитие и формализация этого знания, которое совершенно по-новому ставит многие фундаментальные вопросы, важно для самой России, но не в меньшей степени — и для мирового сообщества.

Становление советской науки проходило в процессе осмысления огромного мировоззренческого и, в общем, цивилизационного кризиса начала XX века, который породил и Первую мировую войну, и цепь революций. Они стали реально мировой революцией (хотя и другого типа, нежели предсказывал Маркс). Наиболее глубоко системный кризис поразил тогда Россию, которая пережила крах сословной монархической государственности, развал огромной империи, тяжелую Гражданскую войну альтернативных революционных проектов. Это знание было систематизировано советским научным сообществом и, можно сказать, всем обществом. Оно вошло как важная часть нового знания всей мировой цивилизации.

Осмысление тех катастроф и переходных процессов привело к множеству открытий и созданию новых оригинальных социальных форм, к открытиям в сфере хозяйства, образования, организации самой науки и культуры. Советская научная и общественная мысль завоевали тогда большой авторитет в мировом сообществе, которое, в свою очередь, оказало большую поддержку советским программам развития.

В последние двадцать лет Россия вновь переживает системный кризис нового типа, но тоже как часть мирового цивилизационного кризиса. Пока что функция систематизации, теоретической обработки и представления знаний о кризисе России выполняется, видимо, неудовлетворительно. Во-первых, ученые, которые наблюдают кризис «изнутри», не могут в достаточной мере отвлечься от этических оценок и целого ряда мифов —

методологически не готовы. Во-вторых, вся общественная жизнь в России пока еще слишком идеологизирована, что ограничивает свободу исследований и дискуссий. В результате общество и государство не получают тех знаний о кризисе, которые наука уже могла бы предоставить. А мировое сообщество (прежде всего научное) имеет весьма искаженное представление о происходящих в России процессах.

Россия живет в быстро изменяющемся мире, который к тому же создает огромный запас новых знаний о природе и человеке. Знания из этого мира и о нем, необходимые для развития и самого существования России, поступают в нее извне или в виде товаров, изготовленных иностранными фирмами исходя из их критериев, или в виде более широкого потока информации, перерабатываемой согласно «собственным» критериям. Только сильная и структурно полная отечественная наука может служить тем механизмом, который «втягивает» в страну нужное для нее знание из всей мировой цивилизации. Страны, не обладающие таким механизмом, получают отфильтрованное и ограниченное знание, утрачивают реальную независимость и вовлекаются главными мировыми державами в их орбиту в качестве «материала».

Пока что эта функция также выполняется недостаточно удовлетворительно — в основном по тем же причинам, что и предыдущая. Ученые России — социальная группа, проявившая исключительно высокую активность в перестройке и сама подпавшая под влияние созданных в это время идеологических мифов евроцентризма. В результате восприятие, осмысление и изложение знаний о процессах, происходящих в мире, носят сегодня заметную идеологическую окраску, искажающую информацию.

Указанные стороны бытия России отечественная наука обеспечивает в любые периоды — и стабильные,

и переходные. В советское время наша наука в основном работала в чрезвычайных условиях и в ударном темпе, только с 60-х годов ритм стал более или менее плавным. В настоящее время Россия опять переживает период нестабильности, кризиса и переходных процессов. В это время на науку возлагаются **совершенно особые задачи**, которые в очень малой степени могут быть решены за счет зарубежной науки, а чаще всего в принципе не могут быть решены никем, кроме как отечественными учеными.

Например, в условиях кризиса и в социальной, и в технической сфере возникают напряженности, аварии и катастрофы. Обнаружить ранние симптомы рисков и опасностей, изучить причины и найти лучшие методы их предотвращения может лишь та наука, которая участвовала в формировании этой техносферы и этих социальных форм и «вела» их на стабильном этапе. Если мощность науки во время кризиса недостаточна, число техногенных и социальных катастроф будет нарастать, а расходы на устранение последствий будут расти в непредсказуемых масштабах.

В условиях острого кризиса возникает необходимость в том, чтобы значительная доля отечественной науки перешла к совершенно иным, чем обычно, критериям принятия решений и организации — стала деятельностью не ради **«увеличения блага»**, а ради **«сокращения ущерба»**. Это задает особое направление в оценке эффективности. Оценки по необходимости должны носить сценарный характер и отвечать на вопрос: «Что было бы, если бы мы не имели знания о данной системе или процессе?» Заменять такие оценки подсчетом выгод от создания и внедрения той или иной технологии (которую к тому же в нынешних условиях бывает выгоднее импортировать) — это уводить внимание от главного.

Трудность перехода к иным критериям заключается в том, что полезность исследований, направленных

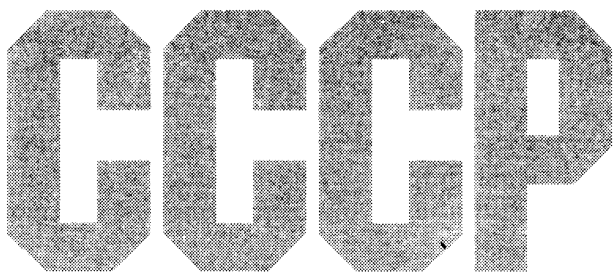

на предотвращение ущерба, в принципе не только не определяется, но даже и не осознается именно тогда, когда данная функция выполняется наукой эффективно. Пока нет пожара, содержание пожарной команды многие склонны были бы рассматривать как ненужную роскошь — если бы не коллективная память. Наука, которая имеет дело с изменяющейся структурой рисков и опасностей, опереться на такую коллективную память не может.

Выполнение чрезвычайных функций науки в условиях кризиса (шире — переходного периода) резко затруднено отсутствием целеполагания со стороны государственной власти. Произошел разрыв между властью и наукой как двумя ключевыми элементами российского «общества знания». Здесь мы видим контраст с тем, как были устроены отношения между советской наукой и государством. Правительство реформаторов, организовав «развод» науки с государством, сделало ошибочный выбор. Он не оправдан ни исторически, ни логически.

Как показал опыт, через самоорганизацию научных коллективов в кризисном состоянии не происходит их гармонизации с изменившейся структурой социальных проблем. Острый дефицит ресурсов ориентирует исследователей продолжать работу в старом направлении — для этого уже имеется минимум средств и запас знания, создан задел в виде сырых результатов.

В результате наука «не повернулась» лицом к новым неизученным фундаментальным проблемам, которые поставил перед Россией кризис. Здесь тоже есть чему поучиться у советской науки.

Глава 2

ОСОБЫЕ ЧЕРТЫ СОВЕТСКОГО «ОБЩЕСТВА ЗНАНИЯ»

Осмотрим фундамент, на котором было построено советское «общество знания». Ядром этого фундамента была наука. Согласно грубой классификации антропологов и культурологов, Россия относилась к категории *традиционных обществ*. Начиная с XVII века она находилась в состоянии интенсивной *модернизации*, которая протекала в форме более или менее радикальных волн. Эти волны порождали кризисы и расколы, однако, в целом, России удалось успешно освоить и адаптировать к собственным культурно-историческим условиям важные матрицы «общества знания» Нового времени, сложившиеся на Западе. Для нашей темы главными из этих системообразующих институтов были европейская наука и основанное на науке светское образование, а также институты, действующие непосредственно в поле той рациональности, которая воспроизводилась и распространялась наукой и образованием, — армия, промышленность, государственное управление, европеизированная художественная культура.

В XIX веке Россия уже стала одним из мировых центров «общества знания» того времени. Ее ареал рационального знания строился на существенно иной культурной основе, чем Запад. Здесь Просвещение было

«привито» на ствол традиционного сословного общества и православного идеократического государства. Для этого процесса была характерна интенсивная «гибридизация» рациональности Просвещения с традиционным знанием, здравым смыслом, художественным и религиозным знанием.

При этом возникающие продукты такой «гибридизации» были *открытыми*, что облегчило восприятие и распространение научного метода. В отличие от протестантских культур, в России не возникло закрытых интеллектуальных сект, занятых натурфилософией, а затем и наукой. Например, в русской культуре не прижилась *алхимия*, сыгравшая важную роль в социодинамике знания Запада. Существенного влияния в культуре (в отличие от политики) не приобрело и *масонство*. Социальная группа, из которой формировалось студенчество, а затем и кадры профессий с высоким уровнем образования, была разночинной и не приобрела кастового характера. Поэтому становление науки происходило не в обстановке *невидимых коллегий*, как это произошло в Англии, а в государственных университетах и Академии наук.

Два глубоко родственных явления в русской истории — *революционное движение* и *наука* несли в себе сильную квазирелигиозную компоненту (неважно, что носителями обоих явлений были в основном люди неверующие, атеисты). Оба они представляли в России способ *служения*, и многие революционеры в ссылке или даже в одиночной камере естественным образом переходили к занятиям наукой (вспомним народников, бывших одновременно замечательными учеными, — Н.И. Кибальчича, Н.А. Морозова, С.А. Подолинского). Н.А. Морозов писал, что для русской революционной интеллигенции 80-х годов XIX века «в туманной дали будущего светили две путеводные звезды — наука и гражданская свобода».

Философы, абсолютизирующие универсальность научной рациональности и интернациональный характер науки, утверждающие, что сама наука существует лишь постольку, поскольку освобождается от моральных ценностей, обходят историю русской науки. Ее существенное отличие от западной было в том, что она не пережила родовой травмы конфликта с Церковью, ей не пришлось декларировать мучительный «развод» с этикой, поскольку конфликта с Православием не возникло. В России не было ни преследования ученых Церковью, ни запрещения книг Дарвина или «обезьяньих процессов».

Безусловно, на Западе освобождение познания от тирании моральных ценностей придало науке большую силу и эффективность. Так же, как в экономике — предпринимателю, проникнутому «духом капитализма». Макс Вебер показал духовное родство двух профессий, послуживших корнем современного общества, — *предпринимателя и ученого*. В обоих случаях получение индивидуальной свободы благодаря отказу от «этики религиозного братства» легитимировало и даже придало высокий общественный статус *накоплению*. В одном случае это было накопление богатства (но не для наслаждения), в другом случае — накопление знаний (как самостоятельной ценности, а не ради использования в каких-то интересах). Эта аналогия и была положена Мертоном в основу его социологической концепции науки¹.

Совершенно на иных основаниях строилась наука

---

¹ Примечательно, что советских социологов науки, в большинстве своем западников, нисколько не смущал тот факт, что поведение русских и советских ученых никак не соответствовало модели Мертона. Согласно этой модели, ученый действовал как предприниматель на «рынке знания», получая эквивалентное вознаграждение в виде престижа, библиографических ссылок, званий и т.д. Будучи уверенными, что существует лишь одна, западная, цивилизация и народы, которые пока что просто отстали в своем развитии, они почитали, что «тем хуже для фактов».

(впрочем, как и предпринимательство) в России как *традиционном* обществе. Наука здесь и в общественном сознании, и в сознании многих ученых всегда была *инструментом Добра*, а не «беспристрастного» познания.

В западной социологии науки долго доминировал взгляд, что, поскольку цель науки — познание законов движения материи, структура научного процесса целиком предопределяется объектами исследования, а они не зависят от национальных культурных особенностей ученого. Атомы, они и в Африке атомы. Поэтому нет науки французской, немецкой или русской, различается только стиль оформления результатов. Но с 70-х годов прошлого века в науковедении активно работала международная бригада, которая называла свой подход *когнитивной социологией* (социологией познания). Они на эмпирическом материале показывали, что влияние культурных ценностей, которым привержено сообщество ученых, гораздо более фундаментально, нежели считалось.

А значит, есть разница в подходах к одному и тому же объекту в разных культурах, и видят ученые через призму своих культур существенно разные вещи. Значит, есть наука и французская, и немецкая, и русская. Ряд уважаемых философов, в том числе советских, считали такой вывод реакционным (вы, мол, слово в слово повторяете фашистов). Не будем спорить, это далеко нас заведет. Учтем только, что вопрос касается нас непосредственно. Французы и немцы — люди Запада, мировоззренчески они формируются, как говорится, на одной центральной цивилизационной матрице. А как в незападных культурах? Могут ли их мировоззренческие отличия не повлиять на структуру познавательного процесса? Речь тут не о личностях, а о сообществах. И русский, и японец могут уехать в США, освоить сложившиеся в лаборатории когнитивные нормы и прекрасно вести исследования. А японская наука в це-

дом — имеет ли какие-то особые качества по сравнению с англосаксонской?

Немецкий философ Радницки критикует сторонников когнитивной социологии, усматривая в попытке установить связь познавательного процесса с культурой ностальгию по «теплому обществу лицом к лицу» (то есть по традиционному обществу незападного типа) [145]. Но возникает вопрос: а как же быть с теми людьми, которые реально живут в обществе «лицом к лицу» — ведь они составляют большинство населения Земли. Должны ли они в формировании своих систем знания имитировать Запад?

Советский опыт показывает, что в этой имитации нет необходимости (даже если бы она была действительно возможна). Русские люди обучились науке в Европе, потом вернулись в Россию, да еще пригласили туда много замечательных ученых с Запада. Благодаря их трудам в России сложилась и была интегрирована в национальную культуру большая наука, в которой традиционные элементы самосознания профессиональных ученых оказались вполне совместимыми с использованием объективного научного метода. Например, русские эволюционисты видели в природе не столько *борьбу*, сколько *сотрудничество* ради существования. Соответственно, они смогли воспринять дарвинизм, очистив его от мальтузианства. Освоение дарвинизма в культурном контексте русской науки («Дарвин без Мальтуса») стало интересным объектом истории науки и существенным аргументом в поддержку когнитивной социологии [146].

Особое представление о науке в России исключительно устойчиво. Подобно тому, как Вебер в 1905 г. под либеральной оболочкой кадетов или Ортега-и-Гасет в 1930 г. под модернистской оболочкой большевизма увидели мышление, присущее *традиционализму*, мы и в конце XX века обнаруживаем те же структуры мышления у самых искренних либеральных демократов Рос-

сии. Студенты МГУ, слушавшие в начале 90-х годов курс «Наука и общество» и считавшие себя закоренелыми демократами и либералами, на семинарах утверждали, что наука — это *инструмент Добра*, а не свободное от морали предприятие по накоплению объективных истинных знаний. Эти студенты в глубинных слоях сознания оставались тем же продуктом традиционного общества, что и их «красно-коричневые» оппоненты.

Особенностью русской науки стало и сохранение в ее мировоззренческой матрице, наряду с ньютоновской картиной мироздания, *космического чувства*. На Западе Научная революция, почти слившись по времени с Реформацией, произвела *десакрализацию* мира, представив его как холодное и бездушное пространство.

Надо подчеркнуть, что в культуре Запада разрушение Космоса и переход к рассмотрению мира как картины слилось, в отличие от других культур (в том числе России), с глубокой религиозной революцией — Реформацией. Для протестантов природа потеряла ценность, ибо она перестала быть посредницей между Богом и человеком. Как писал один философ, «тем самым протестантское мышление окажется лучше подготовленным к новому положению науки, которая увидит в природе бездушную механику, к новой физике, которая не будет более созерцанием форм, а будет использованием и эксплуатацией» (см. [4])¹.

---

¹ К.А. Свасьян приводит слова немецкого философа Р. Штайнера: «В ньютоновской физике мы впервые соприкасаемся с представлениями о природе, полностью оторванными от человека... Современная наука, стремясь подчинить себе природные явления с помощью математики, изолированной от человека и внутренне уже не переживаемой, способна в своем обособленном математическом созерцании и со своими оторванными от человека понятиями рассматривать только мертвое; с отторжением математики от живого ее можно применять лишь к мертвому» [110].

И. Пригожин пишет: «Миром, перед которым не испытываешь благоговения, управлять гораздо легче. Любая наука, исходящая из представления о мире, действующем по единому теоретическому плану и низводящем неисчерпаемое богатство и разнообразие явлений природы к унылому однообразию приложений общих законов, тем самым становится инструментом доминирования, а человек, чуждый окружающему его миру, выступает как хозяин этого мира» [101].

Здесь проходила глубокая межа между философией западного «общества знания» и мировоззренческими установками русских ученых и мыслителей. Этого разделения нельзя игнорировать и сегодня, оно должно быть вскрыто и осмыслено. Русская культура сохранила космическое чувство, ей был присущ холизм, отрицающий дуализм западного мироощущения и вытекающее из него противопоставление земли и неба, материального и духовного, субъект-объектное отношение человека к природе. В.С. Соловьев писал, вовсе не сводя дело к религиозной трактовке: «Между реальным бытием духовной и материальной природы нет разделения, а существует теснейшая связь и постоянное взаимодействие, в силу чего и процесс всемирного совершенствования, будучи богочеловеческим, необходимо есть и *богоматериальный*» [114, т. 1, с. 267]. В другом месте он определенно отвергает десакрализацию мира, происходившую в ходе протестантской Реформации и Научной революции: «Верить в природу — значит признавать в ней сокровенную светлость и красоту, которые делают ее *телом Божиим*. Истинный гуманизм есть вера в *Богочеловека*, а истинный натурализм есть вера в *Богоматерию*» [114, т. 2, с. 314].

Представление о человеке и его деятельности как факторе космического характера было присуще русской культуре и в XVIII веке (см. гл. 2), и в XX веке. В.И. Вернадский писал: «Изменяя характер химических

процессов и химических продуктов, человек совершает работу космического характера». К.Э. Циолковский был уверен в возможности технического освоения космоса и работал над этим. А.Е. Ферсман ввел понятие техногенеза как глобального геологического процесса. И в этих представлениях звучала тема ответственности человека за техногенное воздействие на мир. Бердяев писал: «Главная космическая сила, которая сейчас действует и перерождает лицо земли и человека, дегуманизирует и обезличивает его, есть... техника» (цит. в [6]). В.И. Вернадский видел будущее оптимистически и считал, что под воздействием человека техносфера превращается в сферу разума, *ноосферу*: «Человек своим трудом — и своим сознательным отношением к жизни — перерабатывает земную оболочку — геологическую оболочку жизни, биосферу. Он переводит ее в новое геологическое состояние: его трудом и сознанием биосфера переходит в ноосферу» (цит. в [6]).

Десакрализация и дегуманизация мира, его беспристрастное познание как внешнего по отношению к человеку объекта породили в культуре Запада огромный энтузиазм, но в то же время и глубокий кризис. Дегуманизация мира — глубокое культурное изменение, повлекшее раскол «двух культур». Она — источник тоски человека, осознавшего, по выражению Жака Моно, что он, «подобно цыгану, живет на краю чуждого ему мира. Мира, глухого к его музыке, безразличного к его чаяниям, равно как и к его страданиям или преступлениям». Но эта тоска и дает полное ощущение свободы.

Как известно, при становлении современного общества Запада основанием его идеологии стала новая картина мироздания — модель небесной механики Ньютона. Вначале, в эпоху научной революции и триумфального шествия механической картины мира, даже модель человека базировалась на метафорах *машины* и меха-

нического (даже не химического) атома, подчиняющихся законам Ньютона.

Лейбниц писал: «Процессы в теле человека и каждого живого существа являются такими же механическими, как и процессы в часах». Ясперс, развивая идею демонизма техники, имел в виду именно *антропологический* смысл механистического мироощущения, которое формирует и взгляд на человеческое общество как на машину.

Он пишет: «Вследствие уподобления всей жизненной деятельности работе машины общество превращается в одну большую машину, организующую всю жизнь людей. Бюрократия Египта, Римской империи — лишь подступы к современному государству с его разветвленным чиновничьим аппаратом. Все, что задумано для осуществления какой-либо деятельности, должно быть построено по образцу машины, т.е. должно обладать точностью, предначертанностью действий, быть связанным внешними правилами... Все, связанное с душевными переживаниями и верой, допускается лишь при условии, что оно полезно для цели, поставленной перед машиной. Человек сам становится одним из видов сырья, подлежащего целенаправленной обработке. Поэтому тот, кто раньше был субстанцией целого и его смыслом — человек, — теперь становится средством. Видимость человечности допускается, даже требуется, на словах она даже объявляется главным, но, как только цель того требует, на нее самым решительным образом посягают. Поэтому традиция в той мере, в какой в ней коренятся абсолютные требования, уничтожается, а люди в своей массе уподобляются песчинкам и, будучи лишены корней, могут быть именно поэтому использованы наилучшим образом» [14, с. 144].

По словам Н.А. Бердяева, «замкнутое небо мира средневекового и мира античного разомкнулось, и открылась бесконечность миров, в которой потерялся че-

ловек с его притязаниями быть центром вселенной». Наука разрушила этот Космос, представив человеку мир как бесконечную, познаваемую и описываемую на простом математическом языке машину. Машина приобрела статус естественного продолжения природного мира, построенного как машина.

Космическое (соборное) представление о человеке вырабатывала уже философия Древней Греции. Для нее человек — и гражданин *Космоса* (*космополит*), соединенный невидимыми струнами со всеми вещами в мире, и общественное животное (*zoon koionikon*). В славянском мироощущении этому соответствовала идея всеединства, выраженная в концепции *мира* — как Космоса, так и общины.

Понятно, что соборный человек не изолирован и не противопоставлен миру и другим людям, он связан со всеми людьми и со всеми вещами и *отвечает* за них. Русский поэт-философ Державин так определил место человека в Космосе:

Частица целой я вселенной,
Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества...

В чем же долг человека, что ему вменено Богом в обязанность («И цепь существ связал всех мной»)? Вот как это самосознание видится Державиным:

Я связь миров повсюду сущих,
Я крайняя степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества;
Я телом в прахе истлеваю
Умом громам повелеваю.

Это представление о человеке не менялось в русской культуре и в ходе модернизации России. Его развивали и русские философы XX века. У Вл. Соловьева человек — это Божий посредник между царством небесным и земным, между духовной и природной средой.

П. Флоренский писал: «Человек есть сумма Мира, сокращенный конспект его; Мир есть раскрытие Человека, проекция его. Эта мысль о Человеке, как микрокосмосе, бесчисленное множество раз встречается во всевозможных памятниках религии...» (подробнее о модели человека в русской философии см. [30]).

Разумеется, конфликт двух мировоззренческих установок разрешался в русской науке сложно. Вот как описывает это состояние А.Ф. Лосев: «Не только гимназисты, но и все почтенные ученые не замечают, что мир их физики и астрономии есть довольно-таки скучное, порою отвратительное, порою же просто безумное марево, та самая дыра, которую ведь тоже можно любить и почитать... Все это как-то неуютно, все это какое-то неродное, злое, жестокое. То я был на земле, под родным небом, слушал о вселенной, «яже не подвижется»... А то вдруг ничего нет, ни земли, ни неба, ни «яже не подвижется». Куда-то выгнали в шею, в какую-то пустоту, да еще и матерщину вслед пустили. «Вот-де твоя родина, — наплевать и размазать!» Читая учебник астрономии, чувствую, что кто-то палкой выгоняет меня из собственного дома и еще готов плюнуть в физиономию» [73, с. 405].

Н.Н. Моисеев писал: «В самом деле, в основе любых исследований в физике, химии, других естественных науках лежит принцип повторяемости эксперимента, возможность многократного воспроизведения изучаемой ситуации. Что же касается биосферы, то она существует в единственном экземпляре, причем это объект непрерывно изменяющийся. Воспроизводимых ситуаций просто не существует! Наконец, производить эксперименты с биосферой нельзя: это аморально и бесконечно опасно» [82].

Это положение, высказанное Моисеевым недавно, вытекает из того космического чувства, которым окрашена картина мира в незападных культурах (в частно-

сти, в русской). Этот неявный диалог с присущим западному «обществу знания» субъект-объектному отношению к природе велся в русской философской мысли с момента имплантации новоевропейской науки в Россию.

Вл. Соловьев писал в конце XIX века: «Вещи не имеют прав, но природа или земля не есть только вещь, она есть овеществленная сущность, которой мы можем, а потому и должны способствовать в ее одухотворении. Цель труда по отношению к материальной природе не есть пользование ею для добывания вещей и денег, а совершенствование ее самой — оживление в ней мертвого, одухотворение вещественного. Способы этой деятельности не могут быть здесь указаны, они составляют задачу *искусства* (в широком смысле греческой *«техне»*). Но прежде всего важно отношение к самому предмету, внутреннее настроение и вытекающее из него направление деятельности. *Без любви к природе для нее самой нельзя осуществить нравственную организацию материальной жизни*» [114].

Он как будто заранее отвечал Ясперсу, который в 1949 г. дал категорическое утверждение: «Техника — это совокупность действий знающего человека, направленных на господство над природой; цель их — придать жизни человека такой облик, который позволил бы ему снять с себя бремя нужды и обрести нужную ему форму окружающей среды» [140].

Русский космизм, тесно связанный с религиозными представлениями, несмотря на его кажущуюся несовместимость с научным рационализмом, сыграл плодотворную роль в развитии российской общественной мысли XX века. Он стал основанием эсхатологической утопии совершенствования мира с помощью науки и техники. Основатель учения космизма Н.Ф. Федоров непосредственно оказал большое влияние на многих деятелей науки и культуры начала XX века (и, как пишут, на философские искания видных большевиков). Косми-

стом был и советский писатель-философ А. Платонов, который отразил советскую утопию науки и техники в ряде своих произведений¹.

Очень красноречив тот факт, что эта квазирелигиозная утопия соединилась в СССР с нормальной рациональной наукой и была воплощена в высокоорганизованную научно-техническую деятельность. Она сплотила множество людей, в которых рационализм, техническое и социальное творчество соединились со страстью подвижников (в этом ряду смогли взаимодействовать такие разные культурные типы, как К.Э. Циолковский и академик С.П. Королев).

Н.А. Бердяев писал: «Оригинально в советской коммунистической России то духовное явление, которое обнаруживается в отношении к техническому строительству. Тут действительно есть что-то небывалое, явление нового духовного типа. И это-то и производит жуткое впечатление своей эсхатологией, обратной эсхатологии христианской... Эсхатология христианская связывает

---

¹ Так, Н.Н. Моисеев писал о воздействии сохранившихся в русской культуре элементов «космического мировоззрения» на когнитивные (познавательные) установки ученых: «Такое философское и естественно-научное представление о единстве Человека и Природы, об их глубочайшей взаимосвязи и взаимозависимости, составляющее суть современного учения о ноосфере, возникло, разумеется, не на пустом месте. Говоря это, я имею в виду то удивительное явление взаимопроникновения естественно-научной и философской мысли, которое характерно для интеллектуальной жизни России второй половины XIX века. Оно привело, в частности, к формированию умонастроения, которое сейчас называют русским космизмом.

Это явление еще требует осмысления и изучения. Но одно более или менее ясно: мировосприятие большинства русских философов и естественников, при всем их различии во взглядах — от крайних материалистов до идеологов православия — было направлено на отказ от основной парадигмы рационализма, согласно которой человек во Вселенной лишь наблюдатель. ... Мне кажется, что уже со времени Сеченова в России стало утверждаться представление о том, что человек есть лишь часть некоей более общей единой системы, с которой он находится в глубокой взаимосвязи» [82].

преображение мира и земли с действием Духа Божия. Эсхатология техники ждет окончательного овладения миром и землей, окончательного господства над ними при помощи технических орудий» [12].

Бердяев писал это в эмиграции, под впечатлением того духовного кризиса, который предвещала технизация на Западе. В этом он продолжил размышления русских философов и ученых, которые сопровождали планы научного строительства.

В русской культуре и непосредственно в философии начала XX века резкое ускорение технизации мира было осознано именно как угроза духовной сфере человека, как *дегуманизация* мира. Бердяев определил этот момент так: «начинается новая зависимость человека от природы, технически-машинная зависимость» [12]. В работе «Смысл истории» он пишет о «магической власти» машины над человеком, она «налагает печать своего образа на дух человека» [10].

Бердяев видит в технике эсхатологическое начало — она порождает нового человека: «Техника имеет свою эсхатологию, обратную христианской, — завоевание мира и организацию жизни без Бога и без духовного перерождения человека... Индустриальная техническая цивилизация являет собой все возрастающее цивилизованное варварство... Свойства цивилизации технической таковы, что ею может пользоваться варвар совершенно так же, как и человек высокой культуры» (цит. в [6]).

Р.К. Баландин к своей работе о философии техники [6] взял эпиграфом такие строки из стихотворения Максимилиана Волошина (1922):

Машина победила человека:
 Был нужен раб, чтоб вытирать ей пот,
 Чтоб умащать промежности елеем,
 Кормить углем и принимать помет.
 И стали ей тогда необходимы:
 Кишащий сгусток мускулов и волю,

Воспитанных в голодной дисциплине,
И жадный хам, продешевивший дух
За радости комфорта и мешанства.

Сегодня мы должны учесть, что утопия господства знания особенно присуща именно *американской* ветви западного мировоззрения, которой сегодня стараются следовать российские либералы. Эта утопия унаследована от мироощущения «отцов нации», которые строили в Америке «сияющий город на холме». Здесь связь техники с метафизикой очень сильна. Американский философ У. Дайзард подчеркивает: «Р. Эмерсон, философ, выразивший самую суть национальной души, писал: «Машинерия и трансцендентализм вполне согласуются между собой... Посмотрите, как посредством телеграфа и паровой машины земля антропологизируется». Эта риторика «божественной технологии» красной нитью проходит через всю американскую философию». Далее он замечает: «Неотъемлемая часть американского технологического мифа — идея социального спасения через усовершенствование коммуникаций... Провозглашаемый информационный век — это не столько машины и техника, сколько декларация веры в то, что электронное спасение в пределах нашей досягаемости» [40, с. 351].

Это еще раз подтверждает известное положение философии науки. Родившаяся в XVII веке наука Нового времени декларировала свою автономию от этических ценностей, институционализировала себя в обществе как источник *беспристрастного* (объективного) знания. В действительности она несет в себе важный религиозный компонент и постулирует высокий статус ценностей, почти очевидно *иррациональных*. Н.А. Бердяев, видя в технике преобразующую мир силу космического масштаба, указывает на эту опасность для человеческого сознания: «Техника рационализирует че-

ловеческую жизнь, но рационализация эта имеет иррациональные последствия» (цит. по [6]).

Например, философы разных направлений приходят к выводу, что идея *прогресса* имеет под собой не рациональные, а именно религиозные основания, выводимые из специфической для европейской цивилизации *веры*. Н.А. Бердяев пишет: «Психологию веры мы встречаем у самых крайних рационалистов, у самых фанатических сторонников научно-позитивного взгляда на мир. На это много раз уже указывалось. Люди «научного» сознания полны всякого рода вер и даже суеверий: веры в прогресс, в закономерность природы, в справедливость, в социализм, веры в науку — именно веры» [11].

Ю.Н. Давыдов обсуждая «парадокс рациональности» Вебера, пишет: «Система общемировоззренческих представлений, предлагаемых наукой в противоположность религии, также имеет религиозный характер. Так же, как и иудаистски-христианская религиозность, религиозность научного типа покоится на совершенно иррациональной предпосылке, внутренне родственной установке на «овладение миром». Речь идет о вере в «самоценность накопления» научных знаний (рассматриваемых, как известно, не только в качестве одного из источников человеческого могущества, но в качестве силы и власти самой по себе)» [39].

Такой прогрессизм и технократизм присутствовал и в части российской либеральной и социал-демократической интеллигенции, которая строила образ будущего. Это был общий футурологический энтузиазм Европы того времени. *Футуризм* и возник как утопия создания «машинизированного человека». Надо вспомнить Манифесты футуризма Маринетти, они сегодня актуальны. В 1912 г. Маринетти писал: «Кончилось господство человека. Наступает век техники! Но что могут ученые, кроме физических формул и химических реакций? А мы сначала познакомимся с техникой, потом

подружимся с ней и подготовим появление МЕХАНИЧЕСКОГО ЧЕЛОВЕКА В КОМПЛЕКТЕ С ЗАПЧАСТЯМИ» [85, с. 168].

А в 1923 г. Л. Троцкий писал: «Человеческий род, застывший *homo sapiens*, снова поступит в радикальную переработку и станет — под собственными пальцами — объектом сложнейших методов искусственного отбора и психофизической тренировки. Это целиком лежит на линии развития... В наиболее глубоком и темном углу бессознательного, стихийного, подпочвенного затаилась природа самого человека. Не ясно ли, что сюда будут направлены величайшие усилия исследуемой мысли и творческой инициативы?» [121]. Эти представления, среди прочего, привели к массовому отторжению этой ветви в большевизме.

Эта линия в советское время «ушла в подполье», но вновь объявилась в момент перестройки. Вот «кредо» Н. Амосова, одного из духовных авторитетов интеллигенции конца 80-х годов: «Точные науки поглотят психологию и теорию познания, этику и социологию, а следовательно, не останется места для рассуждений о духе, сознании, вселенском Разуме и даже о добре и зле. Все измеримо и управляемо... Не исключено, что исправление генов зародышевых клеток в соединении с искусственным оплодотворением даст новое направление старой науке — евгенике — улучшению человеческого рода. Впрочем, это уже не очень отдаленное будущее. Еще ближе массовая генетическая диагностика физических, а может быть, психических недостатков у зародышей и ранние прерывания беременностей. По всей вероятности, изменится настороженное отношение общественности к радикальным воздействиям на природу человека, включая и принудительное (по суду) лечение электродами злостных преступников... Но здесь мы уже попадаем в сферу утопий: какой человек и ка-

кое общество имеют право жить на земле, и как это право реализовать» [1].

Сегодня, когда власть «прогрессоров» в России, видимо, достигла апогея, мы читаем такие рассуждения видного писателя-интеллектуала, лауреата множества премий А. Столярова, конкретно о России: «Современное образование становится достаточно дорогим. ... В результате только высшие имущественные группы, только семьи, обладающие высоким и очень высоким доходом, могут предоставить своим детям соответствующую подготовку... Воспользоваться [новыми лекарствами] сможет лишь тот класс людей, который принадлежит к мировой элите. А это в свою очередь означает, что «когнитивное расслоение» будет закреплено не только социально, но и биологически, в предельном случае разделив все человечество на две самостоятельные расы: расу «генетически богатую», представляющую собой сообщество «управляющих миром», и расу «генетически бедную», обеспечивающую в основном добычу сырья и промышленное производство...

Современные «морлоки» с их интеллектом кретина будут неспособны на какой-либо внятный протест. Равным образом они постепенно потеряют умение выполнять хоть сколько-нибудь квалифицированную работу, и потому их способность к индустриальному производству вызывает сомнения» [118].

Эта линия — продолжение футуризма Маринетти. Но таких линий в западной концепции технотронного информационного общества множество. Поэтому любой проект трансплантации в Россию структур «общества знания» должен предваряться анализом этих структур на их *ценностную совместимость* с мировоззренческой матрицей русской культуры.

Вернемся к началу XX века. Космизм был одним из мостиков, соединивших в России научное и художественное мироощущения. Это сильно ослабило тенденцию

к разделению знания на «две культуры», которое пережил Запад в середине XX века. Космические мотивы были сильны в творчестве поэтов Серебряного века (Блок, Брюсов, Хлебников) и советского периода (Маяковский, Клюев, Заболоцкий). Образ вселенной как Космоса стал важной частью массового сознания в России. Вот красноречивый штрих: более полувека в мире осуществляются две технически сходные исследовательские программы, в которых главный объект называется совершенно разными терминами. В СССР (теперь России) — космос, в США — *space* (пространство). У нас *космонавты*, там — *астронавты*.

Российская цивилизация как евразийская сложилась во многом потому, что родственные системы мироощущения народов европейской и азиатской частей России смогли соединиться в общую центральную мировоззренческую матрицу. Ее особенностью и был синтез новой научной картины мира Ньютона и космического мировоззрения больших и малых народов Евразии. А. де Кюстин в своей книге «Россия в 1839 году» писал: «Нужно приехать в Россию, чтобы воочию увидеть результат этого ужасающего соединения европейского ума и науки с духом Азии» [56, с. 464]¹.

Здесь следует сделать небольшое отступление и сказать о рано осознанном на Западе мировоззренческом конфликте между «обществами знания» Запада и России. Для нас он важен потому, что резко деформиро-

---

¹ Цитируя это важное утверждение де Кюстина, В.В. Кожинov подчеркивает, что речь идет о тех особенностях России, в которых Кюстин усматривает одну из основ ее уникальной *мощи*. Актуальностью этих наблюдений Кюстина объясняет В.В. Кожинov и беспрецедентную популярность его книги на Западе. В 1951 г., когда разворачивалась холодная война, книга была издана в США с предисловием директора ЦРУ Б. Смита, в котором было сказано, что «книга может быть названа лучшим произведением, когда-либо написанном о Советском Союзе». Эту книгу, кстати, цитировал и Энгельс в своей работе о русской армии.

вал восприятие российской и советской науки на Западе и еще более — в среде нашей отечественной западнической интеллигенции. Это породило и «низкопоклонство перед Западом» в научно-технической сфере, и эксцессы «борьбы с низкопоклонством», и крайние, достигающие до абсурда в своей разрушительности, действия в отношении науки во время реформ 90-х годов.

Необычным явлением в истории культуры стал тот факт, что Запад, легко восприняв русскую литературу и музыку, в то же время проявил удивительную ревность по отношению к русской науке. Это бросается в глаза сразу при чтении английских и американских книг по всеобщей истории науки и техники. Вот общее впечатление: как только речь заходит о крупном вкладе русского ученого, автор поджимает губы, как будто это и так весьма редкое упоминание хоть как-то умаляет величие и славу европейской науки.

Россия в этих книгах просто не входит в то пространство, которое определяется понятием *Европа*. Поэтому даже когда читаешь в фундаментальной монографии по истории техники о военной технологии времен наполеоновских войн, то получаешь подробные сведения о литейном и пушечном производстве во всех частях Европы — а у России как будто вообще никакой техники не было, Наполеона погубил мороз и фанатизм русских мужиков.

Обратимся к каноническим книгам, которые стоят на полках средней западной университетской библиотеки. Вот фундаментальный труд, исходное чтение по истории науки для западного интеллигента, Colin A. Ronan, «The Cambridge Illustrated History of the World Science» (1983. 699 p.). Как представлена в нем русская наука?

Ломоносов и Вернадский, два гиганта, воплощающие XVIII и XX века, не упоминаются вообще. Менделеев в тексте упоминается в связи с Нильсом Бором, который

дал «элегантную теоретическую интерпретацию классификации химических элементов, предложенной русским химиком Дмитрием Менделеевым». Лобачевский упоминается в связи с Анри Пуанкаре, в подписи к его портрету (поскольку Пуанкаре развил идеи Лобачевского). Николай Вавилов — в связи с Т.Д. Лысенко, поскольку тот добился его ареста и гибели. И если мы сравним число строк, то окажется, что именно Лысенко посвящено больше текста, чем всем русским и советским ученым, вместе взятым (приведена даже весьма подробная биография Лысенко начиная с его юношеских лет)¹. Вот более строгая, множество раз переизданная книга: L.W.H. Hull, «History and Philosophy of Science». Здесь из русских ученых упомянуты лишь имена Лобачевского (ему посвящено одно слово — фамилия в большом списке математиков) и Лысенко (ему отведена тирада в целых восемь строк).

А вот замечательная книга A.J. Ihde, «The Development of Modern Chemistry», регулярно переиздаваемая последние 80 лет. Мы узнаем здесь о Ломоносове в связи с рассказом о первой химической лаборатории в США, основанной в 1824 г. Автор сообщает, что первым во всем мире подобную лабораторию основал Ломоносов в 1748 году, — но о ней далее ни слова, хотя случай, казалось бы, заслуживает внимания. В другом месте сообщается, что Ломоносов на 48 лет раньше Лавуазье вел количественные опыты по окислению металлов и сформулировал положение о сохранении веса

---

¹ Да и само «дело Лысенко», содержащее ценный исторический материал, представляется столь упрощенно, что из него нельзя извлечь уроков ни в социальном, ни в когнитивном плане. Представленное как аналогия «дела Галилея», оно создает неадекватное представление о взаимодействиях науки с идеологией и государством. В эпистемологическом плане это дело по своей структуре сильно отличается от конфликта коперниканцев с Церковью и скорее аналогично полемике Пастера с Пуше в XIX веке.

реагирующих веществ. Затем говорится, что он на 100 лет предвосхитил положения молекулярно-кинетической теории, «однако его нахождение в Московском университете не позволило его идеям стимулировать западные умы».

Но почему не позволило? Санкт-Петербург (действительное «нахождение» Ломоносова) — крупная европейская столица, куда немало западных умов приезжало на заработки и находило стимулирующий интеллектуальный климат. Ломоносов нормально, *по всем европейским нормам*, публиковал результаты, вел совместные исследования с Вольтером и находился с ним в переписке.

Но даже если, предположим, во времена Лавуазье сведения о Ломоносове были малодоступны, сегодня-то западный интеллигент мог бы получить эти сведения в рамках «универсальной истории науки». Ведь опережение на 48, или на 76, или на все 100 лет — исключительное в истории науки явление.

Дело в том, что даже очевидные, признанные и уважаемые научные достижения русских ученых искренне воспринимались западным общественным мнением или как отблеск европейских идей, или как необъяснимая аномалия. В своей известной книге «Crucibles: The Story of Chemistry» известный биограф ученых Б. Джефф (Bernard Jaffe) цитирует воспоминания сэра Уильяма Рамзая о его встрече с Менделеевым в Лондоне в 1884 г. Из этих воспоминаний мы узнаем о странной шевелюре Менделеева и о его плохом знании языков (при этом сэр Рамзай передразнивает произношение собеседника). И затем без тени юмора говорится, что Менделеев родился в Сибири и до 17 лет не знал русского языка. То есть Рамзай, высоко ценивший периодический закон Менделеева, был предрасположен видеть в самом Менделееве какого-то «калмыка или тому подобное стран-

ное создание» и даже не заметил, что собеседник над ним подшучивает¹.

С конца XIX века, в предсоветский период, Россия стала мировой ведущей «цивилизацией книги». Русская литература могла вырасти только на почве мощного «общества знания», через соединение православного мироощущения с идеалами Просвещения.

В.В. Кожин приводит данные о книгопечатании в России (из книги А.И. Назарова «Книга в советском обществе», М., 1964). В 1893 году были изданы книги 7783 названий общим тиражом 27,2 млн экземпляров, а в 1913 году — 34 тыс. названий тиражом 133 млн экземпляров. Это значит, что в 1913 г. в России вышло почти столько же книг, сколько в Англии, Франции и США, вместе взятых (35,4 тыс. названий). Несколько впереди России была только Германия (35 тыс.), что во многом объясняется наличием в ней очень развитой полиграфической базы и выполнением заказов из разных стран, в том числе из России. Эти заказы составляли издание более 10 тыс. книг [55, с. 45].

В России к концу 1913 г. было 127 тыс. студентов — больше, чем в Германии и Франции, вместе взятых. Это значит, что для быстрого развития «общества знания» того времени сложилась адекватная социальная база. Хотя крестьянство в большинстве своем было еще неграмотным, определяющим динамику фактором является не столько масса, сколько структура общества. Молодежь и в деревне была уже грамотной, а в городе грамотные в возрасте 20—30 лет составляли к 1917 году 87% [55, с. 51].

---

¹ Менделеев — внук издателя первой в Восточной Сибири газеты, сын директора классической гимназии. Он не имел трудностей с русским языком. Примечательно, что молодой Рамзай, встретив всемирно признанного ученого, не выразил сначала сожаления, что не владеет русским языком. Калмыки же вообще живут «в глубине Европы», за 4 тыс. км от Сибири.

Надо сказать о том культурном типе, который представлял собой молодой грамотный русский рабочий начала XX века. Он не просто обладал большой тягой к знанию и чтению, которая была вообще характерна для пришедших из деревни рабочих. Русский рабочий одновременно получил три типа литературы на пике их зрелости — русскую классическую литературу «золотого века», оптимистическую просветительскую литературу эпохи индустриализма и столь же оптимистическое обществоведение марксизма. Это сочетание во времени уникально. А. Богданов в 1912 г. писал, что в те годы в России в заводских рабочих библиотеках были, помимо художественной литературы, книги типа «Происхождения видов» Дарвина или «Астрономии» Фламмарiona — и они были зачитаны до дыр. В заводских библиотеках английских тред-юнионов были только футбольные календари и хроники королевского двора.

Весь XX век Россия жила в силовом поле большой мировоззренческой конструкции, называемой *русский коммунизм*. Он и задал ту матрицу, на которой складывалось и воспроизводилось «общество знания» советского периода. Русский коммунизм — сплетение очень разных течений, необходимых, но в какие-то моменты и враждебных друг другу.

В самой грубой форме русский коммунизм представляет собой синтез двух больших блоков, которые начали соединяться в ходе революции 1905—1907 гг. и стали единым целым перед Великой Отечественной войной (а если заострять, то после 1938 г.). Первый блок — то, что Макс Вебер назвал «крестьянским общинным коммунизмом». Второй — *русская социалистическая мысль*, которая к началу XX в. взяла как свою идеологию марксизм, которым было прикрыто наследие всех русских проектов модернизации, начиная с Ивана IV.

Оба эти блока были частями русской культуры и имели сильные религиозные компоненты. Общинный

коммунизм питался «народным православием», не вполне согласным с официальной церковью, со многими ересями, имел идеалом град Китеж («Царство Божье на земле»). Социалисты следовали идеалам прогресса и гуманизма, доходящего до *человекобожия* (в крайнем выражении — у Горького). Революция 1905 г. — дело общинного коммунизма, она еще произошла почти без влияния второго блока. Это метафорически признал Ленин, сказав, что зеркало ее — Лев Толстой.

После этой революции произошел раскол российских марксистов, и их «более русская» часть пошла на смычку с общинным коммунизмом. Это и стало основанием концепции «союза рабочего класса и крестьянства», которая является ересью для марксизма. Возник *большевизм*, передовой эшелон русского коммунизма. Раскол социалистов в конце концов привел к Гражданской войне, все «западники» объединились (под рукой самого Запада) против большевиков-«азиатов».

После Гражданской войны демобилизовался миллион младших и средних командиров из деревень и малых городов Центральной России — «*красносотенцы*». Они заполнили госаппарат, рабфаки и университеты, послужили опорой сталинизма. Конфликт между «почвенной» и «космополитической» частями коммунизма кончился кровавыми репрессиями, тонкая прослойка «космополитов» была почти уничтожена, с огромными потерями для страны [112].

Соединение в русском коммунизме двух мировоззренческих блоков было в российском обществе уникальным. Ни один другой большой проект такой структуры не имел — ни народники (и их наследники эсеры), ни либералы-кадеты, ни марксисты-меньшевики, ни консерваторы-модернисты (Столыпин), ни консерваторы-реакционеры (черносотенцы), ни анархисты (Махно). В то же время большевизм многое взял у всех этих

движений, так что после Гражданки видные кадры из всех них включились в советское строительство.

Большевизм преодолел цивилизационную раздвоенность России, соединил «западников и славянофилов». Это произошло в советском проекте, где удалось произвести синтез космического чувства русских крестьян с идеалами Просвещения и прогресса. Это — исключительно сложная задача, и надо удивляться тому, что ее удалось выполнить. Советский проект был большим проектом модернизации России, но, в отличие от Петра I и Столыпина, не в конфронтации с традиционной Россией, а с опорой на ее главные устои. Прежде всего на культурные ресурсы русской общины, о чем мечтали народники. Этот проект был в основном реализован — в виде индустриализации и модернизации деревни, культурной революции и создания системы народного образования, своеобразной научной системы и армии. Тем «подкожным жиром», который был накоплен в этом проекте, мы питаемся до сих пор.

Советский проект модернизации на целый (хотя и короткий) исторический период нейтрализовал западную русофобию и ослабил накал изнуряющего противостояния с Западом. С 1920 по конец 60-х годов престиж СССР на Западе был очень высок, и это дало России важную передышку. О значении этого перелома писали и западные, и русские философы, важные уроки извлек из него первый президент Китая Сунь Ятсен и положил их в основу большого проекта («Три народных принципа»), который успешно выполняется.

О проблеме нейтрализации западной русофобии хорошо сказал А.С. Панарин: «Русский коммунизм по-своему блестяще решил эту проблему. С одной стороны, он наделил Россию колоссальным «символическим капиталом» в глазах левых сил Запада — тех самых, что тогда осуществляли неформальную, но непреодолимую власть над умами — власть символическую.

Русский коммунизм осуществил на глазах у всего мира антропологическую метаморфозу: русского национального типа, с бородой и в одежде «а la cozak», вызывающего у западного обывателя впечатление «дурной азиатской экзотики», он превратил в типа узнаваемого и высокочтимого: «передового пролетария». Этот передовой пролетарий получил платформы для равноправного диалога с Западом, причем на одном и том же языке «передового учения». Превратившись из экзотического национального типа в «общечеловечески приятного» пролетария, русский человек стал партнером в стратегическом «переговорном процессе», касающемся поиска действительно назревших, эпохальных альтернатив» [94, с. 139].

Соединение структур традиционного знания и мировоззрения с рациональностью Просвещения — конструкция сложная, несущая в себе множество источников напряженности, которые прорывались конфликтами и порождали разного рода «цензуру», умолчание и «вульгаризацию» (как это произошло и с марксизмом). Трудно точно оценить, «в чью пользу» были перекосы, но, в общем, скорее в пользу «западного» знания в образованном слое и в пользу традиционного знания — в массе. По мере расширения охвата населения образованием европейского типа неявное знание «общины» понемногу отступало.

В целом, советское «общество знания» изначально было «интеллектоцентрично». Стандарты рациональности исторического материализма были приняты за официальный методологический канон. Нормы рационального дискурса задали уже тексты Ленина, из которых тщательно изгонялись все «идолы Бэкона». П. Фейерабенд считал книгу «Детская болезнь левизны в коммунизме» классическим текстом, отвечающим нормам рациональности модерна, и предлагал использовать его как учебный материал по методологии науки. Наука

была положена в основу *государственной идеологии*. Большевики по тюрьмам изучали книгу Ленина о кризисе в физике — трудно представить себе фашистов, либералов или социал-демократов в этом положении¹.

Неявное традиционное знание о нестабильности и катастрофах, присущее крестьянскому мировоззрению и отложившееся в русской культуре, в течение двух поколений советских людей весьма эффективно нейтрализовало давление механистического детерминизма истмата. Это влияние подкреплялось и важной опасностью русской науки. Находясь на периферии западного научного сообщества, русские ученые не испытывали той идеологической цензуры механицизма, которая довлела в «метрополии». По словам И. Пригожина, догма равновесности механических систем в западной науке подавляла интерес к нестабильности и неравновесным состояниям².

В России, напротив, сложились сильные научные школы, изучавшие нелинейные процессы, переходы «порядок — хаос», цепные процессы и т.п. Можно сказать, что научная картина мира и идеология советского общества уже включали в себя неклассические научные представления. Это на первых порах придавало со-

---

¹ На это нередко замечают, что в «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин был в том-то и том-то неправ. Конечно, ошибался — но дело не в этом, а в «повестке дня», в проблематике. Главное, что большевизм был политическим течением, которое считало себя обязанным задуматься о диалектике науки и кризисе ньютоновской картины мира. Богданов вступил в полемику с Лениным, и даже сегодня по ней видно, какую стимулирующую роль сыграла книга Ленина для интеллектуальных дебатов в партии.

² Он писал: «У термина «нестабильность» странная судьба. Введенный в широкое употребление совсем недавно, он используется порой с едва скрываемым негативным оттенком, и притом, как правило, для выражения содержания, которое следовало бы исключить из подлинно научного описания реальности... Можно сказать, что понятие нестабильности было, в некоем смысле, идеологически запрещено» [101].

ветскому «обществу знания» дополнительную силу, расширяло запас культурных ресурсов. К сожалению, обществоведение, которое действовало в рамках истмата, этих возможностей не разъяснило образованной части общества — они остались в сфере неявного знания.

Примером этих возможностей служат не только достижения научных школ, создавших нетривиальные подходы к объектам исследований (в области горения и взрыва, аэро- и гидродинамики, океанологии и др.), но и замечательные приложения этого рода знаний в производственной деятельности. И в науке, и в этой практике виден общий элемент «русского способа», который не замечается даже самыми благожелательными западными наблюдателями.

Так, во многие энциклопедии вошло имя А. Стаханова — советского шахтера, который в 1935 г. выполнил 14 норм по добыче угля (что породило «стахановское» движение). Это представлялось читателю как феномен сталинской индустриализации, как результат энтузиазма (или фанатизма — в зависимости от идеологической призмы). Но суть не в этом. Стаханов был мастер и мыслитель, стихийный создатель «философии нестабильности» в приложении к пласту угля. Вглядываясь в пласт и начиная его *чувствовать*, он находил в нем критические точки, центры внутреннего напряжения. Говоря современным языком, он видел пласт не как однородную или ламинарную систему, а как систему крайне неравновесную, с множеством критических точек. Легкий удар в эти точки обрушивал массу угля. Стаханов использовал энергию внутренних напряжений.

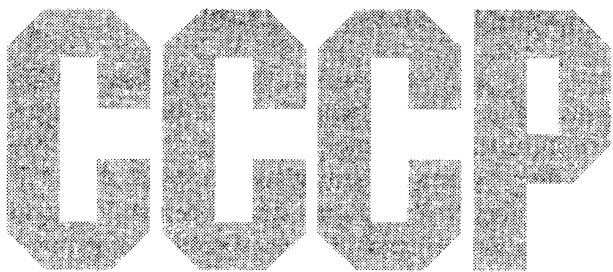
Но нахождение таких точек и критических явлений обычно дает колоссальную экономию времени и средств — это общее правило. Стаханов на языке обычного знания изложил новаторское представление о структуре пласта — и учил ему других шахтеров. Поиск таких явлений и интерес к ним были присущи со-

ветскому «обществу знания». Это позволило на время создать необычную кооперативно взаимодействующую систему разных типов знания — современной науки и традиционного знания доиндустриальной эпохи, которым владели средневековые мастера с их «гениальным глазом» и особым типом отношения «мастер — материал». Позже, в 60—70-е годы глубокая механизация и урбанизация сделали это качество менее актуальным, но оно сыграло важную роль в годы форсированной индустриализации и особенно в годы войны.

Период 20—30-х годов, в течение которого основанное на научном методе школьное образование охватило все общество, означал огромный шаг к тому, чтобы рациональное сознание и нормы Просвещения соединились с массовым обыденным сознанием.

О школе надо сказать особо, потому что именно она стала той культурной матрицей, на которой формировалось и воспроизводилось советское «общество знания» до конца XX века.

Глава 3

СОВЕТСКАЯ ШКОЛА

Школа — «генетический аппарат» культуры, механизм, сохраняющий и передающий от поколения к поколению культурное наследие данного общества. Она во многом задает культурно-исторический тип последующих поколений. Поэтому характер школы, выработанный той или иной культурой, является важнейшим фактором преемственности цивилизации. Школа непосредственно участвует в воспроизводстве и развитии ценностей и социальных форм «общества знания» конкретной культуры.

Новое время на Западе потребовало создания и новой школы. Добуржуазная школа, основанная на христианской традиции, вышедшая из монастыря и университета, ставила своей задачей *«воспитание (образование) личности»* — личности, обращенной к Богу (шире — к идеалам). Для нового, буржуазного западного общества требовался человек массы, сформированный в мозаичной культуре.

Известный американский психолог и педагог Ури Бронфенбреннер, в течение многих лет руководивший большим проектом по международному сравнению школьного образования в разных странах, пишет в своей книге, переведенной на многие языки: «Основное различие между американскими и советскими школами

состоит, на наш взгляд, в том, что в последних огромное значение придается не только обучению предметам, но и *воспитанию*; для данного термина в английском языке не существует эквивалента» (см. [14, с. 27—28]¹).

Чем отличается выросшая из богословия «университетская» школа от школы «мозаичной культуры»? Тем, что она на каждом своем уровне стремится дать целостный свод знания принципов бытия. Здесь видна связь университета с античной школой, которая особенно сильно выразилась в типе классической гимназии. Спор об этом типе школы, которая ориентировалась на фундаментальные дисциплины, гуманитарное знание и языки, идет давно. Нам много приходилось слышать попреков в адрес советской школы, которая была построена по типу гимназии, — за то, что она дает «бесполезное в реальной жизни знание». Эти попреки — часть общемировой кампании, направленной на сокращение числа детей, воспитываемых в лоне «университетской культуры».

В действительности эти попреки (когда они искренни) отражают ошибочный взгляд на функции школы. Задача школы не в том, чтобы дать человеку навыки и информацию для решения частных практических задач, а в том, чтобы «наставить на путь». Об этом говорили деятели русской культуры в XIX и XX веках. Об этом предупреждали и те ученые и философы, которые заботились о жизнеспособности культуры Запада.

«Школа не имеет более важной задачи, как обучать строгому мышлению, осторожности в суждениях и последовательности в умозаключениях», — писал Ницше. «Человек массы» этого не понимал, и Ницше добавил:

---

¹ У. Бронфенбреннер приезжал в СССР для проведения своих исследований с 1960 по 1967 г. После этого он был одним из авторов большого проекта, имевшего целью внедрить в школьную практику США некоторые советские методы обучения и воспитания. Его книга, изданная в СССР в 1976 г., вышла в США в 1970 г.

«Значение гимназии редко видят в вещах, которым там действительно научаются и которые выносятся оттуда навсегда, а в тех, которые преподаются, но которые школьник усваивает лишь с отвращением, чтобы стряхнуть их с себя, как только это станет возможным» [88].

Через полвека эту мысль продолжает В. Гейзенберг: «Образование — это то, что остается, когда забыли все, чему учились. Образование, если угодно, — это яркое сияние, окутывающее в нашей памяти школьные годы и озаряющее всю нашу последующую жизнь. Это не только блеск юности, естественно присущий тем временам, но и свет, исходящий от занятия чем-то значительным» [27].

В чем же видел Гейзенберг роль классической школы? В том, что она передает отличительную особенность античной мысли — «способность обращать всякую проблему в принципиальную», то есть стремиться к упорядочению мозаики опыта.

Рыночное общество («западная цивилизация») возникло в XVI—XVII веках в Европе в результате ряда революций. Одной из важных революций в «технологии» создания общества стало преобразование школы. Буржуазное общество нуждалось в массе людей, которые бы заполнили, как обезличенная рабочая сила, фабрики и конторы. Исходя из этого и был разработан проект новой школы как «фабрики субъектов». Она не давала человеку стройной системы знания, которая учит человека свободно и независимо мыслить. Из школы должен был выйти, как выражаются сегодня, «добропорядочный гражданин, работник и потребитель». Для выполнения этих функций и подбирался соответствующий ограниченный запас знаний. Возникла «мозаичная» культура (в противовес «университетской»).

Это совершенно новый тип культуры. Если раньше, в эпоху гуманитарной культуры, свод знаний и идей представлял собой упорядоченное, иерархически построенное целое, обладающее «скелетом» основных

предметов, главных тем и «вечных вопросов», то теперь культура рассыпалась на мозаику случайных, слабо связанных и структурированных понятий.

Гуманитарная культура передавалась из поколения в поколение через механизмы, матрицей которых был университет. Он давал целостное представление об *универсуме* — Вселенной, независимо от того, в каком объеме и на каком уровне давались эти знания. Скелетом такой культуры были дисциплины (от латинского слова, которое означает и ученье, и розги).

Напротив, мозаичная культура воспринимается человеком почти произвольно, в виде кусочков, выхватываемых из омывающего человека потока сообщений. А. Моль в книге «Социодинамика культуры» объясняет суть этой культуры: «Знания формируются в основном не системой образования, а средствами массовой коммуникации... Знания складываются из разрозненных обрывков, связанных простыми, чисто случайными отношениями близости по времени усвоения, по созвучию или ассоциации идей. Эти обрывки не образуют структуры, но они обладают силой сцепления, которая не хуже старых логических связей придает «экрану знаний» определенную плотность, компактность, не меньшую, чем у «тканеобразного» экрана гуманитарного образования» [83].

Мозаичная культура и сконструированная для ее воспроизводства новая школа («фабрика субъектов») произвели нового человека — «человека массы». О нем с пессимизмом писал философ Ортега-и-Гассет в известном эссе «Восстание масс». Разделение на *элиту* и *массу* доходит до уровня чистой модели — «на тех, кто понимает законы существования этого общества, и тех, кто просто нажимает на кнопки». «Человек массы» наполнен сведениями, нужными для выполнения контролируемых операций. Это человек, считающий себя образованным, но образованным именно чтобы быть винтиком — «специалист».

Но, разумеется, не все буржуазное общество формируется в мозаичной культуре. Для подготовки элиты, которая должна управлять массой индивидов, здесь была сохранена и модернизирована небольшая по масштабу школа, в которой давалось фундаментальное и целостное, «университетское» образование, воспитывались сильные личности, спаянные корпоративным духом.

Так возникла разделенная социально школьная система, направляющая поток детей в **два коридора** (то, что в коридор элиты попадала и некоторая часть детей рабочих, не меняет дела). Это — «школа капиталистического общества». Ее суть, способ организации, принципы составления учебных планов и программ изучили и изложили в 1971 г. французские социологи образования К. Бодло и Р. Эстабль [141]¹. Они дали анализ французской школы, огромную статистику и замечательно красноречивые выдержки из школьных программ, учебников, министерских инструкций, высказываний педагогов и учеников.

Конечно, после 1971 года многое в социальной системе современного капитализма и в присущей ему школе изменилось. Углубились и различия между США и Европой — элитарная школа в США съежилась, стала почти незаметной. Хотя ее роль в воспитании самой высшей элиты сохранилась, основной упор в этой функции сделан на университет². Но смены социального и культурного «генотипа» школы не произошло. И это по-

---

¹ Этот их труд выдержал десятки изданий на многих языках и является канонической книгой в западной социологии образования.

² Школьная система США отличается от европейской, которая описана в книге французских социологов, тем, что в США резко уменьшена элитарная школа — так что почти все дети проходят массовую школу, а разделение перенесено на уровень высшего образования. Тем не менее, судя по литературе, закрытые школы и в США играют важную роль в подготовке кадров высшей элиты страны. Таким образом, в принципе и американская школа соответствует модели «школы капиталистического общества» [235].

звolyет говорить о капиталистической и советской школе конца XX века как о двух вполне сложившихся системах с определенными принципиальными установками. О них речь, а не о частных преимуществах или дефектах.

Продукт Великой французской революции, эта школа создавалась под лозунгами Свободы, Равенства и Братства, хотя уже якобинцы разъяснили, что речь шла о равенстве юридических прав, а не реальных возможностей. Но был создан и тщательно сохраняется миф о школе как о социальном институте, который обеспечивает *равенство возможностей* хотя бы детей — а дальше решает рынок рабочей силы.

Авторы пишут на этот счет: «Школа едина и непрерывна лишь для тех, кто проходит ее от начала до конца. Это лишь часть населения, в основном происходящая из буржуазии и мелкобуржуазной интеллигенции. Трехступенчатая единая школа — это школа для буржуазии. Для подавляющего большинства населения школа и не является, и не кажется таковой. Более того, для тех, кто «выбывает» после начальной школы (или «краткого» профобразования), не существует единой школы — есть разные школы, без какой-либо связи между ними.

Нет «ступеней» (а потому непрерывности), а есть радикальные разрывы непрерывности. Нет даже вообще школ, а есть разные сети школьного образования, никак не связанные между собой... Начальная школа и «краткое профобразование» никоим образом не «впадают», как река, в среднюю и высшую школу, а ведут на рынок рабочей силы (а также в мир безработицы и де-квалификации)... Охваченное школой население тщательно разделяется на две неравные массы, которые направляются в два разных типа образования: длительное, предназначенное для меньшинства, и короткое или сокращенное — для большинства. Это разделение

школьников на два типа есть основополагающая характеристика капиталистической школьной системы: ею отмечена и история французской школьной системы, и системы остальных капиталистических стран» [141, с. 20—21].

И авторы указывают на факт, «признание которого нестерпимо для идеологов». Он заключается в следующем: «Именно в начальной школе неизбежно происходит разделение. Начальная школа не только не является «объединяющим» институтом, ее главная функция состоит в разделении. Она предназначена ежедневно разделять массу школьников на две разные и противопоставленные друг другу части» [141]¹.

Бодло и Эстабль подчеркивают, что школа «второго коридора» ни в коем случае не является «худшим» вариантом элитарной школы, как бы ее «низшей» ступенью, с которой можно, сделав усилие, перешагнуть в другой коридор. Напротив, она активно формирует подростка как личность, в принципе *несовместимую* со школой «первого коридора». Как личность, обладающую и определенной системой знаний, и методом познания, и стереотипами поведения.

С самого возникновения школа «второго коридора» строилась как особая *культурная система*. Это делалось персоналом высочайшего класса, и средств на это не жалели: после революции «Республика бесплатно раздавала миллионы книг нескольким поколениям учителей и учеников. Эти книги стали скелетом новой сис-

---

¹ Кстати, французские социологи сообщают такие данные об образовательном уровне: согласно переписи 1968 г., 86,6% французов в возрасте 15 лет и старше имели максимум справку о начальном образовании, 3,75% не имели никакого свидетельства об образовании, лишь 6% — уровень средней школы и выше. Среди призывников 18 лет 66,63% имели уровень начальной школы или ниже. В Советской армии 1968 года практически все солдаты имели среднее образование.

темы обучения». Особо отмечают авторы усилия по созданию школьных учебников в 1875—1885 гг.: «Эти книги были подготовлены с особой тщательностью в отношении идеологии бригадой блестящих, относительно молодых ученых, абсолютных энтузиастов капиталистического реформизма. Штат элитарных авторов подбирался в национальном масштабе, и противодействовать им не могли ни педагоги, ни разрозненные ученые, ни религиозные деятели. Отныне знание в школу могло поступать только через Сорбонну и Эколь Нормаль... Ясность, сжатость и эффективность идеологического воздействия сделали эти книги образцом дидактического жанра» [141, с. 131].

Социологи приводят тексты одного и того же автора, написанные на одну и ту же тему — но для двух разных контингентов учеников (отрывки из «Истории Франции» Лависса о правлении Людовика XIV в двух вариантах). Это сравнение потрясает. Один вариант — содержательное и диалектическое описание, заставляющее размышлять. Другой — примитивный штамп с дешевой моралью, во многих утверждениях *противоречащий* первому варианту. И это писал один и тот же автор.

Социологи подробно разбирают содержание и методику преподавания словесности в «двух коридорах». Дети буржуазии изучают словесность, основанную на «латинской» модели, — они получают классическое образование. «Латинская» культура объединяет этих школьников как молодую смену господствующего класса, дает им общий язык и огромный запас образов, метафор, моральных штампов и риторических приемов. «Овладение определенным лингвистическим наследием позволяет культурной элите выработать способ выражения, основанный на отсылках, на аллегориях, на морфологических и синтаксических намеках, на целом арсенале риторических фигур, для чего и нужны руди-

менты латыни и иностранных языков. Это дает не только поверхностные выгоды пышного эзотеризма. Господствующий класс нуждается в этом литературном корпусе для усиления своего идеологического единства, для распознавания друг друга, чтобы отличаться от подчиненных классов и утверждать свое господство над ними. Быть буржуа — определяется знанием Расина и Малларме», — пишут Бодло и Эстабль.

Здесь изучают те произведения великих писателей, в которых ставятся вечные проблемы человека, бушуют страсти, психологические и социальные конфликты, трагедии и противоречия жизни. По этим шедеврам ученики пишут сочинения (диссертации), которые оцениваются в зависимости от глубины мысли юноши, поэтики его субъективного восприятия, способности к диалектическому мышлению. Здесь *не обращают внимания на грамматические ошибки.*

Что же изучают их сверстники «второго коридора»? Как будто тех же писателей — но лишь те отрывки, в которых описаны сцены сельской природы и практически отсутствует человек, за исключением стереотипной бабушки, присевшего отдохнуть путника или безличного лирического героя. По этим отрывкам ученики пишут диктанты и изложения. Они оцениваются по точности передачи текста и числу ошибок.

Столь же кардинально различаются методы преподавания естественно-научных дисциплин. В школе «первого коридора», как пишут авторы, «естественные науки излагаются систематически и абстрактно, в соответствии с научной классификацией минерального, растительного и животного мира, помещая каждый объект в соответствующую нишу, в сети [«второго коридора»], естественные науки излагаются с помощью эмпирического наблюдения за непосредственной окружающей средой. Систематизация здесь рассматривается даже как нежелательный и опасный подход. Как сказано в

инструкции, «учитель должен стараться отвлечь учащихся от систематического наблюдения. Вместо статического и фрагментарного метода изучения «природы, разделенной на дисциплинарные срезы», предпочтителен эволюционный метод изучения живого существа или природной среды в их постоянной изменчивости» [141, с. 127].

Это и есть тот самый переход от университетской культуры к мозаичной, о котором говорилось выше. В 90-е годы в этом направлении в ЕС сделан следующий шаг — массовая школа стала переходить к «модульному» типу образования. На первый взгляд это кажется сознательной ликвидацией нормального среднего образования. Уже нет физики, химии, географии, а есть, например, модуль под названием «Вода и водная проблема в Кении». Это окончательный отказ от дисциплинарного («университетского») строения школьной программы как отражения научной картины мира.

С точки зрения методики преподавания в школе «второго коридора» господствует «педагогика лени и вседозволенности», по мнению учителей и школьных администраторов, здесь главная задача — занять подростков экономным и «приятным для учеников» образом. Социологи даже делают вывод: используемый здесь «активный метод» обучения поощряет беспорядок, крик, бесконтрольное выражение учениками эмоций — прививает подросткам такой стереотип поведения, который делает совершенно невозможной их адаптацию (если бы кто-то из них попытался) к элитарной школе, уже приучившей их сверстников к жесткой дисциплине и концентрации внимания.

Как сказанное соотносится с нашей действительностью? До 1917 г. школа, которая начала в пореформенной России строиться как «двойная», охватила небольшую часть детей — 3/4 населения были неграмотными, и это было, в некотором смысле, благом. Российская

система образования имела время, чтобы завершить большие дебаты о выборе типа школы.

Николай II склонялся к тому, чтобы учредить в России типичную школу «двух коридоров», что было одной из причин крайней неприязни к нему со стороны интеллигенции. В своих заметках «Мысли, подлежащие обсуждению в Государственном совете» он пишет: «Средняя школа получит двойное назначение: меньшая часть сохранит значение приготовительной школы для университетов, большая часть получит значение школ с законченным курсом образования для поступления на службу и на разные отрасли труда». Царь требовал сокращения числа классических гимназий — как раз той школы, что давала образование «университетского типа». Он видел в этом средство «селекции» школьников, а потом и студентов, по сословному и материальному признакам — как залог политической благонадежности¹. Царь был противником допуска в университеты выпускников реальных училищ, а когда А.Н. Куропаткин подал предложение принимать «реалистов» на физико-математические факультеты, царь ответил отказом.

Но в целом общественное мнение под воздействием выработанных в русской культуре представлений о человеке склонялось к идее единой школы классического типа. И первый же Всероссийский съезд учителей в 1918 г. установил, что школа в советской России должна быть *единой и общеобразовательной*. Это был принципиальный отказ от западной модели школьной системы. Не «два коридора», а один для всех, не мозаичная культура, а дисциплинарная университетского типа.

Советское государство сделало важный шаг — вернулось к доиндустриальной школе как институту «вос-

---

¹ Министр просвещения Г.Э. Зенгер в 1902 г. с большим трудом отговорил царя от приведения числа гимназий в соответствие с числом студентов в университетах, приведя как довод, что «недовольство достигло бы больших пределов».

питания личности», но уже с наукой как основой обучения. Конечно, от провозглашения принципа **единой общеобразовательной** школы до его полного воплощения далеко. Но важен вектор, принципиальный выбор. Школа «второго коридора», будь она даже прекрасно обеспечена деньгами и пособиями, будет всего лишь более эффективной «фабрикой», но того же типа «субъектов». А в СССР и бедная деревенская школа выступала как университет и воспитатель души. Школа *стремилась* быть единой, она должна была воспроизводить *народ*, а не *классы*, как «двойная» школа.

В советской системе ни один из путей школьного образования не был *тупиковым*. ПТУ, вечерние школы и техникумы не стали разновидностью «второго коридора». Их выпускники имели точно такие же права на поступление в вуз, причем соответствия специальностей от них не требовалось. И это были права, систематически и без проблем реализуемые. В ПТУ и вечерних школах учились по тем же учебникам и тем же программам — разница не была принципиальной, да и в количественном отношении не было разрыва. Советский корпус инженеров в большой мере сформирован из людей, прошедших через ПТУ и техникумы. Два главных конструктора, руководители технической части советской космической программы — академики С.П. Королев и В.П. Глушко — окончили ПТУ. Первый космонавт, Юрий Гагарин, окончил ремесленное училище. И это не выглядело как редкое исключение.

Конечно, сохранялись культурные различия между слоями и группами, а значит, и качество освоения школьной программы разными контингентами детей. Но школа была не инструментом углубления этих различий и формирования классов, а инструментом сокращения, преодоления разрывов и различий. Именно на эту «уравнивающую», якобы подавляющую талант функцию школы издавна указывали, с нарастающим раз-

дражением, те, кто в конце 80-х годов предстал в образе «советского либерала».

Уже в начальной школе и учителя, и лучшие ученики прилагали большие усилия, чтобы помочь «отстающим», особенно переросткам, догнать класс. Обычно это бывали дети из культурно менее развитых семей с низкими доходами. Учителя и школа не поддавались соблазну «отсеять» их. И многие из них уже к концу начальной школы вполне встраивались в программу, а потом проходили полный цикл образования, включая высшее.

Советские педагоги не просто доказали, что принцип единой школы может быть реализован на практике. Нормальные дети, при всем различии индивидуальных способностей, вполне могут освоить общую, единую для данной культуры школьную программу весьма высокого уровня. Советские психологи и педагоги создали для этого эффективные методические средства и принципы организации учебного процесса¹.

Единая программа, вопреки представлениям энтузиастов «дифференцированного» школьного образования для России (реально, школы «двух коридоров»), нисколько не мешала ни проявлению личных особенностей, ни удовлетворению каких-то особых интересов. Это видно из того факта, что в 70—80-е годы XX века на международных олимпиадах по школьным предметам советские участники постоянно занимали первые

---

¹ С помощью этих средств было, например, сделано то, что казалось теоретически невозможным — единую школьную программу смогли осваивать (и затем даже учиться в университете!) слепоглухонемые дети. Но и в применении массовых методик советская школа ушла вперед. У. Бронфенбреннер подчеркивает, что эффективные методы обучения детей, принятые в советской школе, не являются чем-то неведомым, они известны западной психологической науке. Он пишет: «Мы столкнулись с парадоксом: принципы, которые ученые на Западе исследовали и в значительной степени ограничили стенами лабораторий, русские открыли и применили в национальном масштабе» [14, с. 126].

места. Но главное, что единая школа позволяла всем детям в достаточной степени освоить *культурное ядро* своего общества и влиться в народ как его органичные частицы.

В ходе нынешних дебатов о школьной реформе обычно обращают главное внимание на социальную сторону дела: единая школа стремится обеспечить юношам равенство стартовых возможностей, нейтрализовать разницу социального положения родителей. Это — важный принцип социальной справедливости. Но еще важнее то, что единая и «двойная» школы воспроизводят разные *типы общества*. Идея единой школы в том, что существует общая культура *народа*, дети которого изначально равны. В единой школе они и воспитываются как *говорящие на языке одной культуры*. «Двойная» школа исходит из представления о двойном обществе — цивилизованном (гражданское общество или «Республика собственников») и нецивилизованном («пролетарии»). Между двумя частями этого общества существуют отношения не просто классовой вражды, а и отношения расизма, это как бы два разных племени.

Здесь стоит сказать, что уравнительность в образовании, реализация принципов единой школы есть общая черта традиционных обществ, а вовсе не изобретение советской власти. Например, после корейской войны США из политических соображений помогли модернизации Южной Кореи. Но именно с опорой на свои культурные принципы корейцы сумели эффективно использовать эту помощь и совершить исключительно быстрый рывок в индустриализации. Этому способствовала система образования, заложенная еще в конфуцианской философии.

Здесь ярко выражено подозрительное отношение и властей, и общественного мнения к любой элитарности в образовании. Школьная программа едина для всей страны, ученики даже старших классов очень ограничены в возможности выбора факультативных предме-

тов. Специализированных школ с углубленным изучением отдельных предметов почти нет. Нет и платных школ, ибо в Корее считается, что все молодые люди должны иметь равное право на образование независимо от доходов родителей. Государство даже периодически ведет кампании борьбы с репетиторством и частными курсами по подготовке к вступительным экзаменам в вуз. Борьба эта, в общем, безуспешна, но важна именно установка, официальная моральная норма (см. [67]).

Огромное благо советской школы — ее *общеобразовательный* характер. Даже сегодня это поражает: в бедной еще стране было обещано давать всем детям образование типа «университетского», а не отделять элиту от неимущего большинства, которому полагалась лишь «мозаичная» культура. Наша школа тянулась к тому, чтобы дать именно целостное, стоящее на фундаменте культуры и науки знание, дающее личности силу и свободу мысли. Само построение учебных программ в нашей школе было таково, что даже средний ученик, получивший аттестат зрелости, не был «человеком массы» — он был личностью. Даже в конце 80-х годов наш выпускник школы как обладатель целостной системы знания был на голову выше своего западного сверстника (хотя тот был впереди в «мозаичной» культуре).

Принцип единой общеобразовательной школы был реализован как нечто естественное — так, что подавляющее большинство советских граждан даже и не представляло себе, что может быть по-другому. Это стало возможным потому, что школа в СССР была *государственным* институтом. Даже «репетиторство» как неформальная добавка к школьному обучению осуществлялось негласно, почти нелегально (хотя и не преследовалось). Будучи государственными, образовательные учреждения работали по единым программам и с единым набором учебников, которые готовились, обсуждались и утверждались в централизованном порядке.

Важным условием реализации принципов советской школы была *бесплатность* образования. Образование не было товаром (услугой), который покупатели могли выбирать по своему вкусу в соответствии с уровнем своей платежеспособности. Ясно, что рыночный характер образования автоматически и сразу разделяет детей на категории согласно шкале доходов. Стоимость обучения, конечно, ничего не говорит о его качестве, однако является наглядным признаком социального статуса, а это в системе воспитания очень важно¹.

В начале 70-х годов в СССР был законодательно предписан переход к всеобщему и обязательному среднему образованию. Социальная база «общества знания» становилась не только массовой, но и всеобщей. В отличие от рыночных систем образования в советской школе *учиться* было не только правом, но и обязанностью — так же, как у взрослых труд был и правом и обязанностью (и то и другое устраняется свободой контракта в рыночном обществе). Обязанность учиться распространялась даже на подростков, отбывающих заключение в воспитательно-трудовых колониях.

Следующее отличие от западной школы в том, что советская школа была *трудо*вой, в то время как западную (причем массовую) школу можно считать *анти-трудо*вой. Разница в том, что в советской школе труд представлялся не проклятием человека, а делом чести и даже духовного подвига. На Западе в учебных программах сама тема *труда* исключена — труда как будто не существует. Школа совершает первую работу по отчу-

---

¹ В конце 80-х годов в США действовало более 84 тыс. государственных и около 5 тыс. частных нецерковных средних школ. В самых элитных из них стоимость обучения составляла 12—13 тыс. долларов в год [109]. Достаточно также взглянуть на прейскурант обучения в США в 4-годичном колледже по штатам в 1994/95 году, чтобы оценить различия. В среднем по США стоимость обучения в год была в государственном колледже 2537 долл. и в частном 11 522 долл. [38].

ждению человека от трудовой реальности. Один из ведущих американских социологов Р. Мертон отмечает важное качество массовой культуры США: «*Нелюбовь к ручному труду* почти в равной степени присуща всем социальным классам американского общества». Здесь надо вспомнить мысль, которую настойчиво повторял К. Лоренц, — именно ручной труд совместно со старшими служит важным условием сохранения в сознании и культуре традиций и способности к уважению.

Советская школа, напротив, стремилась преодолеть это отчуждение от труда, и это делалось многими средствами — задачами о том, сколько деталей произвела бригада, и об урожайности пшеницы, регулярными экскурсиями на заводы, встречами с шефами-инженерами.

В западном колледже действительно удастся создать ощущение, что труда — с тяжелыми усилиями тела и духа — не существует. Там есть профтехучилища, но это как будто иной, совершенно неизвестный мир, а для учеников колледжа труд — это быть дизайнером, репортером или финансистом. То же самое мы уже видим сегодня в российских «колледжах» и частных школах. А пока Россия следовала принципам трудовой школы, у всех школьников — независимо от их будущей профессии — существовала подспудная, духовная связь с физическим трудом. Мы все были ему не чужды, и это казалось естественным. Школа была направлена на воспроизводство «общества труда», а не «общества потребления»¹.

---

¹ С начала реформы это стали вытравлять. Опрос учащихся 11-го класса школ и ПТУ Нижегородской области в мае 1992 г. показал, что *каждый второй* хотел бы стать предпринимателем, каждый четвертый — завести собственное дело. Отказ от идеи единой трудовой школы, выделение из нее той части, которая будет готовить будущих «приказчиков капитала», всех этих дизайнеров, менеджеров и дилеров, — это слом важного устоя российской цивилизации. Это — отказ от принципа школы как механизма «воспроизводства народа» и переход к школе, создающей (своими средствами) классовое общество.

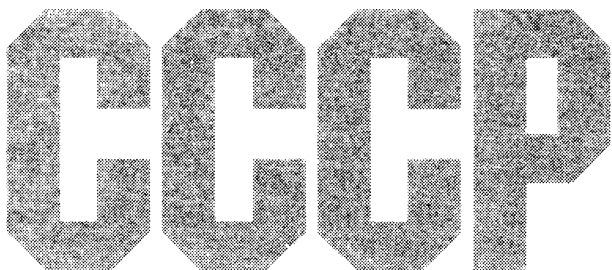
Что дали России эти принципы советской школы — единой, общеобразовательной и трудовой? Они позволили ей провести форсированную индустриализацию, стать независимой державой, создать огромные ресурсы квалифицированных и открытых знанию работников. Советские ученые, инженеры и рабочие создали и поддерживали на высшем мировом уровне целый ряд отраслей материального и духовного производства. Ни высшая школа, ни профессиональное обучение не смогли бы подготовить таких кадров, если бы начальная и средняя школы не превращали, поколение за поколением, советских детей и подростков в культурных, образованных и волевых людей.

Советская школа помогла сформировать новый *культурно-исторический тип* личности со многими исключительными качествами. В критических для страны ситуациях именно эти качества позволили СССР компенсировать значительное еще отставание от Запада в уровне экономического развития¹. Изживание или грубое подавление этих качеств в 90-е годы резко отбросило Россию вниз по многим критериям.

Та «революция регресса», которую мы переживаем уже два десятилетия, делает задачу строительства в России «общества знания», адекватного требованиям XXI века, чрезвычайно сложной.

---

¹ Измеряемый ООН индекс развития человеческого потенциала в СССР в 1987 году составлял 0,920, а в США 0,961. Учитывая, что по объему ВВП на душу населения СССР занимал тридцатое место, а США второе, можно оценить вклад образования в развитие личности.

Глава 4

СОВЕТСКАЯ НАУКА И «ОБЩЕСТВО ЗНАНИЯ»

В этой главе рассмотрим роль науки в становлении «общества знания» советского периода — тех структур и «материалов», унаследованных современной Россией от СССР, из которых в основном и придется строить новую систему в XXI веке.

Эта глава — не краткий очерк советской науки ни как *системы знания*, ни как *специфической социальной системы*, занимавшей свое место среди национальных сообществ мировой науки. Речь идет о тех функциях науки, которые для этих главных срезов истории науки являются побочными, — о науке как «генераторе» общества знания, а не самого научного знания. Собственно научная деятельность или история научного сообщества СССР, со всеми ее радостными и трагическими страницами, остается лишь фоном тех процессов, которые составляют предмет главы.

При взгляде через призму социологии и экономики знания мы выделим следующие аспекты участия советской науки в строительстве той конструкции «общества знания», которую пришлось восстанавливать и надстраивать после революции и Гражданской войны.

— Строительство новой системы социодинамики

знания в советском обществе и участие в этом строительстве науки и научного сообщества.

— Роль науки в размежевании и интеграции разных типов знания в советской системе.

— Наука в системе сбора, хранения, систематизации и распространения знания.

— Формообразующая роль науки как «генератора структур», составляющих «общество знания» (информационных, организационных, образовательных, культурных и производственных).

— Наука и форсированное формирование «человека индустриальной цивилизации».

— Наука как «законодатель» стандартов и норм рационального мышления. Формирование культуры рефлексии и предвидения.

Наука как институциональная матрица советского общества

Наука — часть культуры, причем сильно технизированной часть, принадлежащая и к духовной сфере, и к техносфере. Она, как и другие части техносферы, существует как *техничко-социальная* система. По своему масштабу и интенсивности влияния на все срезы общества науку в современном индустриальном обществе следует относить к той категории больших систем, которые называют *институциональными матрицами* общества. История формирования и нынешнее состояние институциональных матриц России рассмотрены в книге С.Г. Кирдиной [52].

Сложившись в зависимости от природной среды, исторических условий и культуры данного общества, такие системы действительно становятся *матрицами*, на которых воспроизводится данное общество. Переплетаясь друг с другом, эти матрицы «держат» страну и культуру и задают то пространство, в котором страна

существует и развивается. Складываясь *исторически*, а не *логически*, институциональные матрицы обладают большой инерцией, так что замена их на другие, даже действительно более совершенные, всегда требует больших затрат и непредвиденных потерь.

Перед тем как перейти к инвентаризации блоков унаследованной от советского периода научной системы с точки зрения их использования в строительстве новой российской системы «общества знания», надо решить два вопроса:

— Была ли советская наука достаточно полной системой, чтобы служить институциональной матрицей общества, или в ней отсутствовали некоторые необходимые элементы, которые теперь надо создавать «на голлом месте»?

— Была ли советская наука специфическим социальным и культурным явлением в такой степени, что ее унаследованные современной Россией элементы придется встраивать в новое «общество знания» с учетом их специфики, или можно, не тратя силы на их подгонку, заменить их элементами из западного «общества знания», уже далеко продвинувшегося в строительстве?

Ответим на эти вопросы кратко, поскольку полная аргументация означала бы систематическое изложение социальной и культурной истории советского общества и сложившейся в нем науки. Краткий ответ необходим, чтобы определить исходную позицию для последующих рассуждений о стратегии строительства «общества знания».

Мы считаем, что советская наука была *полной* системой и служила как институциональная матрица для воспроизводства советского общества и государства, для формирования советского человека как определенный культурно-исторический тип. Однако в структуре советской научной системы имелись дефектные элементы и связи, что сказалось в виде недостаточной ус-

тойчивости мировоззренческой основы общества в условиях нарастающего кризиса индустриальной цивилизации.

Мы считаем также, что советская наука сложилась как самобытная социальная и культурная система, в ряде принципиальных черт отличная как от научной системы дореволюционной России, так и от систем других научных держав. Именно в качестве специфической целостной системы советская наука была интегрирована в мировую науку, не растворяясь в ней, а сохраняя и развивая свою культурную идентичность (так же, как англосаксонская, французская, немецкая научные системы).

Наука как метод познания, как система знания и как общественный институт возникла в специфических культурных и социальных условиях Западной Европы в XVII веке. Проблема ее трансплантации в незападных культурах и традиционных обществах — одна из самых сложных в проблематике модернизации как переноса в традиционное общество западных институтов и технологий. Россия была первой в мире незападной страной, предпринявшей программу интродукции западной науки. Здесь уже в XVIII веке был накоплен большой, но до сих пор недостаточно освещенный опыт. «Прививка» науки на ствол русской культуры удалась, однако вплоть до середины XIX века систематической рефлексии российских ученых и политиков не было, текстовых источников оставлено немного¹. Видимо, первой работой в России, развивающей философскую концепцию науки и ее социальных и культурных функций, было сочинение Герцена «Дилетантизм в науке» (1843). Эта и последующие работы, в которых Герцен проявил себя как методолог и блестящий популяризатор науки,

---

¹ Эти тексты касаются в основном истории Академии наук. Так, довольно хорошо освещены дебаты, возникшие в связи с подготовкой Устава Академии наук 1803 года (см. [126]).

были широко известны среди студентов и интеллигенции¹.

В XIX веке наука стала проникать и в колониальные страны (Индию), и в бывшие колонии (Латинскую Америку), и в избежавшие колониальной зависимости страны Азии (Японию, Китай). В европейских университетах училось много студентов из таких стран, складывались национальная интеллигенция и местные научные сообщества. В XX веке распространение науки стало предметом обществоведческих исследований. Выработанные в них понятия полезны и для нашей темы.

Индийский астрофизик А.Р. Чоудхури в своей работе о восприятии западной науки стажерами из Азии предлагает три критерия для отнесения национальной науки к категории *полной* (*total*) науки:

— Если в сообществе есть члены, хорошо осведомленные в надежно установленном научном знании прошлого.

— Если в сообществе есть члены, которые постоянно поддерживают себя на уровне хорошего знакомства с текущими достижениями мировой науки.

— Если в сообществе есть члены, которые постоянно осуществляют заметный вклад в развитие науки.

Если национальное научное сообщество имеет хорошие показатели только по одному или двум из этих критериев, то научная система неполна, Чоудхури предлагает называть ее *частичной* (*partial*) [80].

Создать сообщество, отвечающее всем трем критериям, задача нелегкая, необходимые для этого условия не формализованы. Сам Чоудхури замечает, что в ведущих индийских университетах имеется необходимое

---

¹ В 1833 г. Герцен окончил Московский университет с серебряной медалью за диссертацию «Аналитическое изложение Солнечной системы Коперника» и был утвержден кандидатом Отделения физико-математических наук, но вскоре был арестован и отправлен в ссылку до 1842 г. [80]. В 1847 г. он уехал из России.

оборудование, студентов обучают по лучшим зарубежным программам, часто с приглашением известных западных преподавателей. Студенты получают прекрасное образование и на международных конкурсах показывают хорошие результаты, но, как правило, не могут самостоятельно вести оригинальные исследования — у них не сложился соответствующий настрой ума (психологический гештальт).

В России XIX века, напротив, сложилось небольшое сообщество первоклассных ученых, которые вполне отвечали третьему критерию, но не могли выполнять первые две функции. Научная система была неполной, ученые были более связаны с иностранными коллегами, чем между собой. Их было слишком мало, чтобы выполнять все необходимые социальные функции науки, а общество их и не востребовало. Численность ученых не достигла критической массы, чтобы составить научное сообщество с полной и целостной структурой.

Наверстывать структурное отставание в науке очень трудно, потому что многие ее функции, будучи освоенными научным сообществом, становятся «невидимыми» — их методологические проблемы решены, и они уходят в тень, их выполняют привычно и незаметно. На эту трудность обратил внимание Герцен: русским пришлось осваивать европейскую науку тогда, когда на Западе уже перестали говорить о многих вещах, о которых в России еще даже не подозревали.

В начале XX века понимание этих проблем в российском научном сообществе вполне созрело, а сама численность научных работников выросла настолько, что о них стало возможно говорить как о профессиональном сообществе с развитым самосознанием. Установление общественного строя, ориентированного на форсированное развитие с опорой на научное знание, привело к качественному изменению — структура и масштабы научной системы стали быстро доводиться до

критических параметров *полной* системы. Эта явная стратегическая установка советского государства и была главным фактором, позволившим избежать почти неминуемого разрыва непрерывности в развитии отечественной науки и примирить революционную молодежь со старыми русскими учеными (в основном, либеральными демократами, членами партии кадетов).

Основанием «общественного договора» старой научной интеллигенции с советской властью были программные заявления и действия Советского государства буквально с первых месяцев его существования. Прежде всего, большинство научной интеллигенции, независимо от личных позиций в конкретном политическом конфликте того момента, принимало тот образ *будущего*, который декларировался в социальной философии советской власти. Социализм как желанный тип жизнеустройства был близок интеллигенции, включая ее праволиберальные течения. Даже консерваторы и религиозные философы не были *антисоциалистами*¹. Научное сообщество России со второй половины XIX века было «переплетено» с разными течениями социалистической культуры. Многие либеральные ученые и авторитетные для ученых деятели культуры были воспитаны в социалистической мысли. В ней они видели порождение науки, интеллектуальную программу развития России.

Вот суждение академика В.И. Вернадского в момент формирования партии кадетов, членом ЦК которой он

---

¹ В 1917 г. в своей известной работе «Христианство и социализм» С.Н. Булгаков посвятил целый раздел именно критике «буржуазности» социализма («он сам с головы до ног пропитан ядом того самого капитализма, с которым борется духовно, он есть капитализм навыворот»). Впрочем, далее он пишет о социализме: «Если он грешит, то, конечно, не тем, что он отрицает капитализм, а тем, что он отрицает его недостаточно радикально, сам духовно пребывая еще в капитализме» [16, с. 223, 225].

стал: «Социализм явился прямым и необходимым результатом роста научного мировоззрения; он представляет из себя, может быть, самую глубокую и могучую форму влияния научной мысли на ход общественной жизни, какая только наблюдалась до сих пор в истории человечества... Социализм вырос из науки и связан с ней тысячью нитей; бесспорно, он является ее детищем, и история его генезиса — в конце XVIII, в первой половине XIX столетия — полна с этой точки зрения глубочайшего интереса» [24, с. 409—410].

Но главное, что декларации советской власти были подкреплены делом, причем начатым со страстью. Власть в этой части своего дела стала выполнять *чаяния* российской научной интеллигенции.

Вот первое «слово и дело». Большим проектом российского научного сообщества перед революцией была институционализация систематического и комплексного изучения природных ресурсов России. Важным шагом в этой работе было учреждение в 1915 г. Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС). Она стала самым крупным подразделением Академии наук. Возглавлял ее академик В.И. Вернадский, ученым секретарем был избран А.Е. Ферсман. Но деятельность даже этой комиссии, работавшей непосредственно для нужд войны, тормозилась. Так, в течение двух лет она не могла получить 500 руб. для изучения месторождения вольфрама, обнаруженного на Кавказе¹.

Для сравнения можно привести работы по исследованию Курской магнитной аномалии. В ноябре 1918 г. начала работать созданная для этой цели комиссия, в

---

¹ Наконец, на заседании, где обсуждался этот вопрос, академик Крылов обругал «царскую фамилию и великих князей, которые захватили в свои руки вольфрамовые месторождения Забайкалья», вынул из кармана 500 рублей и сказал: «Это для спасения нашей армии, оставшейся без снарядов».

феврале 1919 г. ее планы рассматривались в Совете обороны под председательством Ленина. Несмотря на боевые действия в этом районе, на месте стала работать экспедиция Академии наук, за год были определены границы аномалии. Работа была комплексной, участвовали ведущие ученые (И.М. Губкин, П.П. Лазарев, А.Н. Крылов, В.А. Стеклов, Л.А. Чугаев, А.Н. Ляпунов и др.). Был создан целый ряд новых приборов, разработаны ценные математические методы [59, с. 28]¹.

Уже в январе 1918 г. советское правительство запросило у Академии наук «проект мобилизации науки для нужд государственного строительства». Ответную записку готовил Ферсман, он предлагал расширить деятельность КЕПС и наладить учет и охрану научных сил.

Установка Советского государства на форсированное развитие науки была принципиальной и устойчивой. В апреле 1918 г. Ленин написал программный материал — «Набросок плана научно-технических работ». Его главные положения совпадали с представлениями КЕПС. Уже в апреле структура КЕПС была резко расширена. Ферсман руководил Радиевым отделом и отделом Нерудных ископаемых, а с 1920 г. и Комитетом порайонного описания России.

В июне 1918 г. КЕПС, а затем и Общее собрание Академии наук обсуждали «Записку о задачах научного строительства». Она была подготовлена, как сказано в протоколе КЕПС, в ответ на «пожелание Председателя Совнаркома выяснить те взгляды, которых придержи-

---

¹ Для ученых были важны и установки государства. Академик П.П. Лазарев писал: «Мы можем с полным правом утверждать, что без Ленина не было бы предпринято это грандиозное комплексное исследование, получившее в настоящее время такое большое практическое значение. Несомненно, что идейная помощь Ленина, его ясное понимание задач, которые стояли перед исследованием, сыграли колоссальную роль в тех успехах, которые были получены в этой области» [59, с. 29].

живаются представители науки и научные общества по вопросу о ближайших задачах русской науки» [58].

Именно согласование взглядов Совнаркома, представителей науки (и, что менее известно, бывших министров и промышленников царской России) позволило выработать и сразу начать ряд больших научно-технических программ (ГОЭЛРО, геолого-разведочных, эпидемиологических и др.).

Вот пример реализации научной программы с большим социальным эффектом. Она предлагалась учеными в дореволюционное время, но стала возможной лишь в новых социально-политических условиях. К середине 20-х годов резко снизилась младенческая смертность в России, которая в самом конце XIX века составляла 425 умерших на 1 тыс. родившихся. В результате средняя продолжительность жизни русских сразу подскочила **на 12 лет**. Это было достигнуто интенсивной и массовой *культурно-просветительной* работой. Врач и демограф С.А. Новосельский писал в 1916 г.: «Высокая детская смертность у православного, т.е. преимущественно русского населения, состоит, помимо общеизвестных причин, в связи с деревенскими обычаями крайне рано, едва ли не с первых дней жизни ребенка давать ему кроме материнского молока жеваный хлеб, кашу и т.п. Сравнительно низкая смертность магометан, живущих в общем в весьма антисанитарных условиях, зависит от обязательного грудного вскармливания детей в связи с религиозными предписаниями по этому поводу Корана»¹ [90].

Отказ русских крестьян от привычки давать новорожденному ребенку жеваный хлеб, от чего умирала треть младенцев, — результат крупной форсированной научно-просветительской и организационной работы.

---

¹ У мусульман в 1897 г. детская смертность составляла 166 на 1 тыс.

И по масштабам, и по организации, и по результатам это был настоящий *национальный проект*. И подобных результатов было много, например ликвидация в 20-е годы массового детского («бытового») сифилиса, вызванного элементарным незнанием правил гигиены.

Даже, казалось бы, политическое решение о переходе к НЭПу вырабатывалось по типу *научной программы*. Двум наиболее авторитетным экономистам-аграрникам России, Л.Н. Литошенко и А.В. Чаянову, было поручено подготовить два *альтернативных* программных доклада.

Литошенко рассмотрел возможности продолжения, в новых условиях, т.н. «реформы Столыпина» — создания фермерства с крупными земельными участками и наемным трудом. Чаянов исходил из развития трудовых крестьянских хозяйств без наемного труда с их постепенной кооперацией. Доклады обсуждались в июне 1920 г. на комиссии ГОЭЛРО (это был прообраз планового органа) и в Наркомате земледелия. В основу НЭПа была положена концепция Чаянова¹. X съезд РКП(б) в марте 1921 г. принял решение о переходе к «Новой экономической политике». Речь шла не о продолжении курса 1918 года, а именно о *новой* политике, выработанной на новом уровне понимания происходящих в стране процессов и на основе знания, данного Гражданской войной.

Буквально в первые же месяцы после 1917 года началась программа создания принципиально новой *сети научных учреждений*. Эта программа также вызрела за предреволюционное десятилетие в кругах ведущих российских ученых, которые исходили из логики и тенденций развития мировой науки и критических задач

---

¹ На фоне реформ нашего времени надо отдать должное ответственному подходу советского правительства в 1920 г. При выборе аграрной политики не было места ни доктринерству, ни идеологической риторике.

развития России. Кризис сословного общества и монархической государственности России, который углублялся начиная с 1905 года, заморозил планы этого развития. Еще в 1910 г. Вернадский подал записку «О необходимости исследования радиоактивных минералов Российской империи», в которой предсказал неизбежность практического использования атомной энергии, — на нее не обратили никакого внимания.

А в 1918 г. создание условий для будущей атомной программы стало важной частью всего проекта строительства отечественного научного потенциала. Академик А.Ф. Иоффе в 1918 г. высказал предположение, что радиоактивность может быть получена искусственным путем. Тогда же в руководимом им Радиевом отделе стали разрабатывать высоковольтный трансформатор на 2 млн вольт, чтобы использовать как ускоритель элементарных частиц (он был опробован в 1922 г.). В отчете Л.В. Мысовского (август 1921 г.) было сказано: «В случае успеха, как показывают вычисления, можно надеяться искусственно вызвать радиоактивные процессы, что впоследствии несомненно дало бы возможность не только превращать одни элементы в другие, но также и воспользоваться неисчерпаемыми запасами внутриатомной энергии» [124].

Уже 29 марта 1918 г. ВСНХ предложил Академии наук организовать исследования, необходимые для производства радия. Сырье, предназначенное для отправки в Германию, было секвестировано и передано Академии наук. На работы по радию Академии была выделена крупная сумма, 418 тыс. руб. В декабре 1921 г. были получены высокоактивные препараты радия. В начале 1922 г. заработал завод, и Вернадский сказал в докладе: «Недалеко время, когда человек получит в свои руки атомную энергию, такой источник силы, который даст ему возможность строить свою жизнь, как он захочет... Сумеет ли человек воспользоваться этой силой, напра-

вить ее на добро, а не на самоуничтожение? Дорос ли он до умения использовать ту силу, которую неизбежно должна дать ему наука?» [24, с. 3—4].

Вот — тот фундамент, на котором стояла советская атомная программа 40-х годов. Без этого фундамента бессильными были бы и разведка, и Берия.

Строительство советской науки планировалось, как мы бы сегодня сказали, исходя из представления о научном потенциале как о *системе*. В него закладывались важные организационные нововведения. За структурную единицу сети был принят *научно-исследовательский институт*, новая форма научного учреждения, выработанная в основном в российской науке. Только в 1918—1919 гг. было создано 33 таких института. Эта совокупность стала той матрицей, на которой сформировалась советская научно-техническая система. Первыми, по предложению Академии наук, поданному в Совнарком 2 апреля 1918 г., были открыты Институты Платины (Л.А. Чугаев) и Физико-химического анализа (Н.С. Курнаков), Центральный аэрогидродинамический институт (ЦАГИ), Научный автотомоторный институт (НАМИ), Научный институт по удобрениям, позже Государственные оптический и радиевый институты, Физико-технический и Физико-математический институты, Институт химически чистых реактивов (ИРЕА). К 1923 г. число НИИ достигло 56 и в 1929 г. — 406.

Часть этих институтов находилась в ведении Научно-технического отдела (НТО) ВСНХ и стала ядром будущей системы отраслевых институтов СССР. К 1925 г. под эгидой НТО ВСНХ работало 17 крупных институтов, в том числе ЦАГИ, НАМИ, ИРЕА, Научно-исследовательский химико-фармацевтический институт (НИХФИ), Научный химический институт им. Л.Я. Карпова, два электротехнических НИИ. С середины 20-х годов стала формироваться сеть проектно-конструкторских и проектных институтов. Первым из них стал

созданный в 1926 г. Государственный институт по проектированию металлических заводов (Гипромез). Затем были учреждены Гипрошахт, Гипроцветмет и др.

К 1934 г. только в подчинении Наркомата тяжелой промышленности было 144 научно-исследовательских учреждения, в том числе 99 институтов и 27 филиалов. В них работало 33,4 тыс. сотрудников, в том числе 11,2 тыс. научного персонала. К 1938 г. число институтов и их филиалов достигло 180, причем многие были созданы для работы в новых областях — телемеханики, электроники, радиотехники и автоматики. С начала 30-х годов стала быстро развиваться сеть *фабрично-заводских лабораторий*, работавших в кооперации с НИИ. Первые из организаций этого типа возникли на 1-м Государственном подшипниковом заводе, Уралмаше, Кузнецком металлургическом комбинате [8].

Институты стали основной структурной единицей и Академии наук, статус которой был повышен: в 1925 г. ЦИК и Совнарком приняли постановление «О признании Российской Академии наук высшим учебным учреждением Советского Союза». До революции в Академии был только один институт, а в 1925 г. их было 8 (из 42 научных учреждений).

Научно-исследовательские институты, созданные в 1918 г. и начавшие свою работу в условиях Гражданской войны, — явление особое и важное для нынешней России и ее научного сообщества. Они показывают, что, при всей важности материальных условий, для научной деятельности необходимо ощущение миссии, даже наличие *мессианского* чувства, направленного на спасение своей страны и своего народа. Как *личность*, выдающийся ученый может прекрасно работать в любой стране, где он востребован и где для работы созданы благоприятные материальные условия (это показала работа русских ученых в эмиграции). Но в первые годы после революции в советской России в новых институ-

тах вокруг ведущих ученых были собраны *коллективы*, которые стали структурообразующими сообществами большой и целостной национальной науки. Они сформировались в исследованиях очень высокого уровня, не имея, по нормальным меркам, минимально необходимого материально-технического обеспечения¹.

История становления всех этих институтов подробно описана, но реально она не была востребована научной молодежью позднего СССР и тем более постсоветского времени. Но сегодня эта история актуальна. Проект перехода на «инновационный путь развития» исходит из утопической идеи создать для новой российской науки такие же материальные условия, «как на Западе». История показывает, что это условие является категорически *недостаточным* для существования здоровой национальной науки и не является *необходимым* (даже если бы оно было достижимым). Напротив, проблема создания необходимых и достаточных условий для *мотивации* научных сообществ пока что из доктрины российских реформ исключена.

Сейчас многим трудно понять, что строить систему научных учреждений в 1918—1920 гг. значило прежде всего *сохранить* самих ученых в буквальном смысле слова. В 1919 г. был принят декрет Совнаркома «Об улучшении положения научных специалистов» — им были выданы пайки на усиленное питание (сначала 500, к сентябрю 1921 г. 4786 пайков, а в 1922 г. продуктовые пайки получали 22 589 работников науки и техники). В январе 1920 г. стали создаваться комиссии по улучшению быта ученых. Они действовали почти во всех уни-

---

¹ Созданный в 1918 г. по инициативе Н.С. Курнакова Институт физико-химического анализа в 1934 г. стал основой большого Института общей и неорганической химии АН СССР. Во время Гражданской войны сотрудники, как с иронией говорил Курнаков, «работали при нормальных условиях — температура 0°C и давление 760 мм» [98].

верситетских городах и, занимаясь бытом ученых, активизировали работу научных учреждений и вузов. [27]

Н.А. Семашко писал в 1922 г.: «Ясно, что если ЦеКУБУ поддерживала «жизненную силу» этих учреждений, то тем самым она вдыхала жизнь в эти учреждения... ЦеКУБУ питала деятельность громадного большинства, если не всех университетов, институтов и других высших учебных заведений... без помощи ЦеКУБУ многие из таких учреждений должны были бы закрыться». ЦеКУБУ и ее отделения посредством своей социально-бытовой работы собирали научное сообщество страны¹.

Масштабы работы по созданию сети научно-технических организаций в СССР и подготовке кадров для заполнения рабочих мест сегодня не могут не поражать. Эта работа велась планомерно и неуклонно — в сложных условиях дефицита ресурсов и быстрых общественных перемен 20—30-х годов.

В феврале 1919 г. была организована Украинская академия наук, президентом ее стал В.И. Вернадский. Быстро расширялась сеть вузов. В 1918 г. были созданы 5 университетов (Нижний Новгород, Воронеж, Иркутск, Днепропетровск и Тифлис), в 1920 г. были изданы декреты о создании Уральского государственного универ-

---

¹ Сейчас нам трудно себе представить, каков был нормальный материальный уровень жизни в СССР до 60-х годов даже в среде научной элиты. Когда И.В. Курчатов в 1944 г. собирал лучшие научные кадры для атомного проекта, которым правительство взялось обеспечить благоприятные условия для работы, ведущие работники должны были сообщить ему сведения о своих материальных нуждах, в том числе о наличии отопления и о «размерах наличного гардероба (количество костюмов, пальто, обуви)». Курчатов отметил в своей записи после беседы со Сталиным: «По отношению к ученым т. Сталин был озабочен мыслью, как бы облегчить и помочь им в материально-бытовом отношении... Он сказал, что наши ученые очень скромны, и они никогда не замечают, что живут плохо, — это уже плохо, и хотя, он говорит, наше государство и сильно пострадало, но всегда можно обеспечить, чтобы [несколько тысяч?] человек жило на славу» [72].

ситета в Екатеринбурге и первого вуза в Средней Азии — Туркестанского госуниверситета в Ташкенте. В 1921/22 г. стали работать 7 вузов в Белоруссии, 5 в Азербайджане, 4 в Узбекистане, по одному в Армении и Казахстане.

Результат был таков: накануне Великой Отечественной войны в стране в основном был создан, по словам С.И. Вавилова, «сплошной научный и технический фронт» (эта задача была поставлена в 1936 г.). Была создана *большая сложная система*, обеспечившая все критические проблемы развития и адекватная всем критическим угрозам стране. К началу войны в СССР работало свыше 1800 научных учреждений, в том числе 786 крупных научно-исследовательских институтов. Научная работа велась также в 817 высших учебных заведениях. Экзамен, которому подверглась эта система, был не идеологическим, а жестким и абсолютным — *войной*.

Эта же система стала той базой, которая в конце 40-х годов позволила предотвратить перерастание объявленной Советскому Союзу холодной войны в горячую. Она уже обладала достаточными мощностью, гибкостью и научными заделами, чтобы очень быстро выполнить большие программы по созданию ракетно-ядерного «щита» СССР. Достаточно сказать, что первая отечественная публикация о делении ядер при бомбардировке нейтронами (в Радиевом институте) была представлена в журнал «Доклады Академии наук» всего через два месяца после публикации об открытии в 1939 г. деления ядер. Это был результат интенсивной работы, начатой в 1918 г.

В 1938 г. в АН СССР была образована Комиссия по атомному ядру, ее планы и отчеты, переписка с руководством правительства опубликованы — это полная комплексная программа, которая предусматривала добычу 10 т урана в 1942—1943 гг. и строительство большого

ускорителя в 1941 г. Эта программа была принята к исполнению, когда еще было неясно, возможно ли осуществление цепной реакции на уране. Научная система работала на опережение. Точно так же обстояло дело с созданием ракет. В августе 1933 г. состоялся первый полет ракеты ГИРД-09, в ноябре того же года — ГИРД-10, а уже в 40-е годы над созданием ракетной техники работали 13 НИИ и КБ и 35 заводов.

Этот результат во многом был предопределен *стратегическими решениями* при выборе проекта строительства «общества знания» СССР на период примерно до 1960 года. Под этой стратегией была сильная методологическая база, корнями уходящая в русскую культуру, — предвосхищавшие неравновесную термодинамику идеи С.А. Подолинского, системные представления Вернадского, социогенетические идеи Н.Д. Кондратьева и А.В. Чаянова, организационная теория А.А. Богданова.

Эти решения должны быть сегодня изучены без всяких идеологических пристрастий. Такое изучение нужно не для того, чтобы повторять те решения (это было бы такой же бесплодной имитацией, как и попытка копировать современный западный опыт), а чтобы понять *методологию выработки решений*. Те решения были адекватны и целям, и условиям (ограничениям). Мы имеем опыт успешной большой программы в контексте собственной национальной культуры, игнорировать его глупо (если целью не является разрушение отечественной науки).

Этот импульс строительства «общества знания» в советской России, его интенсивность и рожденное им ощущение Общего дела были прочувствованы и оценены научными и духовными лидерами мирового сообщества того времени. Как писал в 1925 г. из СССР Дж. М. Кейнс, «временами ощущается, что именно здесь — несмотря на бедность, глупость и притеснения — Лаборатория Жизни» [50]. Сюда тянулись, этому строительству стре-

милось помочь, что само по себе есть важная оценка и важный ресурс, созданный именно *качеством* дела. Молодых советских ученых принимали на стажировки в ведущие лаборатории Запада, им давали стипендии, их наставниками были великие ученые. Некоторые ехали работать в СССР, в его бедные лаборатории, без комфорта. Это было широкое движение, оно отражено во множестве документов и воспоминаний¹. Таким образом, в СССР сложилась научная элита из молодых исследователей, которые стажировались в ведущих лабораториях Запада и стали полноправными членами мирового научного сообщества. Советская наука стала полной и по второму критерию Чоудхури.

Сейчас, изучая научное строительство в СССР 20—30-х годов, мы видим важную особенность, которую наша научная политика незаметно утратила в 60-е годы. Она заключается в том, что выделяемые на это строительство средства никоим образом не были привязаны к показателям, сложившимся в «развитых странах». Средства выделяли исходя из тех критических задач, решение которых для страны было *императивом выживания*. Уже во второй половине 1918 г. научным учреждениям было ассигновано средств в 14 раз больше,

---

¹ Здесь мы не можем дать их обзора и ограничимся отдельными примерами, достаточно типичными. Так, Э.Д. Маневич пишет о классике генетики нобелевском лауреате Г. Мёллере, который работал в СССР: «Мёллер впервые посетил советскую Россию в 1922 г. и был поражен высоким уровнем науки в стране, еще не оправившейся от гражданской войны, в стране, истерзанной войнами, голодом, неурожаем. Он стал большим другом нашей страны и в 1922 г. по приглашению Н.И. Вавилова начал работать в Институте генетики АН СССР» [75]. В 1921 г. Пауль Эренфест помогал получить визы для А.Ф. Иоффе и П.Л. Капицы, которые были командированы за границу для покупки научной литературы и приборов. В 1924 г. Эренфест сам приехал в СССР и организовал получение стипендий для четырех советских физиков-теоретиков (Я.И. Френкеля, Ю.А. Круткова, В.А. Фока и И.Е. Тамма). В 1923 г. на стажировки стали выезжать математики [54].

чем в 1917 г. Расходы на научные исследования во второй пятилетке выросли в 8,5 раза по сравнению с первой пятилеткой, а расходы на научное оборудование — в 24 раза.

Научное сообщество (в лице ведущих ученых) и планирующие органы государства определяли, какого масштаба и какой структуры наука необходима именно нашей стране — исходя из угроз и задач развития — и именно на рассматриваемый горизонт долгосрочного планирования. Это — *рациональный* подход, в то время как принятый после 60-х годов и сохранившийся сегодня подход является неразумным. Тот факт, что, например, в США на развитие науки направляется 3% ВВП, не может служить никаким критерием для России, Китая или Таджикистана. Между этими странами и США в данном вопросе не выполняются самые минимальные критерии подобия¹.

Средства, вложенные Советским государством в 20—30-е годы в науку (прежде всего, в капитальное строительство, оборудование и подготовку кадров), были очень велики даже по западным меркам. С 1923 г. Академия наук посылала своих представителей почти на все важные научные конференции Европы, Америки и Азии. Стали довольно распространенными командировки ученых за границу для обучения и стажировок, уже не на стипендии и гранты зарубежных фондов, а по программам наркоматов. Сотрудник Фонда Рокфеллера, посетивший СССР в 1935 г., писал в отчете: «Даже

---

¹ Если науку уподобить головному мозгу человека, то надо вдуматься в выработанное эволюцией свойство: в условиях острого голода мозг стабильно получает необходимый для его работы состав питательных веществ, вплоть до смерти организма. Именно так обеспечивается максимальный шанс выживания. Созданному природой механизму запрещено поставлять в мозг голодающего такой же процент глюкозы от общего потребления организма, как и американцу за роскошным столом.

максимум, что RF [Фонд Рокфеллера] мог бы сделать в России, был бы лишь каплей по сравнению с огромным нынешним финансированием, по крайней мере в бумажных рублях» [54].

На строительство научной системы в СССР в 20—30-е годы надо взглянуть с социологической точки зрения — как на целенаправленное собирание *научных сообществ*. Это была огромная и сложная программа. Очевидно, что для ее выполнения требовалось прежде всего обучить, воспитать и социализировать большой контингент специализированных кадров. В 1917 г. в России было около 12 тыс. научных работников (более точные данные касаются 1913 г. — 11,6 тыс.). Уже в 1940 г., через 20 лет после Гражданской войны, их было в СССР 98,3 тыс., а в 1950 г. — 162,5 тыс.

Но и выпускник вуза, направленный на работу в научное учреждение, был только «сырьем», для превращения которого в члена научного сообщества требовалось еще создать множество экономических, организационных и культурных условий — систему научных журналов и издательств, систему ученых степеней и неформальных статусов с их атрибутами, субкультуру научного сообщества с его стилем жизни и общения, знаковыми системами и форумами (конференциями, командировками, домами отдыха и дачными поселками).

Все это делалось быстро и планомерно. С 1930 г. началось создание ассоциаций институтов по дисциплинам и крупным проблемам. За два года возникли физико-математическая, химическая и биологическая ассоциации, в 1933 г. ассоциация общественных наук. Важными мерами по институционализации научных сообществ в советской науке были профессиональные съезды. Их созыв происходил по достижении достаточной плотности коммуникаций в среде специалистов, работающих в крупной дисциплине или области науки.

Как пример можно привести первый в истории Рос-

сии всесоюзный географический съезд в апреле 1933 г. Съезд собрал 800 делегатов, было заслушано 200 докладов. На нем были подведены итоги больших работ, проведенных географами после 1917 года, — программы освоения Северного морского пути и изучения северных территорий, перехода на новое поясное время, подготовки географо-статистического словаря СССР и организации Центрального географического музея, организации высшего географического образования¹. Были сделаны доклады о крупных многолетних экспедициях: в Монголии и Китае, на Памире и Урале, в Сибири и Казахстане, в северных землях и океане, в Центральной Америке. Целый ряд докладов носил проблемный характер — ведущие ученые излагали большие исследовательские программы, которые и стали структурными единицами советской географической науки [42].

Подобные съезды проходили в сообществах всех крупных исследовательских областей. Так выстраивались системы — когнитивные, информационные и социальные, — из которых складывалась дисциплинарная и проблемная структура всей отечественной науки со всеми элементами, необходимыми для ее интеграции в мировую науку.

Наконец, вспомним предложенный Чоудхури первый признак *полной* науки — наличие достаточно весомой части сообщества, хорошо осведомленного об истории развития знания соответствующей области (развитая «память» научного сообщества). *Рефлексия*, то есть регулярные размышления о пройденном пути — необходимая часть научного метода. Эта норма современной науки унаследована еще от античной философии — Ге-

---

¹ Для подготовки кадров географов-исследователей в Ленинграде в 1918 г. был открыт Географический институт. В 1920—1925 гг. его ректором был Ферсман. В 1925 г. институт вошел в состав Географического факультета ЛГУ, и Ферсман стал тут деканом этого факультета.

раклит Эфесский сказал: «Только тогда можно понять сущность вещей, когда знаешь их происхождение и развитие». Знание о том, как зародилась проблема и как эволюционировали ее понимание, объяснение, экспериментальные данные и методический арсенал исследования, является обязательным для ученого. Канон научной статьи стала ее первая часть — исторический обзор исследования проблемы начиная с ее постановки. *История знания* — часть научного знания, которая важна не столько как гуманитарный и культурный багаж ученого, сколько в качестве актуального инструмента на каждом этапе познания.

Вопросы истории науки поднимались в России с первых моментов создания национальной научной системы — и в речах ученых на собраниях, и в трактатах и книгах (Ферсман начинает свою эпопею по «истории камня» с упоминания о книге А.М. Теряева «История минералогии», изданной в 1819 г.). Однако чтобы оказывать влияние на социодинамику культуры, эта часть научного знания должна специально «производиться» в научном сообществе и распространяться по специально организованным каналам во все сферы общества — образование, культуру, искусство, политику. История знания — необходимый интегрирующий все его ареалы элемент. Лишь имея этот достаточно развитый элемент, структуру «общества знания» можно считать полной.

Отсутствие в науке дореволюционной России этого элемента остро ощущалось ведущими учеными. Некоторые из них (например, Вернадский, Ферсман, Н.Н. Лузин и др.) писали трактаты и статьи по истории науки, но это не решало проблемы — не было инфраструктуры истории знания, эта область знания не была институционализирована. В советское время Академия наук сразу предприняла усилия по достройке этого структурного элемента. С 1917 г. работала комиссия по изданию сборника «Русская наука», которой руководил акаде-

мик А.С. Лаппо-Данилевский. А в мае 1921 г. на Общем собрании Академии Вернадский сделал доклад об организации постоянной «Комиссии по истории знаний» (КИЗ). Он и стал ее председателем. В своем докладе он отметил, что «в России отсутствует какая бы то ни было организация, которая бы содействовала изучению истории научной и философской мысли и научного творчества». В дальнейшем он сделал несколько программных докладов по истории науки.

С 1927 г. стали регулярно выходить «Труды КИЗ», издавались книги в серии «Очерки по истории знаний». Большим стимулом к изучению истории науки послужила подготовка к изданию Большой советской энциклопедии, написание исторических статей для которой заказывалось крупным ученым. Необходимая для развития науки функция обрела адекватную ей структуру, возникло и профессиональное сообщество, и система коммуникаций.

В 1930 г. председателем КИЗ избирается академик Н.И. Бухарин, тогда еще влиятельный политический деятель. На II Международный конгресс по истории и методологии науки (Лондон, 1931 г.) уже была послана очень представительная советская делегация. Главный доклад («Социально-экономические корни механики Ньютона») сделал физик и философ, директор Института истории физики Физического факультета МГУ Б.М. Гессен. Этот доклад вызвал огромный резонанс в мировом сообществе историков науки и задавал методологические и идеологические рамки для целого поколения западных историков и социологов науки (к группе тех, кто принял и развивал модель Гессена, причисляют Джона Бернала, Дж. Нидхема, Ч. Сноу, Дж. Хаксли, П.М. Блэккетта, Э. Хобсбаума, Джона Холдейна и Р. Мертона [142]). Polemica, связанная с этим докладом, продолжается до сих пор.

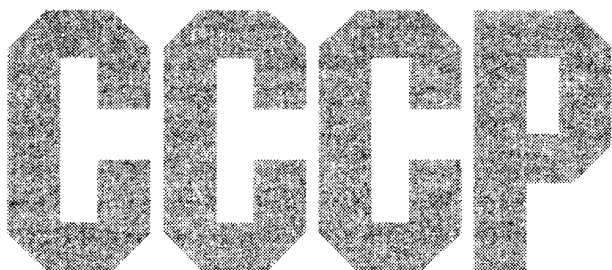
В 1932 г. КИЗ преобразуется в Институт истории

науки и техники АН СССР, стал издаваться журнал «Архив истории науки и техники» [263]. Новый этап развития этой области начался после войны. В 1953 г. Институт истории естествознания АН СССР, существовавший с 1945 г., был объединен с Комиссией по истории техники при Отделении технических наук АН СССР, образовав Институт истории естествознания и техники АН СССР.

История и методология науки заняли важное место в структуре советской науки — как институционально, так и неформально, в качестве самостоятельного творчества многих ученых. Литература по истории науки была очень популярна среди интеллигенции. В издательстве «Наука» в 1959 г. была учреждена «Научно-биографическая серия», в которой за 30 лет вышло 475 книг — подобного издания не было ни в одной другой стране. Исторический подход применялся и в преподавании научных дисциплин в средней школе.

Таким образом, за 20—30-е годы XX века структуры науки России, создаваемые начиная с XVIII века, были достроены и развиты до большой целостной системы. Это было важной частью советского проекта, строительство научной системы следовало определенной доктрине, велось быстро и системно. В СССР сложилась «полная» наука и развитое научное сообщество, в развитии которого удалось избежать разрыва непрерывности, риск которого в условиях революции был очень велик. Советская научная система быстро увеличивалась в размерах, обрела свою культурную и социальную идентичность и стала важным общественным институтом, активно вовлеченным в строительство советского «общества знания».

Глава 5

СОВЕТСКОЕ «ОБЩЕСТВО ЗНАНИЯ»: СБОРКА ОСНОВНЫХ БЛОКОВ

Строительство «общества знания» характеризуется изменениями, которые происходят в социодинамике культуры, конкретно — в движении, восприятии и использовании *знаний*. Уже в Российской империи с конца XIX века эти изменения были быстрыми и глубокими. Однако с 1918 г. они приобрели новое качество, став одной из приоритетных программ, системообразующим элементом всей стратегии развития страны.

Образование

Прежде всего надо подчеркнуть, что было принято стратегическое решение не демонтировать структуры прежней «императорской» организационной системы науки, а укрепить ее и сделать ядром и высшей инстанцией в строительстве советской системы. Академия наук в связке с университетами стала «генератором» сети научных учреждений, выполняя форсированную программу расширенного воспроизводства научного потенциала.

Это требовало резкого увеличения подготовки кадров и для самой науки, и для других звеньев научно-

технической системы — массовой интеллигенции (инженеров, врачей, преподавателей и офицеров), среднего технического персонала и квалифицированных рабочих. Подготовка этих кадров легла на плечи имевшейся в стране научно-технической интеллигенции. Это означало произвести в России, вышедшей из Гражданской войны, целую культурную революцию, создав не только массовую школу, основанную на научном знании, но и специальные временные структуры, в ускоренном темпе готовившие молодых людей из крестьянских и рабочих семей к поступлению в вузы (курсы, рабфаки, техникумы).

К концу 30-х годов страна имела 812 тыс. студентов вузов (в 8 раз больше, чем в 1913 г.) и 975 тыс. учащихся средних специальных учебных заведений (в 175 раз больше, чем в 1913 г.). Кадровой базой производства, образования, здравоохранения и науки в количественном отношении стала уже научно-техническая интеллигенция, получившая образование в советское время. За 1928—1941 гг. численность инженеров в СССР возросла с 47 тыс. до 289 тыс. К 1934 г. новые, выстроенные в советское время заводы давали две трети всего объема промышленного производства [92, с. 119—128].

В 30-е годы происходила институционализация высшего образования и системы подготовки научных кадров СССР: были введены зачетные книжки у студентов, стандартизированы дипломы, введены ученые степени и звания, система государственной аттестации соискателей, учреждена аспирантура. Эти формы устоялись и в течение 70 лет вполне удовлетворительно выполняли свои функции. В ходе их нынешнего реформирования содержательной критики в их адрес не поступило.

Безусловным результатом усилий созданного за два десятилетия «общества знания» было осуществление индустриализации 30-х годов, конструирование и про-

изводство той техники, без которой было бы невозможно победить в Великой Отечественной войне, а затем создать ракетно-ядерный щит России. Независимо от моральной оценки этого результата, его нельзя не признать. Британская энциклопедия фиксирует этот факт: «В течение десятилетия [1930—1940 гг.] СССР действительно был превращен из одного из самых отсталых государств в великую индустриальную державу; это был один из факторов, который обеспечил советскую победу во Второй мировой войне» [92, с. 105].

Конечно, в основе выполненных в те годы больших программ лежали замыслы старых российских ученых, они лично обучали и осуществляли научное руководство молодыми исследователями и конструкторами, было бы глупо пытаться разделить вклады разных поколений в успех всего сообщества. Здесь для нас важен социологический факт: основной кадровый состав советского «общества знания», подготовленный за 1920—1930-е годы, по своей квалификации, мотивации и трудоспособности оказался на высоте исторических вызовов того периода. Его качественные характеристики позволили решить главные критические задачи.

Это надо сказать потому, что в ходе перестройки и реформы 90-х годов неоднократно делались утверждения о низком качестве тех систем, которые мы унаследовали от СССР и имеем сегодня как ресурс для нового строительства. Вот статья философа Н. Козловой в престижном академическом издании [57]. Она вполне представительна. Автор проводит, как она выражается, «культурно-антропологический анализ», который отвергает сами принципы культурного строительства в СССР. Исходный тезис таков: «В 20-е годы культурный уровень общества в целом существенно понизился».

Отвергается сам антропологический тип людей, которых советская власть ввела в круг универсальной культуры. Козлова пишет: «Ветер революции вымел на

поверхность исторической жизни множество людей, живших в мире связей личного типа, характерных для традиционных доиндустриальных обществ. Это — люди безъязыкие, молчащие «от дурости и угнетения»... О какой науке они мечтали — сказать трудно». Все это с издевательским оттенком — мол, «страна мечтателей, страна героев».

И опять отрицание, проникнутое сословной неприязнью: «В результате оказалась освобожденной архетипическая фантазия низов, которая выплеснулась из цивилизационных рамок и «разлилась» по поверхности общества... Открылись десятки университетов, появились новые тысячи научных работников. Организация образования для тех слоев, которые ранее были отчуждены от культуры, стала способом достижения всеобщего равенства... Новых, «красных» студентов отличал удивительно низкий уровень грамотности, результатом же стала деградация университетов»¹.

Статья Н. Козловой примечательна тем, что в ней наглядно предстает раскол, который произошел в нашем обществе. Мы как будто говорим на двух разных языках. Многим кажется дикой сама идея, будто ликвидация неграмотности сотни миллионов человек совместима с формулой «общее снижение культурного уровня». В другой части общества возродилось сословное сознание, и для нее существенно лишь то, что происходит в тонком слое элиты, а 85% населения, крестьяне, для нее как будто вообще не существуют.

Говорится о низком уровне грамотности «красных» студентов. Допустим, он был низким по сравнению с уровнем потомственной интеллигенции. Но разве он

---

¹ Подобную же селекцию производит С. Аверинцев: «Нельзя сказать, что среди этой новой получившейся среды, новосозданной среды научных работников и работников умственного труда, совсем не оказалось людей с задатками интеллигентов. Мы знаем, что оказались. Но... единицы» (Независимая газета, 03.01.92).

у них был ниже, чем у массы их старших братьев пять-шесть лет назад, когда эти братья и мечтать не могли об университете? Ведь ясно, что благодаря рабфакам уровень грамотности и культуры у существенной части молодежи резко вырос. «Красные» студенты в ходе учебы и работы очень быстро повышали свой «уровень грамотности», и из их среды вышли блестящие ученые и инженеры. Начиная с некоторого порогового уровня знания, который и давали рабфаки, главными факторами роста грамотности становятся природные способности и трудолюбие человека — при благоприятных социальных условиях.

Но главное, мы видим отрицание самой сути советского «общества знания», идеи резкого расширения социальной базы науки и «освобождения архетипической фантазии низов», то есть чаяний, идеалов и представлений о благой жизни подавляющего большинства народа. И это отрицание пришло в Россию под флагом демократии! Здесь идеологи и проектировщики нового «общества знания» России оказываются перед экзистенциальным выбором, и в доктрине реформы российского образования просвечивают жесткие черты социал-дарвинизма.

Речь идет о фундаментальном разрыве не только с российской социал-демократией, но и с установками либерально-демократической интеллигенции дореволюционной России. Откат реформаторской интеллектуальной элиты в конце XX века — поразительное явление в культуре России. Но для нашей темы важнее неотъемлемый исторический факт: в советском «обществе знания» были резко расширены возможности получения образования и включения в научно-техническую деятельность для представителей всех социальных групп.

Этот факт вошел в коллективную историческую память и стал социологической характеристикой, которую нельзя игнорировать при проектировании «общества

знания» России XXI века. Период рыночной эйфории от потребления дешевых благ масс-культуры скоро пройдет, и спешно выстраиваемые социальные барьеры вокруг «общества знания» породят острое и способное к самоорганизации недовольство.

К системе образования в советском обществе примыкала, в качестве важного канала движения знаний в подростковой и молодежной среде, особая система государственных и общественных организаций — сеть кружков, клубов, «станций», «домов» и пр. Так, обязательным элементом инфраструктуры на всей территории СССР был Дом пионеров (в больших городах часто имелся и центральный Дворец пионеров). Одной из функций этих учреждений была популяризация научно-технических знаний, адаптированных к разным возрастам. Занятия велись в виде самостоятельных «проектов» с элементами игры. Руководили такими «секциями» и кружками, как правило, энтузиасты из педагогов, инженеров или мастеров какого-то дела, часто старики. В личном контакте, в непрерывных беседах и воспоминаниях, в совместной работе руками они вводили подростков в курс дела какой-то профессии, знакомили с ее историей и достижениями, «социализировали» рассказами о повседневной реальности сообщества, выводили в «поле».

Очень существенная часть советских городских подростков прошла через такие кружки и секции (юных натуралистов, краеведов, моряков или автомобилистов). Трудно переоценить роль «молекулярного» распространения знаний через незаметную сеть этих каналов. Этот важный и самобытный элемент советского «общества знания» существовал как нечто естественное и остается плохо описанным. Он заслуживает специального исследования социологов.

Особым институтом стали в советской системе *кружки*, прямо относящиеся к сфере знания — в школах и

вузах. Функцией школьных кружков, которыми руководили энтузиасты-учителя, было разбудить интерес к предмету и поддерживать маленькое сообщество, занятое чтением, обсуждением и экскурсиями. Кружки при вузах, напротив, предоставляли лаборатории, материалы и оборудование для экспериментальной работы подростков. Уже в начале 50-х годов практически все вузы держали такие кружки, и это было поистине великое дело. Кружки стали *массовыми*, они имели информационную поддержку СМИ. Например, газета «Комсомольская правда» проводила всесоюзные конкурсы по решению математических задач.

Существенная часть советских ученых и инженеров испытала счастье экспериментальной работы и творчества именно в таких кружках, и оно сыграло важную роль в становлении их характера и мышления. Знание у них с самого начала соединялось с деятельностью, «к голове пришивали руки». В 1952—1953 гг. ребята из кружков Московского авиационного института во дворах гоняли на корде авиамodelи с моторами, а вокруг стояла толпа мальчишек. В 1954—1955 г. они уже испытывали на станке ракетные двигатели, рев на всю округу. А потом на корде уже летала миниатюрная крылатая ракета. Триумф знания воочию!

В конце 50-х годов группа физиков и математиков (академики М.В. Келдыш, П.Л. Капица, И.К. Кикоин и М.А. Лаврентьев), работавших на стыке фундаментальной и прикладной науки, предложила важное новшество в системе образования школьного уровня. При поддержке оборонных министерств по решению ЦК КПСС была создана система физико-математических интернатов и специализированных физико-математических школ. В начале 60-х годов возникли физико-математические школы-интернаты в Москве, Ленинграде, Новосибирске. Страна была разделена на три зоны, приписанные к этим городам. В каждой зоне проводил-

ся отбор школьников, которых приглашали учиться в этих школах.

Были учреждены всероссийские и всесоюзные физико-математические и химические *олимпиады*. Тогда же был создан юношеский физико-математический журнал «Квант» под совместным руководством АН СССР и Академии педагогических наук СССР. Редколлегия журнала вела просветительскую работу со школьниками страны, проводя летние и зимние физико-математические школы и конференции, а также по переписке. Она же возглавляла работу методической комиссии и формировала жюри всесоюзных математической и физической олимпиад. Статус олимпиад был очень высоким — Всесоюзную математическую олимпиаду возглавлял академик А.Н. Колмогоров.

По инициативе СССР стали проводиться Международные математические олимпиады — сначала в странах социалистического лагеря, затем и в других странах. Советские команды на этих олимпиадах занимали, как правило, высокие места. Примечательно, что в составе всех трех команд (математической, физической и химической) на Международных олимпиадах школьники из провинциальных городов СССР ни в чем не уступали столичным, — понятие «провинции» по отношению к образованию потеряло к 60-м годам свой прежний смысл. Это было качественным изменением в социодинамике знания в СССР.

Для школьников был важен и другой канал движения знания — *шефы*. Каждый НИИ имел подшефные школы. Приходил в класс инженер из Института автоматизации и телемеханики АН СССР, рассказывал о своей работе, о датчиках и обратных связях. Обычный мужчина в потертом пиджаке. Потом вытаскивал из кармана игрушечный трактор на батарейках, пускал по классу, и это было чудо. Трактор отыскивал себе дорогу в лабиринте, «осматривал» препятствия, «думал». Эти

кибернетические машины школьники видели и трогали руками в начале 50-х годов — и могли поговорить с человеком, который их конструировал и делал в мастерской. А потом он вез весь класс в ЦАГИ, где монтировал какие-то датчики, и там его знакомые рассказывали об аэродинамике и показывали стенды.

Так и формировалось советское «общество знания», но процесс этот не был хорошо осмыслен, и важное знание о нем было утрачено. Забылось даже знание о проблемах, которые вскрылись в 60-е годы и которые придется решать в ближайшем будущем. Ведь уже тогда выявилась вещь, которая казалась странной, — значительная часть подростков не хотела принимать всех этих форм и даже была враждебно к ним настроена. Казалось бы, тебе открыли доступ к огромному благу — *но они не желали*, причем активно. С чем сопрягались эти установки, какие условия их порождали, как эти молодые люди поведут себя в будущем? Все это надо было понять, но это «замели под ковер». В 80-е годы это вышло наружу как консолидированное зрелое отрицание несущих конструкций советского строя и особенно его «общества знания».

Распространение знания

Н.А. Морозов писал, что в русской интеллигенции 80-х годов XIX века сильна была выпестованная П.Л. Лавровым идея долга интеллигенции перед народом — «преобразовать науку так, чтобы сделать ее доступной рабочему классу». В следующем поколении эту идею пестовал большевик А.А. Богданов, ученый, философ и просветитель, «глубоко чтимый в кругах молодой социал-демократии» (по выражению Луначарского).

Во всех научных державах становление «общества знания» включало в себя интенсивную деятельность по просвещению населения и популяризации научного

знания. Важной формой этой деятельности было создание особого жанра научно-популярной литературы, авторами которой становились и крупные ученые, и писатели-популяризаторы. Возникли научно-популярные журналы: в 1872 г. в США начинает выходить журнал «Popular Science», в 1888 г. — «National Geographic», в 1902 г. — «Popular Mechanics». Научно-популярный иллюстрированный журнал «Наука и жизнь» начал выходить в России в 1890 году.

С конца XIX века стал развиваться и родственный жанр художественной литературы — научная фантастика. В 1926 г. в США появился первый в мире массовый журнал, целиком посвященный научной фантастике, — «Amazing Stories». Лучшие образцы этой литературы в переводе издавались в России. В начале XX века и русские ученые включились в создание научно-популярной литературы (например, блестящими популяризаторами науки были Тимирязев и Вернадский). Замечательным автором популярных книг был Ферсман, один из редакторов журнала «Природа», организатор массовой подготовки и издания научно-популярных книг для юношества. Он был и организатором широкого краеведческого движения в СССР (Центральное бюро краеведения состояло при АН СССР).

В советский период эта деятельность стала объектом большой государственной программы. Красноречивы ее первые шаги. Известно, что в Российской империи уже в 1890 г. законом была введена метрическая система мер и весов. Но для ее практического введения ничего не было сделано. Работа была начата после издания в 1918 г. декрета Совнаркома (одного из первых декретов советской власти). Реформа представлялась делом исключительно трудным, ее успех определялся тем, «примет или не примет» Россия новую систему мер. И ученые Главной палаты мер и весов объявили конкурс на лучшее научно-популярное сочинение о метри-

ческой системе. В жюри, кроме метрологов, вошли академики А.Н. Крылов и Н.С. Курнаков. Одной из первых и самых успешных книг была книга о ГОЭЛРО, написанная по заданию Ленина И.И. Скворцовым-Степановым. Ее первый раздел был посвящен метрической системе, предисловие к книге написал Ленин.

В 1931 г. в издательстве «Наука» была создана серия «Научно-популярная литература». Уже в 1940 году — выпуск научно-популярных книг достиг в СССР годового тиража 13 млн экземпляров. К началу 1970-х тиражи выросли до 70 млн, а в 1981 году выпуск научно-популярной литературы в СССР составил 2451 наименование общим тиражом 83,2 млн экземпляров. В 1933 г. начал издаваться научно-популярный журнал «Техника — молодежи», в 1934 г. вновь стал выходить журнал «Наука и жизнь». Тиражи научно-популярных журналов постепенно стали массовыми (в 80-е годы журнал «Наука и жизнь» выходил тиражом 3,4 млн экземпляров), однако спрос на эти издания полностью не удовлетворялся.

Другим важным каналом распространения научных знаний и пропаганды науки были публичные популярные лекции, часто с показом научных экспериментов. Эта форма популяризации знаний широко применялась в Англии уже в XVIII веке. С публичными лекциями выступали самые знаменитые ученые (например, Дэви и Фарадей). Квакеры финансировали разъездных лекторов, которые летом читали публичные лекции на почтовых станциях. Подготовка к таким выступлениям заставляла ученых оттачивать язык и аргументацию, изобретать эффектные эксперименты и наглядные пособия, которые иногда становились научными инструментами¹.

---

¹ Например, для своих публичных лекций Дальтон заказал сделать деревянные модели атомов, которые помогли ему в исследованиях.

В СССР лекционная работа ученых была поставлена очень широко. Ими была охвачена значительная часть трудовых коллективов, сельских клубов, школ, воинских частей. В 30-е годы чтение лекций рабочим на предприятиях было одной из самых распространенных «общественных нагрузок» научных работников. Важной функцией ведущих ученых было чтение популярных лекций в «целевых» аудиториях — перед партийным активом и работниками управления, в редакциях СМИ, перед военными и пр.

Например, один из ведущих советских физиков и руководителей термоядерного проекта И.Е. Тамм только в течение октября — декабря 1945 г. 9 раз выступил с лекцией на тему «Атомная энергия», в том числе в следующих организациях (в скобках указано число слушателей): редакция «Правды» (50), Артиллерийская академия (800), Главное военное управление (200), Высшая партийная школа (500) [31].

В августе 1943 года было создано Всесоюзное лекционное бюро при Комитете по делам высшей школы (позже он был преобразован в Министерство образования СССР). Во время войны видные ученые читали лекции по внешне-политической тематике в крупных городах. По поручению бюро было прочитано 13,5 тысячи публичных лекций и издано 255 брошюр.

Первого мая 1947 года было опубликовано обращение группы ученых, общественных деятелей и работников искусства (С.И. Вавилов, А.И. Опарин, Б.Д. Греков, Е.В. Тарле, Н.С. Тихонов и др.) с предложением создать Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. Учредительное собрание проходило в Большом театре, вступительное слово произнес председатель оргкомитета, академик С.И. Вавилов, президент Академии наук СССР. Учредителями были институты АН СССР, вузы и НИИ, профсоюзные, культурные и молодежные организации. Обществу был передан Политехнический музей.

В январе 1948 года в Москве состоялся первый съезд общества. Он одобрил план издания журнала «Наука и жизнь» и подготовку издания общедоступной энциклопедии. В 1951 году было создано издательство «Знание» по выпуску научно-популярной литературы. Всесоюзное Общество (переименованное в «Знание») издавало журналы «Международная жизнь», «Знание — сила», ежегодник «Наука и человечество» и брошюры по различным отраслям знаний (недавно о них вспомнили: «изумительные по доступности и одновременно строгости изложения научного материала брошюры»). Правопреемником Всесоюзного общества «Знание» на территории России стало Общество «Знание» РФ (кстати, последним куратором общества «Знание» от ЦК КПСС был Б.Н. Ельцин)¹.

Помимо лекций с 30-х годов Академия наук и другие научные учреждения стали проводить научно-технические совещания и конференции разного уровня по всей территории СССР и непосредственно на крупных предприятиях. Например, бригада химиков во главе с Н.С. Курнаковым в 1935 г. провела декаду науки и техники на Березняковском химкомбинате.

Ученый, изобретатель и инженер становятся героями кино, радио, литературных произведений. Особым жанром становятся научно-технические утопии, помещенные в советскую реальность того времени (приме-

---

¹ На вечере, посвященном 60-летию общества «Знание», председатель Совета Федерации С. Миронов, который десять лет был лектором общества, сказал: «Мне нравилась эта работа, и я уверен, что сегодня просветительская работа еще более необходима. Надо остановить поток мракобесия, безграмотности, антипатриотизма и аморальности, насильно внедряемый телевидением в головы наших граждан». Как печально слышать от председателя верхней палаты парламента, что в стране «поток мракобесия, безграмотности, антипатриотизма и аморальности насильно внедряется телевидением». Такова законодательная власть России и ее законы.

ром может служить роман А. Платонова «Ювенильное море»).

Таким образом, в этих срезях социодинамики научного знания развитие советского «общества знания» структурно было схоже с тем, как складывалась научно-просветительская работа на Западе. В социальной организации и мировоззренческом наполнении наблюдались существенные различия, описание которых было бы полезно для сравнительной социологии знания, но представляет особую задачу.

Однако советская система *движения* знания, которая сложилась на иной, нежели на Западе и в дореволюционной России, социальной и культурной матрице, обладала особенностями. Советское общество было структурировано не так, как классовое общество Запада или сословное общество Российской империи. На целый исторический период здесь были ослаблены социальные и этнические перегородки, разделяющие каналы распространения культурных продуктов, включая знание.

Так возникла *единая* школа, так возникли еще до Октябрьской революции *фабзавкомы*, соединяющие всех работников в единый трудовой коллектив — в противовес разделяющим его *профсоюзам* западного типа. Так сложилась и новая *государственность* — Советский Союз как низовая *республика Советов*, на деле устранившая и барьеры имперского типа, и барьеры национального государства. Так было быстро, по историческим меркам, создано народное хозяйство *семейного* типа, не разделенное частной собственностью и рынками. В этой системе знание было *общенародной собственностью*, и это реально было фундаментальным фактором, определившим структуру и динамику его движения.

Именно этот фактор позволил СССР обеспечить на 30—40 лет такие темпы и качество развития его «общества знания», каких западные эксперты не могли пред-

видеть исходя из общепринятых индикаторов ресурсного потенциала. К несчастью, и советское обществоведение, которое, в общем, следовало методологическим установкам Просвещения, не смогло понять и объяснить сущности возникшей в России-Евразии общественной системы. При остром дефиците теоретического знания об этой системе в момент смены поколений (60-е годы) был утрачен источник *неявного* знания тех поколений, которые эту систему создавали, и она не пережила мировоззренческого кризиса, вызванного цивилизационными сдвигами урбанизации и научно-технической революции. Исторический анализ советского «общества знания» стал сегодня срочной задачей, поскольку из его стройматериала придется создавать новое «общество знания» России.

Упомянем некоторые важные структурные элементы социодинамики знания в СССР в 20—50-е годы. Они входят в единую систему, поэтому их перечисление не отражает какой-то иерархии.

В 1918 г. резко активизировалась работа проблемных *комиссий*. Их прототипом была созданная в 1915 г. КЕПС. Они носили межведомственный и вертикально интегрированный характер и ставили проблему так, что она становилась предметом *национальной повестки дня* — через разные каналы она доводилась до разных сегментов общества и государства, обретая мессианский характер. Такими комиссиями стали новые отделы КЕПС, занятые в 1918—1919 гг. созданием сети научно-исследовательских институтов. С ноября 1918 г. работала Комиссия по исследованию Курской магнитной аномалии, другая комиссия разрабатывала план ГОЭЛРО, с середины 20-х годов стала работать Комиссия по освоению Северного полюса.

Как правило, организатором научной части больших проблемных комиссий выступала Академия наук СССР. Эти комиссии были мобильными органами программно-

целевого управления, и через них малочисленные еще ученые включались в обсуждение и принятие решений по всем вопросам жизни и развития страны, устанавливали личные контакты с руководителями всех сфер и уровней, с представителями всех социальных групп и народов. С первых лет советского периода фигура ученого как носителя особого типа знания, языка и образа мысли присутствовала во всех важных делах страны.

Эта форма движения знания интенсивно использовалась и в годы войны. Совместно с военными организациями в АН СССР были созданы проблемные оборонные комиссии, например Комиссия по научно-техническим военно-морским вопросам (председатель вице-президент АН СССР А.Ф. Иоффе, ученый секретарь И.В. Курчатов), Военно-санитарная комиссия (председатель — вице-президент АН СССР Л.А. Орбели), Комиссия по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны (председатель — президент АН СССР В.Л. Комаров).

В социодинамике знания в советском обществе были связаны в сеть вертикальные и горизонтальные каналы информации и авторитета. Когда надо было создать благоприятный социально-психологический климат для поддержки крупной научно-технической программы, то подключались ресурсы как государственной системы управления (советских, ведомственных и партийных структур), так и пересекающих эти линии по горизонтали общественных организаций — комсомола, профсоюзов, обществ. В ряде случаев такие кампании приобретали общенациональный характер и носили форму квазирелигиозного действия (Бердяев писал об эсхатологической компоненте в представлении науки и техники в СССР).

В мировой истории большое внимание уделено осуществленной в СССР форсированной программе создания мощного авиастроения и авиации. Здесь отметим,

что для ее успеха требовались предварительная программа *распространения знаний* об авиации и создание обстановки всенародной любви к авиации и авиаторам. Эта программа была типичной и может служить моделью.

Решение о развитии авиации было принято сразу после Гражданской войны, которая позволила оценить значение этой техники как для обороны, так и в мирных целях. В 1923 г. было учреждено Общество друзей воздушного флота (ОДВФ) и акционерное общество Добролет (для развития гражданской авиации). ОДВФ стало первой общественной организацией в СССР (не считая политических и профессиональных). Председателем его был председатель Совнаркома Рыков, его заместителем — главнокомандующий вооруженными силами С.С. Каменев. В 1924 г. состоялась торжественная передача XIII съезду партии эскадрильи «Ленин» из 19 самолетов, построенных на средства общества. Это была большая демонстрация (на аэродроме собралось 20 тыс. человек и на Ходынском поле вблизи него 100 тысяч).

На ОДВФ была возложена агитация и пропаганда авиации, помощь в подготовке кадров, развитие планеризма и авиамodelьного спорта, сбор средств на развитие авиации, содействие промышленности и научным исследованиям. В 1923 г. был проведен всенародный сбор средств на строительство самолетов, стал издаваться журнал «Самолет», тема авиации заняла заметное место в поэзии, кино, театре. Через год в обществе был миллион членов, повсеместно были организованы «авиауголки» с библиотечкой книг об авиации, с моделями и деталями самолетов, плакатами, чтением лекций и показом фильмов. Самым популярным мероприятием были агитполеты, во время которых граждане могли бесплатно полетать на самолетах. В городах ожидали прилета самолетов многотысячные толпы, в Сибири

крестьяне съезжались на такие встречи за сотни километров.

Маршруты таких полетов составляли иногда тысячи километров, самолет подлетал к деревне, разбрасывал листовки с агитацией за авиацию, затем садился. Около него собирался митинг, летчики показывали самолет, а затем поднимали в воздух желающих («воздушные крестины»). Во многих деревнях России крестьяне увидели самолет раньше, чем паровоз или пароход.

За короткое время в СССР возникла *мифология авиации*. Ей придавались магические черты как символического посредника между трудящимися всего мира. Летчиков называли «воздушными рыцарями», авиации приписывался огромный духовный потенциал как средству преодоления барьеров между людьми. Один из первых советских летчиков И.А. Валентей писал в книге «Стальные птицы»: «Можно предполагать, что авиация в будущем произведет огромное влияние на духовный склад человечества и целый переворот в социальной жизни... Завоевание воздуха открывает нам новую эпоху в истории культуры. И, что самое важное, оно скорее всего укрепит в сознании человека значение понятий *человек и человечность*». В то же время авиация была представлена как символ знания, науки (1 мая 1923 г. на площади был установлен самолет и поднят лозунг «На крыльях науки к коммунизму!») [33].

Кампания поддержки авиации периодически активизировалась, когда накладывалась на другие национальные кампании. Так, на авиацию возлагалась важная роль в освоении Крайнего Севера. Было создано Главное управление Северного морского пути (руководитель академик О.Ю. Шмидт) и при нем Управление полярной авиации. В 1925 г. советский летчик М.С. Бабушкин первым в мире освоил посадку самолета на дрейфующую льдину. Идея создать на Северном полюсе дрейфующую научную станцию с техникой для годовой автоном-

ной работы была по тем временам фантастической. Для ее обеспечения требовалось поднять авиастроение на новый уровень надежности, и эта программа вызвала всеобщее внимание. В 1934 г. прошло успешное 500-часовое испытание первого в СССР мощного авиадвигателя, и это было большим событием для мирового авиастроения (считалось, что СССР, наращивая авиастроение, будет покупать моторы западных фирм). Новый мотор был исключительно надежным и обеспечил потребности полярной авиации и дальних перелетов [84].

Сейчас, на антисоветской волне, ту кампанию представляют проявлением якобы скрытых в большевизме языческих культов, склонностью массового сознания к мифологизации, поминают Бердяева, упрекавшего русский народ за то, что после революции он «поверил во всемогущество машины и по старому инстинкту стал относиться к машине, как к тотему». Это наивные упреки. Кампания была проведена эффективно и обращалась к высоким чувствам людей и к идеалу *общего дела* (в этом — отличие от мотивации, которую активизирует рыночная реклама техники). Во многом благодаря этой кампании подавляющее большинство населения СССР благожелательно восприняло самолет и поддержало большую научно-техническую программу, а достаточное число энергичных молодых людей пошли учиться в авиационные институты и летные школы.

Надо добавить, что начиная с 50-х годов высшее образование в СССР незаметно сдвигалось к — *евроцентризму*, сознанием научно-технической и партийной интеллигенции овладевал «технологический миф» Запада. Кампания по «борьбе с низкопоклонством» конца 40-х годов этого сдвига не остановила, а лишь «загнала его вглубь». Тем более этого сдвига не останавливали ура-патриотические заявления об успехах отечественной науки, сделанные в дурном вкусе и, как сейчас кажется, не всегда искренне.

На «бытовом уровне» этот сдвиг проявлялся в том, что многие студенты и молодые научные работники легко принимали на веру чисто пропагандистские утверждения о низком уровне советской науки, о «вторичности» ее признанных достижений, охотно верили в решающую роль добытых разведкой «западных» данных в этих достижениях и т.п. На уровне обобщения — евроцентризм в рефлексии научного сообщества на историю отечественной науки, особенно раннего советского периода, проявился в удивительно слабом знании фактов этой истории, а также в еще более удивительном недоверии к новым достижениям своих коллег, которое рассеивалось только после признания на Западе.

В 1947 г., в ходе «борьбы с низкопоклонством», с докладом выступил президент АН СССР С.И. Вавилов. Помимо соответствующих моменту политкорректных суждений он высказал ряд важных и горьких мыслей, важных и для нашей нынешней темы. Он вкратце отметил, что низкопоклонство перед заграничной наукой с ранних пор затрудняло развитие русской науки и отняло много сил у ее великих представителей, но основное внимание посвятил актуальному моменту.

В частности, Вавилов сказал: «У нас еще не изжит отвратительный обычай признавать научную работу в полной мере только после ее апробации за границей. По этому поводу можно было бы привести бесконечную череду различных случаев. Я ограничусь очень немногими. Замечательные исследования по нелинейным колебаниям академиков Мандельштама, Папалекси, Крылова, Андропова и их учеников получили широкое признание у нас только после благожелательной оценки за границей в годы войны. Между тем дело шло об одном из самых важных научно-технических советских достижений. Весьма интересное новое оптическое явление, открытое молодым советским физиком П.А. Черенковым и состоящее в том, что при движении электронов

со сверхсветовой скоростью в вещественной среде образуется видимый свет, получило действительное признание только после того, как опыты Черенкова были повторены в Соединенных Штатах. У нас же на эти опыты косились в течение ряда лет, не верили им, насмехались над ними» [21].

Явление, о котором говорил Вавилов, не то что было «еще не изжито», а именно *нарастал*, хотя и принимало более «цивилизованные» формы. Это было признаком зарождения глубокого культурного кризиса, который в среде научно-технической и особенно гуманитарной интеллигенции проявился раньше, чем в других сферах деятельности и достиг своей зрелости в конце 80-х годов XX века. Сейчас российское «общество знания», видимо, переживает кульминационный момент этого кризиса, вплоть до тенденции к отказу от той цивилизационной матрицы, на которой оно складывалось в XVIII — XIX веках и достигло расцвета в XX веке.

Экспедиции

Очень важным элементом советского «общества знания» были *экспедиции*. К началу XX века Россия оставалась огромной страной, недостаточно изученной в географическом, геологическом и этнографическом плане. Идея большой комплексной программы по изучению России вынашивалась в Академии наук и была одним из мотивов для создания КЕПС. Разработка и реализация этой программы началась в первые же месяцы после установления советской власти. Особенностью этой стратегической программы было то, что назначение экспедиций далеко выходило за рамки получения конкретного знания о какой-то территории. Система экспедиций должна была на довольно значительное время накрыть всю территорию СССР мобильной сетью ячеек научной системы, обеспечить *присутствие науки* во

всех узловых точках страны, обладающей огромным разнообразием природных, хозяйственных и этнических условий.

До 1917 г. почти все научные учреждения России и 3/4 научных работников находились в Москве и Петрограде. Быстро изменить это положение не было возможности. Следовательно, ученые должны были двинуться в экспедиционном порядке на Урал, в Сибирь и на Дальний Восток, в Среднюю Азию и Закавказье, постепенно превращая экспедиции в стационарные научные базы, затем в *филиалы* центральных научных учреждений, затем в самостоятельные местные научные институты и центры.

В условиях быстрого преобразования в стране хозяйственных укладов, культуры и образования, государственной системы и права, типа межнационального общежития каждая экспедиция, прибывающая из Центра, становилась и важнейшим источником информации и даже в некотором смысле носителем образа *будущего*. Роль экспедиций в социодинамике знания в первые десятилетия советского периода была исключительно велика. В свою очередь участники экспедиций получали во время работы не только сведения, предписанные профессиональными заданиями, но и важное эмпирическое знание о разных сторонах местной общественной жизни. Возвращаясь в столицы и участвуя в работе обычно нескольких комиссий, научные работники становились важным источником знания для государственного управления.

В 1924 г. Академия наук организовала 46 экспедиций по всей стране и создала Комиссию по исследованию Якутской АССР. В 1926 г. было создано новое учреждение АН СССР — Особый комитет по исследованию союзных и автономных республик (ОКИСАР), который возглавил экспедиционную работу в национальных районах СССР. Экспедиционная работа резко расшири-

лась (в 1927 г. действовало 65 экспедиций, в 1928 г. — 91). В сфере деятельности экспедиций к концу 20-х годов оказались почти все важнейшие регионы страны. Председатель ОКИСАР Ферсман писал: «Задачей экспедиций является, прежде всего, будить мысль и создавать культурные силы и культурные центры на местах».

Здесь надо сказать, что работа всех звеньев «общества знания» в послереволюционный период в стране, нуждающейся в передышке и в то же время в форсированной модернизации, была сопряжена с чрезвычайными трудностями и даже опасностями. Гражданская война нанесла народу тяжелую культурную травму и создала множество расколов. Они посеяли недоверие и усугубили и без того острейший дефицит образованных кадров, государственный аппарат был в стадии становления и не мог контролировать многих стихийных процессов. В то же время революция означала глубокую демократизацию масс, активизировала их и демонтировала множество авторитетов.

Это необходимое для развития «общества знания» состояние общества имело и обратную сторону. Гёте сказал: «Нет ничего страшнее деятельного невежества». Но во всех революциях невежество также освобождается от оков (прежде всего от «оков просвещения»). М.М. Пришвин, работая в деревне, записал в дневнике 2 июля 1918 г. (вероятно, неточно повторив фразу Гёте): «Есть у меня состояние подавленности оттого, что невежество народных масс стало действенным».

В этих условиях работа «в поле» была сопряжена для специалистов с разнообразными коллизиями социально-психологического порядка, которые к тому же нередко осложнялись «дейтельным невежеством» партийных или административных работников. В целом советское «общество знания» с честью преодолело эти трудности, ученые, специалисты и члены экспедиций заслужили уважение, авторитет, а часто и глубокую

признательность среди местного населения. Однако нередко были и драматические столкновения.

Очень поучительна книга воспоминаний адвоката Б.Г. Меньшагина из Смоленска — о том, как происходили в 1937 г. процессы против «врагов народа» в их области. Он просто рассказывает, без прикрас, случаи из своей практики, когда его назначали адвокатом на такие процессы. Вот, обвиняются во вредительстве 8 человек — руководители областного управления животноводства, ветеринары, секретарь райкома ВКП(б). Трое признали себя виновными, другие нет. Один из них, научный сотрудник московского ВНИИ экспериментальной ветеринарии, был командирован в Смоленскую область на диагностику бруцеллеза. У недавно заболевших животных нет никаких внешних симптомов, диагноз ставится на основании иммунной реакции — при инъекции антисыворотки образуется нарыв, как при прививке оспы.

И вот этого сотрудника, а за ним и остальных, обвинили в заражении скота. Свидетелями на суде были доярки — на их глазах «вредители» губили лучших коров — сами же их заражали, а потом отправляли на живодерню. Одна доярка говорила на суде: «Такая хорошая коровка! Он как кольнет ее, она на другой день и заболела! Нарыв большой». Другие доярки давали показания в том же роде: «Такая хорошая коровка, так жалко ее. Как кольнул ее, так и погубил. Коровку задрали».

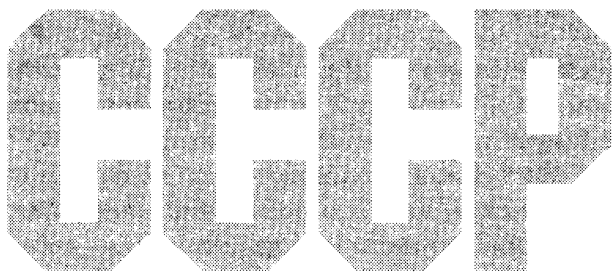
Во всех колхозах и совхозах района прошли общие собрания, суду был представлен целый том их постановлений. Все они звучали примерно одинаково: «Просить пролетарский суд уничтожить гадов!» Всех восьмерых суд приговорил к расстрелу. При этом крестьяне были искренни, а судьи и прокурор боялись пойти наперекор ясно выраженной «воле народа», которая «стала действительной». В данном случае жены осужденных собрали

деньги и послали адвоката в Москву, где он попал на прием к помощнику Вышинского. Тот сразу разобрался в деле и оформил помилование, но так получалось далеко не всегда.

Однако уже с лета 1917 года в России, особенно в провинции, стало нарастать ощущение, что из всех политических сил именно большевики и Советы обладают способностью обуздать «деятельное невежество». Будучи теснее связаны с народными массами, они не нуждались в том, чтобы заискивать перед ними. М.М. Пришвин, работавший в деревенской школе, писал в дневнике 12 декабря 1918 г.: «Самое тяжкое в деревне для интеллигентного человека, что каким бы ни был он врагом большевиков — все-таки они ему в деревне самые близкие люди. В четверг задумал устроить беседу и пустил всех: ничего не вышло, втяпились мальчишки-хулиганы... Мальчишки разворовали литературу, украли заметки из книжек школы, а когда я выгнал их, то обломками шкафа забаррикадировали снаружи дверь и с криками «Гарнизуйтесь, гарнизуйтесь!» пошли по улице. Вся беда произошла, потому что товарищи коммунисты не пришли, при них бы мальчишки не пикнули».

Глава 6

НАУКА КАК ГЕНЕРАТОР ФОРМ ЖИЗНЕУСТРОЙСТВА

Уже в ходе формирования современного «общества знания» и на Западе, и в России, выявилась его *системообразующая* миссия как генератора базовых структур жизнеустройства. Эта миссия была присуща знанию на всех этапах развития человеческого общества, но с возникновением науки она приобрела организованный целенаправленный характер и стала включать в себя *социальную инженерию* и разработку *технологий*, основанных на научном анализе и предвидении.

XIX век стал веком интенсивного *проектирования* форм. Научная, буржуазные и промышленная революции были всплеском изобретения, конструирования и быстрого строительства структур общественного бытия — политических и хозяйственных, образовательных и культурных, военных и информационных. Объектами конструирования были и разные типы *человеческих общностей* — классы и политические нации, структуры гражданского общества (ассоциации, партии и профсоюзы), политическое подполье и преступный мир нового типа. Важные проекты новых форм делались в виде утопий (например, утопический социализм),

футурологических предсказаний или фантастики, более или менее основанной на рациональном знании.

В России проектирование новых форм в XIX веке велось как в рамках консервативной доктрины самим правительством, так и относительно радикальными культурными и социальными движениями — либералами и революционными демократами, анархистами и народниками. В начале XX века большие проекты новых форм жизнеустройства выдвинули консервативные реформаторы (Столыпин), либералы (кадеты) и большевики. В разработку этих проектов были вовлечены *все типы знания*.

После революции 1905—1907 гг. по степени привлечения *научного* знания стал выделяться проект большевиков. В нем шло быстрое развитие интеллектуального аппарата марксизма, основанного на картине мира классической науки, что привело к преодолению механистического детерминизма, свойственного историческому материализму. Ленин и близкие к нему интеллектуалы в большей степени, чем другие политические течения, сумели интегрировать в одну доктрину методологию марксизма, традиционное знание (общинный крестьянский коммунизм) и связанное с ним «народное» православие, разработки анархизма (концепцию М. Бакунина о союзе рабочего класса и крестьянства) и концепцию «некапиталистического пути развития» народников.

В среде большевиков были развиты системные идеи (А.А. Богданов стал творцом первой теории систем — *тектологии*). В целом, в программе большевиков к 1917 г. присутствовало видение России как большой динамической системы в переходном состоянии и уделялось большое внимание структурному анализу общественных процессов. Это придало новому, Советскому государству необычно высокую динамичность и адап-

тивность. Наблюдался всплеск творчества новых *форм* общественного действия.

А. Деникин писал, что ни одно из антибольшевистских правительств «не сумело создать гибкий и сильный аппарат, могущий стремительно и быстро наступать, принуждать, действовать. Большевики бесконечно опережали нас в темпе своих действий, в энергии, подвижности и способности принуждать. Мы с нашими старыми приемами, старой психологией, старыми пороками военной и гражданской бюрократии, с петровской табелью о рангах не поспевали за ними...» [89].

Эти качества были присущи советской государственности как явлению цивилизационному, а не классовому, чем и был предопределен исход Гражданской войны. Советская власть была принята *нацией*, пусть еще не вполне оформленной. Сводя дело к классовому конфликту, антисоветские идеологи лишают нынешнее общество очень важного знания. Р. Пайпс пишет, что после разгона Учредительного собрания большевиками «массы почуяли, что после целого года хаоса они получили, наконец, «настоящую» власть. И это утверждение справедливо не только в отношении рабочих и крестьянства, но парадоксальным образом и в отношении состоятельных и консервативных слоев общества — пресловутых «гиен капитала» и «врагов народа», презиравших и социалистическую интеллигенцию, и уличную толпу даже гораздо больше, чем большевиков» [93].

Советская власть успешно выполнила едва ли не главную задачу государства — задачу *целеполагания*, собирания общества на основе понятной цели и консолидирующего проекта. Г. Уэллс, назвав Ленина кремлевским мечтателем, в то же время признал, что его партия «была единственной организацией, которая давала людям единую установку, единый план действий, чувство взаимного доверия... Это было единственно воз-

можное в России идейно сплоченное правительство» [122].

Однако эта нацеленность на системное представление реальности и *проектирование форм* была свойством, присущим тогдашней российской общественной мысли в целом. Получив организационную базу для реализации этого свойства, советская власть смогла опереться даже на *идеологически чуждые* ей силы. Уже в дореволюционное время в Академии наук стала складываться установка на выполнение российской наукой функции проектирования структур. Этот мотив был силен в деятельности Ломоносова, он стал преобладающим у позднего Менделеева, а затем определял главное направление КЕПС.

После 1917 года эта установка сразу была реализована в деле формообразования самой российской науки (прежде всего в создании нескольких десятков системообразующих научно-исследовательских институтов в 1918—1919 гг.). Параллельно были начаты работы по обустройству той «площадки», на которой велась индустриализация 30-х годов, а затем создание всего народного хозяйства, которое унаследовали РФ и постсоветские республики от СССР (включая нефтегазовые месторождения, энергетическую систему и культурную базу).

Эти работы уже в 20-е годы приобрели комплексный характер — как «по горизонтали» (междисциплинарные программы), так и «по вертикали» (соединение методологических, фундаментальных и прикладных исследовательских и опытно-конструкторских, производственно-практических задач). Самой своей структурой эти программы ранней советской науки создавали *матрицу*, на которой собиралась структура будущего жизнеустройства.

Надо подчеркнуть, что столь высокий уровень инте-

грации научных ресурсов при относительно небольших затратах финансовых и организационных ресурсов достигался благодаря тому, что научная информация в советской системе находилась в общенародной собственности. Для ее концентрации и использования имелись, конечно, административные и культурные барьеры, но они были несравненно слабее, чем те, которые создавались частной собственностью. Академик А.П. Александров писал об организации «атомной программы» в конце 40-х годов: «Кроме специально созданных крупных научных учреждений в Москве, Харькове и других местах, отдельные участки работ поручались практически всем физическим, физико-химическим, химическим институтам, многочисленным институтам промышленности. К работам широко была привлечена промышленность: машиностроение, химическая, цветная и черная металлургия и другие отрасли» (цит. в [8, с. 69])¹.

Функция проектирования структур видна и в научной разработке таких политических программ, как ГОЭЛРО или НЭП, в создании метрологической службы СССР или разработке концепции советского высшего образования. Хотя все эти программы выполнялись, в их научной части, по планам и под руководством старых российских ученых (в основном бывших народников и либералов, монархистов и меньшевиков), их координация и степень взаимопонимания с политической

---

¹ Эта сторона советской науки внимательно изучалась за рубежом. В 70-е годы в США самой эффективной по затратам первоклассной программой считалось создание ракеты «Поларис», которая была организована по «советскому» образцу — нужные для работы ученые и конструкторы были собраны во временный коллектив из разных университетов и корпораций. Однако повторить этот опыт оказалось невозможным — корпорации сочли, что участие их персонала в таких совместных работах нарушает права интеллектуальной собственности и наносит ущерб их интересам.

властью были на таком уровне, какого, видимо, уже не удавалось достичь в послевоенный период.

Наука сыграла решающую роль в создании социальных форм, необходимых для выполнения важнейших функций государства, которые в то же время должны быть поняты и поддержаны общественными институтами. Для примера приведем функцию *стандартизации*.

Введение стандартов на производство однородных изделий таким образом, чтобы они были одинаковы по размерам и качествам и могли быть взаимозаменяемы, было нововведением, означавшим возникновение *цивилизации*. Стандартизация скачкообразно увеличила производительность труда и качество изделий. В Древнем Египте были введены стандартные размеры кирпича, специальные чиновники контролировали их соблюдение. В Древнем Риме в строительстве применялись не только стандартные кирпичи, но и трубы водопроводов постоянных размеров. Из стандартных каменных блоков строились дороги — стандартной ширины. Ясно, что стандартизация неразрывно связана с *метрологией* — наукой и практикой измерений.

В Средние века в ремесленном производстве применялись единые размеры ширины ткани, число нитей в ее основе. На пороге Нового времени введение стандартов позволило производить точный винт и точные шестерни, из чего возник прецизионный станок промышленного типа. Это был, как говорят, эпохальный прыжок «из царства приблизительности в мир прецизионности» — Научная революция переросла в Промышленную.

Для хозяйства было важно, чтобы единство мер и стандартов было распространено как можно шире, за племенные, региональные и национальные границы. Это единство расширяло рынок и собирало местные культуры в цивилизацию, народы в нацию, княжества и

королевства в национальное государство или империю. Для государства владеть мерой значило обладать большой силой. В Древней Руси, пока не сложилось централизованного государства, объединяющим авторитетом обладала Церковь, и надзор за мерами и весами был возложен на духовенство¹. Прототипы современных стандартов появились во времена Петра I.

Во второй половине XIX века стандартизация стала обязательной службой на промышленных предприятиях почти всего мира. Само отличие фабрики от мануфактуры заключалось прежде всего в стандартизации и единообразии производимых на каждом участке изделий, что и позволило применить в производстве *разделение труда*. Достижения стандартизации, сделанные в одной стране, быстро перенимались в промышленности других стран (так, в 1869 г. в Германии были разработаны и изданы стандарты профилей железного проката, в 1891 г. в Англии — стандарты резьбы и т.д.). Начали появляться международные стандарты. После Первой мировой войны, которая показала необходимость стандартизации для массового производства оружия и боеприпасов, в промышленно развитых странах возникли национальные организации по стандартизации.

---

¹ В 1135 г. в Новгороде специальной грамотой забота о мерах и весах поручалась церкви Святой Софии и епископу церкви Святого Иоанна со ссылкой на грамоту царьградского патриарха Фотия, в которой утверждалось, что «искони от бога» было установлено «торговые весы, мерила и чаши от весов блюсти епископу без пакости». Начало государственной стандартизации в России датируется 1555 г., когда указом Ивана Грозного были установлены постоянные размеры пушечных ядер и введены калибры для проверки этих размеров. В 1761 г. в секретной инструкции Тульскому оружейному заводу было предписано, чтобы «на каждую оружейную вещь порознь мастерам иметь меры или лекала с заводским клеймом или печатью оружейной канцелярии, по которым каждый с пропорцией каждую вещь проверить мог» [113].

В России было учреждено Депо образцовых мер и весов, в 1893 г. преобразованное в Главную палату мер и весов. Директором его был Д.И. Менделеев. Однако создать единую государственную систему метрологии и стандартизации в царской России не удалось, применялись три системы мер: старая русская, британская (дюймовая) и метрическая. Введение единой метрической системы мер началось сразу после установления советской власти.

В первую очередь упорядочивались системы мер и стандартов. Это решение было одним из важнейших для хозяйства декретов советской власти. Шаг был настолько назревшим, что вся Главная палата мер и весов во главе с директором с первых же дней стала активно сотрудничать с советской властью и готовить реформу. История этой реформы — одна из интереснейших глав в истории становления российского «общества знания» XX века. Это был настоящий подвиг и ученых, и советского аппарата, и огромного числа пропагандистов. Даже во время Гражданской войны для отливки метрических гирь был выделен драгоценный чугун, и торговцы в короткие сроки были снабжены этими гирями. Первая глава книги о ГОЭЛРО, которую написал Скворцов-Степанов, была посвящена объяснению смысла и значения реформы мер и весов, а предисловие к книге написал Ленин.

В России сложилось крупное сообщество специалистов по метрологии, и без их подвижнического труда в 20-е годы не могла бы быть проведена форсированная индустриализация 30-х годов. В 1924 г. при ВСНХ было организовано Бюро промышленной стандартизации (с 1925 г. Комитет по стандартизации), при котором работало 120 рабочих комиссий, готовящих промышленные стандарты. В этой работе участвовали такие известные ученые, как А.Н. Бах, И.М. Губкин, Г.М. Кржи-

жановский, Д.М. Прянишников и др. К 1928 г. было утверждено свыше 300 общесоюзных стандартов, получивших силу государственного закона¹. К 1932 г. Комитет утвердил 4114 общесоюзных стандартов. С 1940 г. общесоюзные стандарты стали называться *государственными* и обозначаться индексом ГОСТ. За годы войны было утверждено более двух тысяч новых стандартов.

В СССР сложилась мощная, эффективная и всеобъемлющая служба стандартизации и метрологии, которая обеспечила очень высокую степень единообразия и точности производства изделий на всех предприятиях по всей территории страны. Уже этим вся промышленность была связана в одно большое предприятие с высокой степенью разделения труда и взаимозаменяемости деталей. Это, в частности, позволило создать необычный тип ВПК, в котором детали, производимые в гражданском машиностроении, могли непосредственно использоваться при сборке самолетов и танков. С другой стороны, Госстандарт, непрерывно изучая множество параметров практически всей производимой в стране продукции, обеспечивал государственную власть ценнейшей достоверной информацией.

Во Всесоюзном НИИ по нормализации в машиностроении при Госстандарте велась разработка научно-теоретических основ стандартизации и нормализации. Создание тысяч межотраслевых нормалей заложило основы для быстрого прогресса в технологии машиностроения. Вся эта отлаженная за полвека система стандартизации была необходимым условием для рывка в высокотехнологичных отраслях — авиакосмической, судостроении, атомном машиностроении.

Этот процесс был сорван в 1991 г. Но затем были сде-

---

¹ В 1929 г. была введена уголовная ответственность за несоблюдение обязательных стандартов.

ланы шаги, которых даже в 1992—1993 гг. никто не мог ожидать. Правительство России начало демонтаж всей этой системы¹. Решение об отмене в России государственной стандартизации было принято без всякого диалога с инженерным и научным сообществом, почти тайно. В конце 90-х годов, когда об этом стали говорить, мало кто верил, что это всерьез.

Казалось очевидным, что создание сложных технических устройств (например, самолета) без стандартов, как универсального языка общения между тысячами специалистов, невозможно. Стандартизация — важная специальная отрасль техники, свод незыблемых технологических правил, без которых современное производство просто не может существовать. Каждый стандарт типа ГОСТа — огромный труд коллектива квалифицированных специалистов и инженеров многих предприятий. А таких ГОСТов в советской системе тысячи. Как могла подняться рука на то, чтобы разрушить национальное достояние такого масштаба?

Из системы знания власти выпал один из важных блоков, совершенно необходимый для восстановления и модернизации хозяйства России.

Как ни парадоксально, советское обществоведение не донесло до нынешних поколений знания о больших довоенных программах как программах создания новых

---

¹ С 1 июля 2003 г. вступил в силу Федеральный закон «О техническом регулировании», согласно которому начиная с 2010 г. ГОСТы перестают быть обязательными для исполнения. Госстандарт ликвидирован с массовым сокращением сотрудников. Учреждено Российское агентство по техническому регулированию и метрологии, несравненно более слабое по своим возможностям. Кроме того, закон отменил всю систему отраслевых стандартов (ОСТов). Система государственных стандартов заменяется Техническими регламентами (ТР). Они разрабатываются фирмами для каждого вида продукции и утверждаются Государственной думой. Из тысяч необходимых регламентов в 2006 г. был разработан только один — по автомобильной промышленности.

форм жизнеустройства. Например, НЭП означал вовсе не только «замену продразверстки продналогом» (хотя и это преобразование требовало создания принципиально новых форм). Для осуществления НЭПа требовались: обобщение научных концепций модернизации, большие медицинские профилактические программы на обширных территориях, глубокие изменения в системе права и кодификация большого числа законов, создание совершенно новой пенитенциарной системы, «конструирование» комсомола как необычной политической организации «для крестьян», большая философская дискуссия в сфере культуры (преодоление «пролеткульта»)¹.

Надо упомянуть и роль ученых в изучении проблемы алкоголизма, и программу по его преодолению, которая была частью НЭПа. Именно в начале XX века была заложена тяжелая традиция семейного пьянства, которая обладала большой инерцией и которую с огромным трудом изживали в 20—30-е годы. В 1907 г. 43,7% учащихся школ в России регулярно потребляли спиртные напитки.

---

¹ Каждая из этих программ означала проектирование совершенно новых структур и была крупной социально-инженерной разработкой, к которой привлекались все готовые к сотрудничеству научные силы страны. Объем работы, который выполняли тогда российские ученые, по нынешним меркам кажется совершенно невероятным. Проектирование новой пенитенциарной системы — один из множества примеров. Общее число лиц во всех местах заключения в СССР составило на 1 января 1925 г. 144 тыс. человек, на 1 января 1926 г. 149 тыс. и на 1 января 1927 г. 185 тыс. человек. (Для сравнения: в 1905 г. в тюрьмах России находилось 719 тыс. заключенных, а в 1906 г. 980 тыс.). До срока в середине 20-х годов условно освобождались около 70% заключенных. По опубликованным за рубежом данным, предоставленным антисоветской эмиграцией, в 1924 г. в СССР было около 1500 политических правонарушителей, из которых 500 находились в заключении, а остальные были лишены права проживать в Москве и Ленинграде. Для молодых правонарушителей были учреждены места заключения нового типа — «рабочие коммуны», — которые действовали по принципу «открытой тюрьмы».

ки. Из пьющих мальчиков 68,3% распивали спиртное с родителями (отцом, матерью или обоими родителями)¹. С 1900 по 1910 г., как показали повторные обследования, доля числа школьников, которые потребляли спиртное, сильно увеличилась. В Петербурге доля школьников, которые употребляли водку и коньяк, за это время возросла с 22,7% до 41,5%. В 1911 г. в городе было 35,1 смертных случаев в расчете на 100 тыс. жителей на почве алкогольного отравления (в 1923 г. таких случаев было только 1,7) [133].

Во время Первой мировой войны государственное производство пищевого спирта прекратилось, борьба с самогонварением в деревне была неэффективна. Самогон стал суррогатом денег, им расплачивались по установленной таксе за работы, транспорт. Резко расширились масштабы обрядового пьянства (на свадьбах, похоронах, религиозных праздниках и т.д.). Введение в 1925 г. государственной монополии на производство водки было трудной акцией. Она сопровождалась планомерной антиалкогольной работой, с осени 1926 г. в школах были введены обязательные занятия по антиалкогольному просвещению. Активное участие в этой кампании приняли видные ученые, в 1927 г. вышла книга В.М. Бехтерева «Алкоголизм и борьба с ним». Был достигнут важный перелом — алкоголизм в России «постарел», он перестал быть социальной болезнью *молодежи*².

Указанная функция проектирования и изучения новых форм жизнеустройства присутствует во всех научных программах 20—30-х годов. Она хорошо видна, например, в структуре задач, географическом распреде-

---

¹ В 1926 г. обследование 22 617 деревенских детей показало, что в возрасте семи-восьми лет потребляли спиртное 61,2% мальчиков и 40,9% девочек.

² В 1907 г. 75,9% больных алкоголизмом в России имели возраст менее 30 лет, а 20,3% были моложе 20 лет.

лении и составе участников *экспедиций*. Руководитель экспедиционных работ АН СССР Ферсман говорил в своем докладе: «На нас, работников науки, лежит великая обязанность творить эти формы так, как мы творим и самую науку».

***«Сборка» нации и системы межэтнического
общества***

Примером может служить работа экспедиций, сыгравших важную роль в выработке форм жизнеустройства Таджикистана и даже той матрицы, на которой шло нациестроительство, «собрание» таджикского народа. В этой работе многое было сделано уже дореволюционными русскими учеными и путешественниками, которые исследовали Памир. Но сразу после установления в крае советской власти эти исследования стали складываться в большую интегрированную программу, включающую в себя проектирование и строительство Таджикистана. Ученые из Москвы, Ленинграда и Ташкента начали широкие геологические, ботанические и гляциологические исследования территории. Сразу после образования Таджикской АССР (1924 г.) ученые всех профилей были объединены в одну группу и учреждено Общество изучения Таджикистана. В 1925 г. вышел первый сборник научных трудов по Таджикистану, включавший работы по истории и этнографии таджиков, флоре и фауне края, природных условиях и хозяйству республики. Глава «Таджики» была написана академиком В.В. Бартольдом и была первым научным текстом об истории народа, который находился на этапе его формирования и обретения национального сознания. Этот текст, изложивший этническую историю края со времен Александра Македонского, задал и структуру

того исторического мифа, который необходим для собирания народа¹.

Для изучения хозяйственных ресурсов в конце 20-х и начале 30-х годов АН СССР направляла в Таджикистан ряд крупных экспедиций. Эта работа была расширена после преобразования республики из автономной в союзную (1929 г.). В 1930 г. была учреждена Академическая комиссия по научному обследованию Таджикской ССР, а в 1932 г. начата Таджикско-Памирская комплексная экспедиция, которая стала одной из крупнейших в Советском Союзе (в 1932 г. она включала 72 отряда из 144, работавших в тот год в составах экспедиций АН СССР). Ее организаторами и участниками было большое число ведущих научных учреждений страны. Материалы экспедиции стали основой для плана развития Таджикистана на вторую пятилетку. Благодаря усилиям этой экспедиции в 1932 г. была создана Таджикская база АН СССР во главе с востоковедом С.Ф. Ольденбургом, в ее состав вошли виднейшие ученые АН СССР. После этого началось создание отраслевых НИИ и зональных научных станций, а в 1940 г. был открыт Таджикский филиал АН СССР.

К концу XX века в сознании советской интеллигенции была сильно ослаблена историческая память, что было одним из проявлений кризиса отечественного «общества знания». Образованные люди потеряли интерес к большим комплексным программам, которые осуществило «общество знания» их народа всего полвека назад. Они не могли оценить масштаба и сложности тех

---

¹ В 20-е годы все население Средней Азии имело еще слабое этническое самосознание и нечеткие этнонимы — самоназвания этнических групп. Государственное строительство требовало упорядочения этнических и административных границ, и здесь формообразующая роль ученых проявилась очень наглядно. Они разработали программу первых переписей, в которых вводилось понятие национальности. «Я сама “родила” множество узбеков», — говорила одна из этнографов — участников переписи 1926 г. в Самарканде.

задач, которые тогда решались очень небольшими силами. Им стало казаться, что массивные структуры современной цивилизации, в которых протекала жизнь страны в 70—80-е годы, возникли естественно, почти как явления природы. Естественными казались всеобщее среднее образование и отсутствие эпидемий, Единая энергетическая система и открытые в Сибири нефтяные и газовые месторождения, просвещенные индустриально развитые Азербайджан или Таджикистан с их национальной научной интеллигенцией. Когда в них перестали видеть продукт социального творчества, который надо непрерывно воспроизводить, «ремонттировать» и развивать, они стали деградировать, разрушаться и расхищаться.

А все эти структуры цивилизации были достроены в основном результатом исследований, анализа и проектирования силами «общества знания» 20—30-х годов и его предшественников. Это была работа подвижническая, смелая и с очень высоким уровнем творчества. Сейчас для нас главным следствием утраты этой исторической памяти стала потеря интереса к *методологии* и *организации* тех программ. Например, в результате массивных паразитологических и эпидемиологических экспедиций была выработана доктрина профилактической медицины. Созданная на ее основе советская система была признана ВОЗ лучшей в мире, она позволила с небольшими затратами резко улучшить здоровье населения. Сейчас, на выходе из затяжного кризиса, в России потребуется много подобных программ, в ходе которых и будет происходить становление отечественного «общества знания» XXI века. Опыт предыдущей волны таких программ будет очень полезен.

Возвращаясь к комплексным программам изучения и проектирования структур жизнеустройства Таджикистана, надо подчеркнуть, что в совокупности они были методологически важной для нас программой национального строительства. За 20—30-е годы XX века был создан

таджикский народ с развитыми национальным самосознанием и культурой. Хотя слово «таджик» еще в VIII в. значило «араб» (*воин халифа*), ему вплоть до 1918 г. не придавалось этнического значения. Отцы и деды нынешних таджиков о себе говорили «я мусульманин, персоязычный».

Это была большая этническая общность иранской группы, в 20-е годы в Туркестане и Бухаре она насчитывала более 1,2 миллиона человек. Но они, окруженные узбеками, оказались под сильным давлением идеологии пантюркизма, так что даже малочисленная таджикская интеллигенция принимала идею «обузбечивания» и считала бесперспективным развитие своей культуры. Проводить здесь советские установки было очень трудно — в Средней Азии были популярны идеи Ататюрка о государстве-нации «по-тюркски», и этим идеям были привержены руководители узбекских коммунистов. Укрепление советской власти послужило тому, что таджикские интеллигенты стали преодолевать и пантюркизм, и джадидизм (течение либеральных модернизаторов, идущих в русле младотурок).

В 1924 г. стал издаваться журнал «Голос таджикского бедняка», орган обкома ВКП(б) и исполкома Самарканда, потом еще два журнала. «Голос бедняка» стал создавать историографию таджиков, печатать переводы выдержек из трудов В.В. Бартольда. Статьи в журнале начинались с таких разъяснений: «Вот кто мы, вот где мы географически расположены, в каких районах проживаем, в каком районе что выращивается».

Потом стали выпускать газету на таджикском языке. О ней «Голос бедняка» писал в 1924 г.: «Газета — это язык народа, волшебный шар, в котором отражается мир, подруга в уединении, защитница угнетенных. Газета — источник бдительности, пробуждения народа. Да здравствует образование, да здравствует печать». Газета помогла становлению таджикской светской школы. Как писал в стихах Айни, «лишь отсутствие школы в ту

эпоху немного задержало полет таджика». Вот как обстояло дело со школами в Таджикистане:

ШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ЛИКБЕЗЫ
В ТАДЖИКИСТАНЕ (1921—1929)

Годы	Число школ	Преподавателей	Учеников	Число ликбезов	Число учеников
1921/22	31	61	904	-	-
1925/26	62	85	2287	63	1400
1926/27	154	184	5024	140	2100
1927/28	258	?	9070	271	7400
1928/29	307	393	12000	318	12400

В декабре 1924 г. Наркомпрос образовал свой журнал на таджикском языке и писал: «Наш журнал должен быть справочником, в любой момент полезным учителю. Поскольку школьное дело в Таджикистане еще очень молодо и таджики не вполне понимают настоящий литературный персидский язык, наш журнал должен быть несложным и доступным для простого народа. Пусть нас не будут считать людьми высокого слога, но пусть каждый учитель сможет понять нас» [41].

В 1929 г. был открыт первый таджикский драматический театр, в 1931 г. первый вуз — Педагогический университет с одним факультетом и 12 преподавателями, а затем в том же году — Университет сельского хозяйства. Таджики стали *народом*. Причем этот народ сформировался как *советский*¹. Именно в Таджикиста-

¹ Исследования некрологов по погибшим борцам Исламской партии возрождения Таджикистана в гражданской войне 1992—1994 гг. показали, что эти тексты сочетают в себе представления ислама, архаичных таджикских культов и структуры советского типа культуры — в частности, в некрологах подчеркивается принадлежность погибшего к таджикскому народу. Это не предусмотрено канонами ислама и традиционных культов. Кроме того, само понятие национальной принадлежности является в Таджикистане порождением советского периода [81].

не угроза утраты Союза и советской государственности воспринималась в массе населения особенно остро. По данным социологов, в 1992 г. «подавляющая часть опрошенных рабочих, колхозников, сельской и технической интеллигенции не разделяла идей суверенизации страны, 77% опрошенных выразили сожаление о распаде СССР, даже высказались против независимости Таджикистана... Иные настроения овладели политической и хозяйственной элитой, она решительно высказалась за независимость Таджикистана» [91].

«Сборка» таджикского народа — лишь иллюстрация той огромной программы нациестроительства, которая была выработана советским «обществом знания» в его первый период. В этой работе произошел фундаментальный сдвиг. До этого, с 60-х годов XIX века, влиятельная западническая часть образованного слоя России, находившаяся под влиянием либерализма или марксизма, имела целью *демонтаж* старой «феодальной нации», свержение монархии и расчистку пространства для выполнения капитализмом его прогрессивной миссии развития производительных сил и воспитания пролетариата.

Эту траекторию резко изменила революция 1905—1907 гг., зеркалом которой стал Лев Толстой — выразитель мировоззрения русского общинного крестьянства. Это мировоззрение было частью центральной матрицы, на которой собирался русский народ как этническая общность. Признание этого факта заставило преодолеть важнейшие догмы марксизма и начать строить новую концепцию общества, государства, революции и даже мироустройства. Складывалась новая философская основа «общества знания» как мировоззренческий синтез представлений крестьянского общинного коммунизма с просветительской идеей модернизации и развития — но по некапиталистическому пути.

Ю.В. Ключников, редактор журнала «Смена вех» (в прошлом профессор права Московского университета,

а во время Гражданской войны министр иностранных дел у Колчака), объяснял эмиграции (1921), что большевики — «и не славянофилы, и не западники, а чрезвычайно глубокий и жизнью подсказанный синтез традиций нашего славянофильства и нашего западничества» [53].

Соединение русского славянофильства и русского западничества, крестьянского коммунизма с эсхатологической идеей прогресса придало советскому проекту большую убедительную силу, которая привлекла в собираемый советский народ примерно половину старого культурного слоя (интеллигенции, чиновничества, военных и даже буржуазии). Так советский проект стал и большим проектом *нациестроительства*, национальным проектом.

Виднейший теоретик этничности (в свете примордиализма) Э. Смит в своей главной книге «Национализм в XX веке» писал, что как ни назвать результат этого синтеза — «социалистическим национализмом» или «национальным коммунизмом», — он порождает социальный энтузиазм и могучее движение. Другой английский этнолог, Х. Сетон-Уотсон, пишет о «национализации коммунизма и марксизации национализма»¹.

Этот сдвиг в «обществе знания» дался очень непросто. Преодоление центральных догм старой парадигмы углубило конфликт радикальных течений настолько, что меньшевики призывали Запад к социалистическому крестовому походу против большевиков и в значительной своей части поддержали белых. «Национализация» марксизма поразила и старых большевиков-ленинцев. Этот конфликт был разрешен и частично подавлен лишь в начале 30-х годов².

---

¹ В официальном советском общественном мнении эти наблюдения квалифицировались как вздор и клевета на коммунизм.

² Его форсированное продолжение, с эксцессами и социальными травмами, произошло в предвоенной обстановке конца 30-х годов.

Но именно этот синтез, ставший историческим достижением российского «общества знания», позволил России вырваться из экзистенциальной ловушки периферийного капитализма. Об этом кадет Н.А. Гредескул так писал, споря с авторами «Вех», которые считали русскую революцию интеллигентской: «Нет, русское освободительное движение в такой мере было «народным» и даже «всенародным», что большего в этом отношении и желать не приходится. Оно «проникло» всюду, до последней крестьянской избы, и оно «захватило» всех, решительно всех в России — все его пережили, каждый по-своему, но все с огромной силой. Оно действительно прошло «ураганом», или, если угодно, «землетрясением» через весь организм России. Наше освободительное движение есть поэтому не что иное, как колоссальная реакция всего народного организма на создавшееся для России труднейшее и опаснейшее историческое положение»(36).

Как говорилось выше, одна из важных функций «общества знания» — создание антропологического образа народа или нации. Эта работа в довоенный период была выполнена успешно и творчески. Говоря о том, что новый антропологический образ русского (советского) народа обладал в глазах Запада атрибутами гражданской нации, А.С. Панарин подчеркивает, что это новое самосознание граждан СССР создавало и сильные внутренние связи, сплачивающие их в нацию. Он пишет: «В той мере, в какой старому русскому «национал-патриотизму» удалось сублимировать свою энергетику, переведя ее на язык, легализованный на самом Западе, этот патриотизм достиг наконец-таки точки внутреннего равновесия. И западная, и славянофильская традиции по-своему, в превращенной форме, обрели эффективное самовыражение в «русском марксизме» и примирились в нем...

Советский человек, таким образом преодолевший

«цивилизационную раздвоенность» русской души (раскол славянофильства и западничества), наряду с преодолением традиционного комплекса неполноценности, обрел замечательную цельность и самоуважение. В самом деле, на языке марксизма, делающем упор не на уровне жизни и других критериях потребительского сознания, обреченного в России быть «несчастливым», а на формационных сопоставлениях, Россия впервые осознала себя как самая передовая страна и при этом — без всяких изъяснов и фобий, свойственных чисто националистическому сознанию» (94, с. 140)¹.

Здесь нет возможности систематически изложить программу «сборки» советского народа и его русского ядра, выработанную «обществом знания» 20—30-х годов. В ней было много новаторского, и сегодня поражающего своей интенсивностью. Примером служит мощная и быстрая программа подключения детей и юношества всех народов СССР, и прежде всего русского народа, к *русской классической литературе*. Этого не могло обеспечить социальное устройство царской России². А.С. Панарин пишет: «Юноши и девушки, усвоившие грамотность в первом поколении, стали читать Пушкина, Толстого, Достоевского — уровень, на Западе отно-

---

¹ В дальнейшем негативное воздействие «оболочки» марксизма стало нарастать, особенно по мере того, как с политической и общественной сцены уходило поколение, обладавшее запасом «неявного знания» о национальной проблематике, унаследованного от старой российской государственности. Это неявное знание не нашло отражения в текстах и в малой степени оказалось переданным поколениям послевоенным. Оно стало иссякать, и «оболочка» истмата в конце XX века превратилась в действующие структуры сознания образованного слоя.

² В.В. Розанов писал: «Совершилось то, что, например, в семидесятых и половине 80-х годов прошлого века сочинения Пушкина нельзя было найти в книжных магазинах. Я помню эту пору: в магазинах отвечали — «не держим, потому что никто не спрашивает!» [105].

симый к элитарному... Нация совершила прорыв к родной классике, воспользовавшись всеми возможностями нового идеологического строя: его массовыми библиотеками, массовыми тиражами книг, массовыми формами культуры, клубами и центрами самодеятельности, где «дети из народа» с достойной удивления самоуверенностью примеряли на себя костюмы байронических героев и рефлектирующих «лишних людей». Если сравнить это с типичным чтивом американского массового «потребителя культуры», контраст будет потрясающим... После этого трудно однозначно отвечать на вопрос, кто действительно создал новую национальную общность *советский народ*: массово тиражируемая новая марксистская идеология или не менее массово тиражируемая и вдохновенно читаемая литературная классика» [94, с. 142—143].

Программа национально-государственного строительства, выработанная довоенным «обществом знания» СССР, должна была решить сложнейшие проблемы, поставленные распадом Российской империи и взрывом этнического национализма, который был порожден в нарождающейся буржуазии нерусских народов либерально-демократической революцией. Тогда на эти вызовы были найдены адекватные ответы — на целый исторический период. Западные ученые, дотошно изучавшие историю СССР, очень высоко оценивают тот факт, что советской власти вновь удалось собрать «империю». Модель Советского Союза была *творческим* достижением высшего класса¹. К. Янг пишет о «судьбе старых многонациональных империй в период после Первой мировой войны»: «В век национализма класси-

---

¹ Даже З. Бжезинский, обсуждая варианты развития СССР в 30-е годы, признает «изумительные достижения сталинизма» и приходит к выводу, что единственной альтернативой ему мог быть только шовинистический диктаторский режим с агрессивными устремлениями (см. [61]).

ческая империя перестала быть жизнеспособной формой государства... Австро-Венгрия сжалась в своих границах до размеров ее германского ядра, некогда могущественное Османское государство, в течение многих веков занимавшееся «одомашниванием» находившегося в его пределах религиозного и этнического многообразия, сократилось до размеров своей внутренней турецкой цитадели, которая была затем перестроена по модели утвердившейся национальной идеи. И только гигантская империя царей оказалась в основном спасенной от распада благодаря Ленину и с помощью умелого сочетания таких средств, как хитрость, принуждение и социализм.

Мощно звучавшая в границах «тюрьмы народов» национальная идея оказалась кооптированной и надолго прирученной при посредстве лапидарной формулы «национальное по форме, социалистическое по содержанию»... Первоначально сила радикального национализма на периферии была захвачена обещанием самоопределения и затем укрощена утверждением более высокого принципа пролетарского интернационализма, с помощью которого могла быть создана новая и более высокая форма национального государства в виде социалистического содружества. Последнее определяется Коннором в его плодотворном исследовании (1984) «национального вопроса» в государствах с социалистическим образом правления как «длительный процесс ассимиляции на диалектическом пути территориальной автономии для всех компактных национальных групп» [139].

Следует отметить, что в состав той части советского «общества знания», которая вырабатывала программу «сборки» страны и народа, входили многие ученые и философы эмиграции. Нет сомнений в том, что на геополитические представления советского руководства повлияли труды, созданные в эмиграции в русле культур-

но-научного направления, называемого *евразийством*. Это было развитие концепции России — СССР в рамках *цивилизационного* подхода.

Хороший пример дает и биография упомянутого выше Ю.В. Ключникова (1886—1938). Накануне Октября он был приват-доцентом Московского университета, летом 1918 г. участвовал в левоэсеровском мятеже в Ярославле, был заместителем министра в первом антисоветском правительстве Гражданской войны — «Уфимской директории», затем примкнул к Колчаку и стал министром иностранных дел в его правительстве. После разгрома Колчака эмигрировал и входил в Парижский комитет партии кадетов, читал курсы лекций в Париже и Брюсселе. Затем стал редактором журнала «Смена вех». Одна из его научных статей, посвященная подготовке Генуэзской конференции, привлекла внимание Ленина, и он пригласил его в качестве эксперта советской делегации в Генуе. В 1923 г. Ключников вернулся в СССР и стал преподавать в Коммунистической академии. Позже был репрессирован. Вклад Ключникова в развитие советского международного права и сегодня оценивается очень высоко.

Народное хозяйство

По своему масштабу и структурной сложности с *нациестроительством* сравнима задача проектирования форм *народного хозяйства* (точнее, это две стороны единой задачи). В этой работе на счету у советского «общества знания» много оригинальных достижений общемирового значения. Рассмотрим некоторые из них.

С началом НЭПа в советской экономике вводилось плановое начало. Еще в годы Гражданской войны была начата разработка перспективного плана электрификации России. В декабре 1920 г. план ГОЭЛРО был одобрен VIII Всероссийским съездом Советов и через год

утвержден IX Всероссийским съездом Советов. Это был первый перспективный план развития народного хозяйства, который получил практическое воплощение.

Потребность в крупномасштабном народно-хозяйственном планировании в России еще до революции осознавалась и государством, и промышленниками. В 1907 г. Министерство путей сообщения составило первый *пятилетний план* строительства и развития железных дорог. Деловые круги «горячо приветствовали этот почин». В 1909—1912 гг. работала Межведомственная комиссия для составления плана работ по улучшению и развитию водных путей сообщения Российской империи. Она применяла при разработке плановых документов широкий комплексный подход. В качестве главного критерия Комиссия приняла «внутренние потребности государства». Таким образом, за основу перспективных пятилетних планов развития бралась не система электрификации, а система путей сообщения. Была разработана программа на 1911—1915 гг., а затем пятилетний план капитальных работ на 1912—1916 гг. [9]. Реализации этих «первых пятилеток» помешала Первая мировая война, однако изначально большие ограничения накладывались отношениями собственности в хозяйстве Российской империи.

В 1921 г. для работы по планированию народного хозяйства была создана Государственная плановая комиссия (Госплан). Ее функция не сводилась к разработке государственных народно-хозяйственных планов, они были лишь инструментом. Экономика — арена конфликта интересов (социальных групп населения, отраслей, регионов). Эти интересы воздействуют на соответствующие государственные органы, возникают объективные противоречия в их политике, иногда конфликты. Это происходит при любом экономическом строе. Разница в том, что при малой степени огосударствления хозяйства разрешение значительной части противоре-

чий и конфликтов (хотя далеко не всех) возлагается на стихийно действующий механизм рынка. А в советском государстве, роль которого в экономике резко возросла, стало необходимым создать авторитетное ведомство без своего особого «интереса». Его задачей было находить приемлемый или даже хороший способ удовлетворения многочисленных конкурирующих между собой экономических интересов.

Таким ведомством и был Госплан. Главной его функцией было изучение и согласование экономических интересов. Разумеется, значимость тех или иных интересов определялась политическими условиями. На первом месте стояла, конечно, оборона, а значит, развитие обеспечивающих ее отраслей промышленности и т.д. Но это были *осознанные* политические решения, которые Госплан вписывал в общую систему всех других интересов. Советские плановики разработали и главный методологический инструмент — межотраслевой баланс. Госплан рассчитывал баланс потребностей и ресурсов, предвидя социальную и экономическую динамику¹.

Конкретные задания Госплана в количественном выражении часто выполнены не были, но это чисто формальная оценка планирования. Важно, в какой мере решались *структурные* задачи, поставленные пятилетними планами. Предвоенные пятилетки, которые должны были превратить Россию в индустриальную страну, полностью выполнили эту свою задачу. В советском хо-

---

¹ При таком подходе было бы невозможно то, что случилось зимой 2001 г. в Приморье, где был резко нарушен баланс потребностей и ресурсов в энергетике. Уже в начале 80-х годов из балансов Госплана было ясно, что в перспективе здесь возникнет дефицит топлива и электроэнергии. Поэтому было принято решение о строительстве Бурейской ГЭС, и оно было начато в канун перестройки. В 1992—1993 годах строительство ГЭС было заморожено. Балансы уже никого не интересовали. Средства на ее строительство выделены лишь в бюджете на 2001 год, а по заданиям Госплана ГЭС уже работала бы в 2000 г. И не было бы проблем с электроэнергией в Приморье.

зайстве были спроектированы и построены большие технико-социальные системы жизнеустройства России, которые позволили ей вырваться из исторической ловушки периферийного капитализма начала XX века, стать промышленно развитой и научной державой и в исторически короткий срок подтянуть тип быта всего населения к уровню развитых стран. Мы не понимали масштабов и сложности этой задачи потому, что жили «внутри ее», а официальное обществоведение внушило, что ответы на встающие проблемы автоматически вытекали из учения марксизма-ленинизма.

Хозяйство относится к категории **больших систем**. Такие системы складываются **исторически**. Большие массы людей и большое число организаций в течение длительного времени ведут испытание и перебор большого числа вариантов. Этот процесс подвергается непрерывной рефлексии и служит предметом непрерывного диалога на всех уровнях общества. Огромное количество проб и ошибок сопряжено и с применением жестких «экспериментов» (кризисы, разорение, бедствия, стагнация), из которых извлекаются уроки. Такими экспериментами были в России реформа 1861 г., революция 1905—1907 гг., столыпинская реформа, Первая мировая война и две альтернативные революции 1917 г. с Гражданской войной и военным коммунизмом.

С таким запасом знания молодое советское «общество знания» приступило к проектированию структур нового народного хозяйства. Приведем краткий перечень принципиальных новшеств, введенных при проектировании советского хозяйства относительно доктрины индустриальной экономики (как либеральной, так и марксистской).

Прежде всего была поставлена под сомнение центральная догма этой доктрины, согласно которой экономическое равновесие достигается путем *обмена стоимостями*. Понятно, что для такой экономики, основан-

ной на обмене, требуется создание и поддержание большой и дорогостоящей системы измерений как части технологической базы сферы *распределения*. Нужна даже особая духовная культура, которая и возникла вместе с современным капитализмом (или скорее была его предшественницей) и которую М. Вебер назвал «дух расчетливости» (*calculating spirit*).

Разумеется, из истории мирового хозяйства и из русского опыта было известно, что совместная деятельность и общежитие людей могут быть организованы и без купли-продажи товаров и обмена стоимостями — эти институты вообще возникли очень недавно. Существуют разные способы предоставления друг другу и материальных ценностей, и труда (дарение, услуга, предоставление в пользование, совместная работа, прямой продуктообмен и т.д.). Существуют и типы хозяйства, причем весьма сложно организованного, при которых ценности и усилия *складываются*, а не обмениваются — так, что все участники пользуются созданным сообща целым.

К такому типу относится, например, *семейное* хозяйство, которое даже в самой рыночной стране США составляет около 1/3 всей хозяйственной деятельности в стране. Этот тип хозяйства экономически исключительно эффективен (при достижении определенного класса целей) — замена его рыночными отношениями невозможна, т.к. оказывается, что ни у одного члена семьи не хватило бы денег расплатиться по рыночным ценам с другими членами семьи за их вклад¹.

Хотя в качестве идеологии большевики приняли марксизм, на начальном этапе становления советской экономики стали быстро восстанавливаться *традици-*

---

¹ Это показали расчеты американских экономистов, проведенные в 70-е годы. Проведенный недавно расчет показал, что средняя американская домохозяйка «производит и поставляет» своей семье услуг, которые на рынке стоили бы около 100 тыс. долларов в год.

онные («естественные», по выражению М. Вебера) взгляды на хозяйство и производственные отношения. Ленин после 1907 г. также сдвигался к установкам *экономии* — в смысле, который придавал этому термину Аристотель¹. В его статьях об «очередных задачах советской власти», о гидроторфе или обводнении нефтяных скважин Баку хозяйство представлено в его материальной фактуре. Здесь нет понятий хрематистики и теории стоимости. Это можно было бы понять, внимательно читая Маркса — вместе с примечаниями, в которых он для контраста описывал «нерыночное» хозяйство.

Уже Адам Смит видел смысл разделения труда лишь в том, чтобы рабочий производил *больше продукта*, а не в сокращении рабочего дня при *том же* количестве продукта. А вот как Ленин в статье «Одна из великих побед техники» излагает выгоды предложенного Рамзаем способа подземной газификации угля: «При социализме применение способа Рамзая, «освобождая» труд миллионов горнорабочих, позволит сразу сократить для всех рабочий день с 8 часов, к примеру, до 7, а то и меньше. «Электрификация» всех фабрик и железных дорог сделает условия труда более гигиеничными, избавит миллионы рабочих от дыма, пыли и грязи, ускорит превращение грязных отвратительных мастерских в чистые, светлые, достойные человека лаборатории. Электрическое освещение и электрическое отопление каждого дома избавят миллионы «домашних рабынь» от необходимости убивать три четверти жизни в смрадной кухне» [71].

---

¹ Аристотель разделял хозяйство на два типа — *экономия*, что означает «ведение дома» (экоса), и *хрематистику*, нацеленную на получение дохода (их различают также как натуральное хозяйство и рыночную экономику). В царской России хрематистика не смогла занять господствующего положения, а в СССР она была подавлена или ушла в «теневую экономику». Господствовали нетоварные отношения, хотя сохранялась внешняя форма товарообмена и денег.

Поэтому в 20-е годы основная дискуссия при разработке доктрины хозяйства шла именно по вопросу о применимости к ней теории стоимости. О том, насколько непросто было заставить мыслить советское хозяйство в понятиях этой теории, говорит тот факт, что первый учебник политэкономии в СССР удалось подготовить, после двадцати лет дискуссий, лишь в 1954 году! К.В. Островитянов писал в 1958 г.: «Трудно назвать другую экономическую проблему, которая вызывала бы столько разногласий и различных точек зрения, как проблема товарного производства и действия закона стоимости при социализме».

В 1920—1921 гг. среди советских экономистов велись дискуссии о введении неденежной меры трудовых затрат. С. Струмилин предлагал ввести условную единицу «*тред*» (трудовая единица). В противовес этому развивалась идея использования как меры стоимости энергетических затрат в калориях или в условных энергетических единицах «*энедах*»¹. Оценивая ту дискуссию, Д.В. Валовой справедливо считает, что предложение меры энергетических затрат было противопоставлением «марксовой трудовой стоимости» [22].

О непригодности категорий политэкономии для верного описания советского, явно не капиталистического, хозяйства, предупреждал А.В. Чаянов. Он писал: «Обобщения, которые делают современные авторы современных политэкономических теорий, порождают лишь фикцию и затемняют понимание сущности некапиталистических формирований как прошлой, так и современной экономической жизни» [129, с. 396.].

Действительно, всякое «натуральное» хозяйство (экономика, а не хрематистика) выводится за рамки политэкономии, и Маркс берет сведения из натурального

---

¹ Этот подход был навеян работами «экологического утописта» Отто Нойрата, вышедшими в 1919 и 1920 гг.

хозяйства только для иллюстрации, для контраста. В словарях западных языков слово «хрематистика» даже отмечено как устаревший синоним слова «политэкономия». Американский экономист и историк экономики И. Кристол вводит вполне определенное разграничение: «Экономическая теория занимается поведением людей на рынке. Не существует некапиталистической экономической теории... Для того чтобы существовала экономическая теория, необходим рынок, точно так же, как для научной теории в физике должен существовать мир, в котором порядок создается силами действия и противодействия, а не мир, в котором физические явления разумно управляются Богом» (цит. по [74]).

Несмотря на колебания между идеологией и реальностью, вплоть до 1941 г., как пишет А. Пашков, «советские экономисты упорно твердили: наш товар — не товар, наши деньги — не деньги». В январе 1941 г. при участии Сталина в ЦК ВКП(б) состоялось обсуждение макета учебника по политэкономии. А. Пашков отмечает «проходившее красной нитью через весь макет отрицание закона стоимости при социализме, толкование товарно-денежных отношений только как внешней формы, лишенной материального содержания, как простого орудия учета труда и калькуляции затрат предприятия». Сталин на том совещании предупреждал: «Если на все вопросы будете искать ответы у Маркса, то пропадете. Надо самим работать головой, а не заниматься нанизыванием цитат» [22].

Не имея возможности оторваться от «научного марксизма» в экономике, Сталин, видимо, чувствовал неадекватность теории стоимости тому, что реально происходило в хозяйстве СССР. В феврале 1952 г., после обсуждения нового макета учебника (оно состоялось в ноябре 1951 г.), Сталин встретился с группой экономистов и давал пояснения по своим замечаниям. Он сказал, в частности: «Товары — это то, что свободно продается

и покупается, как, например, хлеб, мясо и т.д. Наши средства производства нельзя, по существу, рассматривать как товары... К области товарооборота относятся у нас предметы потребления, а не средства производства».

Очевидно, что такие товары и такой товарооборот существуют и при натуральном хозяйстве, начиная с зачатков земледелия. «Рыночная экономика» как особый тип общественного производства возникает именно с превращением в товар средств производства и, главное, рабочей силы. Начиная с конца 50-х годов советская экономическая наука стала пользоваться языком и интеллектуальным аппаратом хрематистики, что в конце концов привело к ее гибридизации с неолиберализмом в его разрушительной версии. Это имело для советского проекта самые тяжелые последствия, о которых речь будет ниже.

В реальности советское хозяйство строилось в основном не по типу *рынка*, а по типу *семьи* — не на основе купли-продажи ресурсов, а на основе их *сложения*. Это позволяло вовлекать в хозяйство «бросовые» и «дремлющие» ресурсы, давало большую экономию на транзакциях и порождало хозяйственную мотивацию иного, нежели на рынке, типа. Сложение ресурсов в «семье», расширенной до масштабов страны, требовало государственного планирования и особого органа управления — Госплана. Именно *сложение* ресурсов без их купли-продажи позволило СССР после колоссальных разрушений войны 1941—1945 гг. очень быстро восстановить хозяйство. В 1948 г. СССР превзошел довоенный уровень промышленного производства — можно ли это представить себе в нынешней рыночной системе РФ?

В послевоенные годы, во время массового городского строительства, в СССР решили отказаться от индивидуального учета потребления ряда услуг ЖКХ (за исключением электричества) — в квартирах, например, были сняты имевшиеся ранее газовые счетчики. Это

удешевило всю систему и вовсе не породило расточительства, которое вполне эффективно ограничивалось культурными средствами. Благодаря этим качествам хозяйства базовые материальные потребности населения удовлетворялись в СССР гораздо лучше, чем этого можно было бы достигнуть **при том же уровне развития**, но в условиях рыночной экономики.

Второе достижение советского «общества знания», которое следует отметить, заключается в необычной модели *промышленного предприятия*, в котором производство было неразрывно (и незаметно!) переплетено с поддержанием важнейших условий жизни работников, членов их семей и вообще «города»¹. Это переплетение, идущее от традиции общинной жизни, настолько прочно вошло в коллективную память и массовое сознание, что казалось естественным. На самом деле это — особенность России.

Советский завод был производственным организмом, неизвестным на Западе. Эксперты ОЭСР, работавшие в РФ в начале 90-х годов, не могли понять, как устроено это предприятие, почему на него замыкаются очистные сооружения или отопление целого города, почему у него на балансе поликлиника, «подсобное хозяйство» в деревне и жилые дома.

Действительно, одним из важных принципов рыночной экономики является максимально полное разделение *производства* и *быта*. Вебер писал о промышленном капитализме Нового времени: «Современная рациональная организация капиталистического предприятия немыслима без двух важных компонентов: без господствующего в современной экономике *отделения пред-*

---

¹ Отсюда — понятие «градообразующее предприятие», которое было понятно каждому советскому человеку и которое очень трудно объяснить эксперту из МВФ. В России, в отличие от Запада, промышленность в европейской части, на Урале и в Сибири действительно стала центром жизнеустройства.

приятия от домашнего хозяйства и без тесно связанной с этим рациональной бухгалтерской отчетности» [2, с. 51]. На предприятии как центре жизнеустройства нарушались оба эти условия — элементы «быта» находились в порах «производства» и не вполне отражались в рациональной бухгалтерской отчетности.

Ответ на этот постулат был дан в фундаментальной форме еще до Октября, когда после Февральской революции власть на промышленных предприятиях по сути перешла в руки фабзавкомов и они стали переделывать социальный уклад заводов и фабрик по типу крестьянских общин. Фабзавкомы собирали всех работников предприятия в трудовой коллектив — без разделения по профессиям и статусам (войти в трудовой коллектив предлагалось и собственникам предприятия, что многие и делали)¹. Уже прообраз советского предприятия имел черты *центра жизнеустройства*, основанного на связях доверия и взаимопомощи.

Советское предприятие, по своему социально-культурному генотипу единое для всех народов СССР, стало микрокосмом народного хозяйства в целом. Это — уникальная хозяйственная конструкция, созданная *русскими рабочими из общинных крестьян*, но свои классические *этнические* черты она приобрела в 30-е годы во время форсированной индустриализации всей страны. По типу этого предприятия и его трудового коллектива было устроено все хозяйство СССР — как единый крестьянский двор. Семей в этом дворе и стал *советский народ*.

Наблюдение за попытками в 90-е годы разорвать переплетение производства и быта, отделить производство от создания условий жизни, позволило увидеть важную вещь, о которой не думали при советском строе.

---

¹ Поэтому фабзавкомы вели борьбу с профсоюзами, которые разделяли работников по профессиям.

Соединение, кооперация производства с «жизнью» является источником очень большой и не вполне объяснимой экономии¹. Отопление городов бросовым теплом, отходящим при производстве электричества на теплоцентрали, — один из примеров.

Наконец, устройство народного хозяйства СССР как хозяйства одной большой семьи обеспечило ему огромную мобильность всей системы производственных ресурсов, несравнимую с тем, что мог обеспечить рынок с его стихийными механизмами. Это отличие от рыночной экономики было столь разительно, что западная методология экономического анализа не позволяла делать стандартных измерений параметров советского хозяйства.

Насколько необычным было советское хозяйство и как трудно было разобраться в нем западным специалистами, говорит такой факт. Видный российский эксперт по проблеме военных расходов в СССР и в нынешней РФ, бывший заместитель председателя Госкомитета РФ по оборонным вопросам В.В. Шлыков пишет, на основании заявлений руководства ЦРУ США: «Только на решение сравнительно узкой задачи — определения реальной величины советских военных расходов и их доли в валовом национальном продукте (ВНП) — США, по оценке американских экспертов, затратили с середины 50-х годов до 1991 года от 5 до 10 млрд долларов (в ценах 1990 года), в среднем от 200 до 500 млн долла-

---

¹ Вот конкретный случай: текстильное предприятие АО «Фатекс» в Курской области имело свой жилищный фонд — 64 дома. В 1996 г. расходы на его содержание составили для предприятия 7 млрд руб. В сентябре 1996 г. городской комитет по управлению имуществом потребовал передать жилищный фонд в муниципальную собственность. При этом за обслуживание жилья работников предприятия муниципальная специализированная фирма потребовала с АО «Фатекс» плату 26 млрд руб. ежегодно. Это почти в четыре раза больше себестоимости обслуживания жилья собственной службой предприятия.

ров в год... Один из руководителей влиятельного Американского предпринимательского института Николас Эберштадт заявил на слушаниях в сенате США 16 июля 1990 года, что «попытка правительства США оценить советскую экономику является, возможно, самым крупным исследовательским проектом из всех, которые когда-либо осуществлялись в социальной области».

В.В. Шлыков объясняет, почему ЦРУ не могло, даже затратив миллиарды долларов, установить реальную величину советского ВПК: «За пределами внимания американского аналитического сообщества и гигантского арсенала технических средств разведки осталась огромная «мертвая зона», не увидев и не изучив которую невозможно разобраться в особенностях функционирования советской экономики на различных этапах развития СССР. В этой «мертвой зоне» оказалась уникальная советская система мобилизационной подготовки страны к войне. Эта система, созданная Сталиным в конце 20-х — начале 30-х годов, оказалась настолько живучей, что ее влияние и сейчас сказывается на развитии российской экономики сильнее, чем пресловутая «невидимая рука рынка» Адама Смита.

Чтобы понять эту систему, следует вспомнить, что рожденный в результате Первой мировой и Гражданской войн Советский Союз был готов с первых дней своего существования платить любую цену за свою военную безопасность... Начавшаяся в конце 20-х годов индустриализация с самых первых шагов осуществлялась таким образом, чтобы вся промышленность, без разделения на гражданскую и военную, была в состоянии перейти к выпуску вооружения по единому мобилизационному плану, тесно сопряженному с графиком мобилизационного развертывания Красной армии.

В отличие от царской России, опиравшейся при оснащении своей армии преимущественно на специализированные государственные «казенные» заводы, не свя-

занные технологически с находившейся в частной собственности гражданской промышленностью, советское руководство сделало ставку на оснащение Красной армии таким вооружением (прежде всего авиацией и бронетанковой техникой), производство которого базировалось бы на использовании двойных (дуальных) технологий, пригодных для выпуска как военной, так и гражданской продукции.

Были построены огромные, самые современные для того времени тракторные и автомобильные заводы, а производимые на них тракторы и автомобили конструировались таким образом, чтобы их основные узлы и детали можно было использовать при выпуске танков и авиационной техники. Равным образом химические заводы и предприятия по выпуску удобрений ориентировались с самого начала на производство в случае необходимости взрывчатых и отравляющих веществ... Создание же чисто военных предприятий с резервированием мощностей на случай войны многие специалисты Госплана считали расточительным омертвлением капитала...

Основные усилия советского руководства в эти (30-е) годы направлялись не на развертывание военного производства и ускоренное переоснащение армии на новую технику, а на развитие базовых отраслей экономики (металлургия, топливная промышленность, электроэнергетика и т.д.) как основы развертывания военного производства в случае войны...

Сама система централизованного планирования и партийного контроля сверху донизу идеально соответствовала интеграции гражданской и военной промышленности и была прекрасной школой для руководства экономикой в условиях мобилизации. Повышению эффективности мобилизационной подготовки способствовали и регулярные учения по переводу экономики на военное положение...

Именно созданная в 30-х годах система мобилизационной подготовки обеспечила победу СССР в годы Второй мировой войны... На захваченной немцами к ноябрю 1941 г. территории СССР до войны добывалось 63% угля, производилось 58% стали и 60% алюминия. Находившиеся на этой территории перед войной 303 боеприпасных завода были или полностью потеряны, или эвакуированы на восток. Производство стали в СССР с июня по декабрь 1941 г. сократилось в 3,1 раза, проката цветных металлов в 430 раз. За этот же период страна потеряла 41% своей железнодорожной сети.

В 1943 г. СССР производил только 8,5 млн тонн стали (по сравнению с 18,3 млн тонн в 1940 г.), в то время как германская промышленность в этом году выплавляла более 35 млн тонн (включая захваченные в Европе металлургические заводы).

И тем не менее, несмотря на колоссальный урон от немецкого вторжения, промышленность СССР смогла произвести намного больше вооружения, чем германская. Так, в 1941 г. СССР выпустил на 4 тысячи, а в 1942 г. на 10 тыс. самолетов больше, чем Германия. В 1941 г. производство танков в СССР составило 6 тыс. 590 единиц против 3 тыс. 256 в Германии, а в 1942 г. соответственно 24 тыс. 688 единиц против 4 тыс. 098 единиц...

После Второй мировой войны довоенная мобилизационная система, столь эффективно проявившая себя в годы войны, была воссоздана практически в неизменном виде. Многие военные предприятия вернулись к выпуску гражданской продукции, однако экономика в целом по-прежнему оставалась нацеленной на подготовку к войне.

При этом, как и в 30-е годы, основные усилия направлялись на развитие общеэкономической базы военных приготовлений... Это позволяло правительству при жестко регулируемой заработной плате не только практически бесплатно снабжать население теплом, газом,

электричеством, взимать чисто символическую плату на всех видах городского транспорта, но и регулярно, начиная с 1947 г. и вплоть до 1953 г., снижать цены на потребительские товары и реально повышать жизненный уровень населения. Фактически Сталин вел дело к постепенному бесплатному распределению продуктов и товаров первой необходимости, исключая одновременно расточительное потребление в обществе.

Совершенно очевидно, что капитализм с его рыночной экономикой не мог, не отказываясь от своей сущности, создать и поддерживать в мирное время подобную систему мобилизационной готовности» [134].

Вот парадокс — правительству США попытка оценить советскую экономику обошлась в миллиарды долларов и стала «возможно, самым крупным исследовательским проектом из всех, которые когда-либо осуществлялись в социальной области» — а советское обществоведение вообще не потрудились вникнуть и объяснить обществу, как устроено народное хозяйство СССР, даже мысли не возникло, что в этом может таиться какая-то трудность. А ведь непонимание особого типа сращивания ВПК с гражданской промышленностью обернулось во время «конверсии» катастрофическими травмами всей экономики. Пришел неграмотный мясник и ударом топора «разделил» сиамских близнецов.

В.В. Шлыков пишет: «В последние годы советской власти с избавлением от непомерных, как тогда считалось, военных расходов связывались все основные надежды населения и политиков на улучшение экономического положения страны».

Егор Гайдар писал в 1990 году в журнале «Коммунист», где он тогда работал редактором отдела политики: «Конверсия оборонного сектора может стать важнейшим фактором сокращения расходов и роста доходов государства, насыщения рынка новыми поколениями потребительских товаров, катализатором структурной

перестройки общества... Речь не о сокращении темпа прироста военных расходов, а о серьезном снижении их абсолютной величины».

В 1992 г. объем закупок вооружения и военной техники [был сокращен] сразу на 67%... И тем не менее, несмотря на столь, казалось бы, радикальное уменьшение, употребляя терминологию Е. Гайдара, «оборонной нагрузки на экономику», никакого заметного улучшения жизненного уровня населения, как известно, не наступило. Наоборот, произошло его резкое падение по сравнению с советским периодом. Более того, в глубокую депрессию впал и так называемый гражданский сектор российской экономики, особенно промышленность и сельское хозяйство...

Естественно, что в результате подобного развития тезис о том, что СССР рухнул под бременем военных расходов, утратил былую привлекательность. Более того, советский период по мере удаления от него все более начинает рассматриваться как время, когда страна «имела и пушки и масло», если понимать под «маслом» социальные гарантии. Уже не вызывают протеста в СМИ и среди экспертов и политиков утверждения представителей ВПК, что Советский Союз поддерживал военный паритет с США прежде всего за счет эффективности и экономичности своего ВПК» [134].

Провалом советского «общества знания» довоенного периода надо считать его неспособность систематизировать и формализовать ту совокупность современного научного, традиционного и исторического знания, которая позволила изобрести и спроектировать основные формы народного хозяйства СССР — так, чтобы их сущность могла быть передана послевоенным поколениям после того, как поколение «стариков» сошло с политической арены.

Надо сказать, что для нынешнего поколения одинаково важно понимать причины как успехов в проекти-

ровании советским «обществом знания» хозяйственных форм, так и крупных неудач. Советское обществоведение удовлетворительно не выполнило ни той, ни другой задачи. Мы не можем интеллектуально освоить методы, ведущие к успехам, и не можем извлечь уроков из тяжелых ошибок.

Видимо, самой тяжелой была неудача первого этапа в коллективизации как крупнейшей программе Советского государства по модернизации страны. Ее исследование и гласное обсуждение были неадекватны масштабам ошибки. Те частные причины, которые обычно называют (слишком высокие темпы коллективизации, низкая квалификация проводивших ее работников, разгоревшиеся на селе конфликты, злодейский умысел Сталина) недостаточны, чтобы объяснить катастрофу такого масштаба.

Между тем причина провала была фундаментальной: несоответствие социально-инженерного проекта социально-культурным характеристикам российских крестьян. Разработка модели кооператива для советской деревни была, видимо, одним из немногих *имитационных* проектов. Историки коллективизации до последнего времени не ответили на самый естественный и простой вопрос: *откуда и как* в Комиссии Политбюро по вопросам коллективизации, а потом в Наркомземе СССР появилась модель колхоза, положенная в основу государственной политики?¹

Из зарубежных источников следует такая история программы. Опыт разных типов сельскохозяйственных кооперативов, которые возникали во многих странах начиная с конца XIX века, в 20-е годы был обобщен в

---

¹ Насколько известно из воспоминаний В.М. Молотова, посетив вместе с ним несколько возникших еще ранее колхозов, И.В. Сталин был воодушевлен увиденным. Но в тех «старых» колхозах не обобществлялся домашний скот, а каждой семье был оставлен большой приусадебный участок.

нескольких крупных трудах, изданных в Германии и Англии. Самым удачным проектом (некоторые авторы называют его «гениальным») оказался *кибуц* — модель кооператива, разработанная в начале XX века во Всемирной сионистской организации. Эта разработка была начата учеными-аграрниками в Германии, затем продолжена сионистами (трудоуками и социалистами) в России. Главным идеологом проекта был ученый-биолог из Германии, видный сионист А. Руппин, руководивший затем всей программой создания кибуцев в Палестине, для которых на средства Всемирной сионистской организации закупаались участки земли. Он описал эту программу в книге, вышедшей в Лондоне в 1926 г.

Проект кибуца был разработан для *колонистов-горожан* и вполне соответствовал их культурным стереотипам. Они не собирались ни создавать крестьянское подворье, ни заводить скота. Обобществление в кибуцах было доведено до высшей степени, никакой собственности не допускалось, даже обедать дома членам кооператива было запрещено. Строительство кибуцев сильно расширилось после Первой мировой войны. Они показали себя как очень эффективный производственный уклад. Видимо, руководство и Наркомзема, и Аграрного института было под большим впечатлением от экономических показателей этого типа кооперативов и без особых сомнений решило использовать готовую и проверенную модель. Вопрос о ее соответствии культурным особенностям русской деревни и не вставал (после того, что мы наблюдали в ходе экономической реформы в России в 90-е годы, эта самонадеянность наркома А.Я. Яковлева и директора Аграрного института и заместителя председателя Госплана Л.Н. Крицмана не удивляет).

Тот тип колхоза, в который пытались втиснуть крестьян, был несовместим с их представлениями о хорошей и даже приемлемой жизни. Не имея возможности

сопротивляться активно, основная масса крестьян ответила пассивным сопротивлением: уходом из села, сокращением пахоты, убоем скота. В ряде мест были и вооруженные восстания (с января до середины марта 1930 г. на территории СССР без Украины было зарегистрировано 1678 восстаний), росло число убийств в конфликтах между сторонниками и противниками колхозов.

Однако не менее важным для нас уроком является реакция советского «общества знания» на восприятие коллективизации крестьянством. Уже в марте — апреле 1930 г. ЦК ВКП(б) принял ряд важных решений, чтобы выправить дело, хотя инерция запущенной машины была очень велика и созданный в селе конфликт разгорался. Лишь весной 1932 г. местным властям было запрещено обобществлять скот и даже предписано помочь колхозникам в обзаведении скотом. С 1932 г. уже не проводилось и широких кампаний по раскулачиванию. К осени 1932 г. в колхозах состояло 62,4% крестьянских хозяйств, и было объявлено, что сплошная коллективизация в основном завершена.

Была изменена модель колхоза, и новый устав артели гарантировал существование личного подворья колхозника. Вступили в действие крупные тракторные заводы, начала быстро создаваться сеть МТС, которая в 1937 г. обслуживала уже 90% колхозов. Переход к крупному и в существенной мере уже механизированному сельскому хозяйству произошел, производство и производительность труда стали быстро расти. Советское крестьянство «переварило» чуждую модель и приспособило колхозы к местным культурным типам (приспосабливаясь и само к новым формам). Экзаменом для колхозного строя стала война.

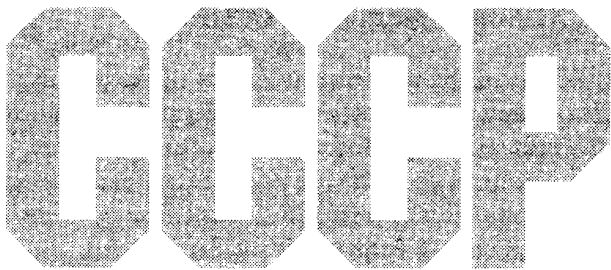
Для оценки действий «общества знания» полезно сравнить кризис становления и кризис ликвидации колхозов как крупного социального института. История дала нам это сравнение как чистый эксперимент. Кри-

зис коллективизации привел к снижению производства зерна в 1931, 1932 и 1934 гг. по сравнению с 1929 г. на 3%. Засуха 1933 г. была *стихийным бедствием*, а затем производство стало расти, и через пять лет коллективизации превысило уровень 1929 г. на 36%. Рефлексия всех звеньев «общества знания» на действия, совершенные в первые два года коллективизации, была быстрой, а исправление ошибок быстрым и системным.

Войдя после войны в стабильный режим, колхозы и совхозы довели производство зерна в 1986—1987 гг. до 210—211 млн т, то есть увеличили его более чем в три раза (а молока, яиц, технических культур — в 8—10 раз).

Каков же был кризис ликвидации? Колхозный строй стали демонтировать в 1990 г. С тех пор в течение 8 лет сельскохозяйственное производство стабильно снижалось и к 1998 г. упало **вдвое**. Никакой коррекции доктрины реформы это не повлекло. К настоящему моменту подорвана база производства, по сей день неуклонно сокращаются посевные площади, поголовье скота и энергетические мощности сельского хозяйства. Идет быстрый износ основных фондов, деградация кадрового потенциала и архаизация труда и быта сельского населения. Эти процессы не вызывают видимой рефлексии ни в государственных органах, ни в научной среде, ни в обществе в целом.

Глава 7

ЗНАНИЕ ВЛАСТИ

Как уже говорилось выше, одним из ключевых типов знания является то, которое *генерируется* властью и *употребляется* властью (при этом существенно преобразуясь). Как осуществление *господства* и воспроизводство его ресурсов, так и осуществление властью других ее функций требуют интенсивного движения информации, ее быстрой переработки с превращением в новое знание, синтеза разных его типов для решения конкретных новых проблем в условиях большой неопределенности и дефицита времени.

На картах социодинамики культуры власть предстает как самый крупный сгусток интеллектуальной активности и узел каналов движения потоков знания. Власть использует в своих целях или прямо организует большое число разнообразных «служб», занятых производством и движением знания. В Новое время и сама политическая деятельность власти стала в своей важной части все более становиться организованной в формах, присущих науке. На высших уровнях власти почти все посты заполняются людьми, получившими образование научного («университетского») типа, и совещания этих людей устроены по типу «невидимых коллегий» времен Научной революции, а рассуждения построены по канонам рациональности Просвещения. В публичной

политике дискурс власти следует канонам идеологии, но и эта сфера знания родственна науке и апеллирует к ней. В моменты острых кризисов картина может измениться, и власть организует спектакли, активизирующие иррациональные установки в людях, но и это опирается на знание, которым обладает власть.

П. Бурдьё писал: «Собственно политическое действие возможно, поскольку у агентов, включенных в социальный мир, есть знание (более или менее адекватное) об этом мире и поскольку можно воздействовать на социальный мир, воздействуя на их знание об этом мире. Это действие призвано произвести и навязать представления (ментальные, словесные, графические или театральные) о социальном мире, которые были бы способны воздействовать на этот мир, воздействуя на представление о нем у агентов... Будучи объектом познания для самих агентов, социальный и экономический мир осуществляет воздействие, которое имеет форму не механической детерминации, но эффекта познания» [17].

Это — общая обстановка во взаимодействии власти и знания. Конкретное содержание знания власти и его социодинамика определяются исторически данными условиями и задачами. Русская революция создала новый тип власти и государственности, во многих отношениях отличный от того типа, который сложился в Новое время на Западе. Поэтому «обществу знания», которое складывалось в России в ходе революции и в первые десятилетия СССР, приходилось решать проблемы власти, для которых не годились методические подходы, критерии и даже понятийный аппарат, разработанные и испытанные в западном «обществе знания». Решения находились в дискуссиях, часто ожесточенных, в привлечении источников знания, вытесненных на Западе на обочину, и в усиленном внимании к знанию *проективного* типа (предвидению и проектированию будущего).

Как и всякая новая государственность, советская власть рождалась как политический (и даже «еретический») бунт против обоих цивилизационных проектов, которые разделили тогда российское общество — консервативно-сословного и буржуазно-либерального. Подобно протестантской Реформации на Западе, этот бунт означал радикальный сдвиг в знании о мире, человеке, обществе и власти в России. Как подчеркивал Бурдье, «политический бунт предполагает бунт когнитивный, переворот в видении мира».

Он особенно выделяет ту роль, которую играет в этом процессе проективное знание, выработанное и представленное как *предвидение*: «Еретический бунт пользуется возможностью изменить социальный мир, меняя представление об этом мире, которое вовлечено в [создание] его реальности. Вернее, он противопоставляет *парадоксальное предвидение*, утопию, проект, программу обыденному видению, которое воспринимает социальный мир как естественный мир. Будучи *перформативным* высказыванием, политическое предвидение есть само по себе действие, направленное на осуществление того, о чем оно сообщает. Оно практически вовлечено в [создание] реальности того, о чем оно возвещает, тем, что сообщает о нем, предвидит его и позволяет предвидеть, делает его приемлемым, а главное, вероятным, тем самым создавая коллективные представления и волю, способные его произвести» [17].

Образы будущего, которые задают контуры проектов как «знания власти», служат для общества важными системами координат. Они образуют коридоры, в которых упорядочивается броуновское движение интересов людей. Вебер писал: «Интересы (материальные и идеальные), а не идеи непосредственно определяют действия человека. Однако картины мира, которые создаются «идеями», очень часто, словно стрелки, опреде-

ляют пути, по которым динамика интересов движет действия дальше».

Здесь коротко перечислим задачи, которые пришлось решить в рамках «общества знания» самой советской властью и привлекаемыми ею источниками знания на этапе становления Советского государства (до 1960 года). Изучение этого раздела актуально сегодня потому, что деградация отвечающего за него сегмента «общества знания» во многом послужила важной причиной кризиса советской государственности и краха СССР. Однако и после этого краха «ремонт» необходимой для государства интеллектуальной базы не ведется, что создает угрозу и для государственности РФ.

Определение сущности русской революции

В XIX веке в пореформенный период в интеллектуальном обеспечении власти Российской империи шла борьба между двумя течениями — западничеством либерально-демократическим и консервативно-монархическим. В этой борьбе консерваторы, считавшие необходимым и возможным сохранить монархический строй и сословное общество, шаг за шагом отступали. Проект консервативной модернизации успеха не имел, а лишь подтолкнул к революции. Уже в 1906 г., когда Вебер опубликовал свои заметки о русской революции, он предвидел, с какими трудностями столкнется реформа Столыпина. Он указывал, что при капиталистической реформе села идеи архаического крестьянского коммунизма будут распространяться в сочетании с идеями современного социализма. Так оно и произошло в ходе становления большевизма. Прогноз Вебера оказался очень точным.

В то же время консервативные силы обостряли конфликт, подрывающий легитимность власти. Ресурсы знания, которыми располагала власть, сокращались.

Сын Столыпина писал, как трудно было его отцу подыскать сотрудников с «подлинным государственным мышлением»: «Разрыв, происшедший еще в прошлом веке между государственным аппаратом и либеральной интеллигенцией, приносил свои горькие плоды» (цит. в [80]).

Февральская революция 1917 г. завершила долгий процесс разрушения легитимности государства Российской империи¹. Те культурные силы, которые стремились поддержать традиционные формы Российского государства (славянофилы в конце XIX века, «черносотенцы» после революции 1905 г.), были дискредитированы в сознании образованного слоя и оттеснены на обочину. После Февраля кадеты сразу заняли главенствующее положение во Временном правительстве и фактически вырабатывали его программу.

К ним присоединилась большая часть эсеров и меньшевиков. Все они сходились на том, что в России происходит буржуазно-демократическая революция и любая альтернатива ей, в том числе под знаменем социализма, будет реакционной (контрреволюцией). Лидер эсеров В.М. Чернов в своих воспоминаниях пишет о кадетях, меньшевиках и эсерах, собравшихся в коалиционном Временном правительстве: «Над всеми над ними тяготела, часто обеспоживая их работу, одна старая и, на мой взгляд, устаревшая догма. Она гласила, что русская революция обречена быть революцией чисто буржуазной и что всякая попытка выйти за эти естественные и неизбежные рамки будет вредной авантюрой... Согла-

---

¹ Легитимность — это уверенность подданных в том, что государь имеет право на власть, что установленный в государстве порядок непреложен как выражение высших ценностей, что он обеспечивает благо и спасение страны и людей. При наличии этой уверенности власть одновременно является *авторитетом*, и государство прочно стоит на силе и согласии. Утрата любой из этих опор — начало краха государства.

шались на все, только бы не переобременить плеч трудовой социалистической демократии противоестественной ответственностью за власть, которой догма велит оставаться чужой, буржуазной» [131].

Практика показала, что эта концепция была ошибочной, но это вытекало также из теоретического анализа. Коренное отличие русской революции от буржуазных революций в Западной Европе Вебер видел в том, что к моменту революции в России понятие «собственность» утратило свой священный ореол даже для представителей *буржуазии* в либеральном движении. Это понятие даже не фигурировало среди главных программных требований этого движения («ценность, бывшая мотором буржуазно-демократических революций в Западной Европе, в России ассоциируется с консерватизмом, а в данных политических обстоятельствах даже просто с силами реакции»).

Вдохновители Февраля были *западниками*, их идеалом была буржуазная республика с опорой на гражданское общество и рыночную экономику — на то, чего в России реально еще не было. М. Вебер отмечал, что критерием господства «духа капитализма» является состояние умов рабочих, а не буржуа. В то время рабочие сохраняли мироощущение общинных крестьян — главного противника буржуазии в ходе буржуазных революций. По мнению Вебера, истинно *либеральный* взгляд на государство в России еще не проник даже в мышление узкого круга кадетов.

Изучая начиная с 1904 г. события в России, Вебер приходит к фундаментальному выводу: «слишком поздно!». Успешная буржуазная революция в России *уже* невозможна. И дело было, по его мнению, не только в том, что в массе крестьянства господствовала идеология «архаического аграрного коммунизма», несовместимого с буржуазно-либеральным общественным устройством. Сам Запад уже заканчивал буржуазно-демократиче-

скую модернизацию и исчерпал свой освободительный потенциал. Буржуазная революция может быть совершена только «юной» буржуазией, но эта юность непотворима. Россия в начале XX века уже не могла быть изолирована от «зрелого» западного капитализма, который утратил свой оптимистический заряд.

Историк-эмигрант А. Кустарев, изучавший «русские штудии» Вебера, пишет: «Самое, кажется, интересное в анализе Вебера — то, что он обнаружил драматический парадокс новейшей истории России. Русское общество в начале XX века оказалось в положении, когда оно было вынуждено одновременно «догонять» капитализм и «убегать» от него. Такое впечатление, что русские марксисты (особенно Ленин) вполне понимали это обстоятельство и принимали его во внимание в своих политических расчетах, а также в своей зачаточной теории социалистического общества. Их анализ ситуации во многих отношениях напоминает анализ Вебера». [66].

Более того, и Вебер, и Ленин, и консерваторы предвидели, что в брешь, пробитую либеральной революцией, прорвутся как раз силы, движимые общинным коммунизмом. Этот вывод стал стержнем теории русской революции и важным положением доктрины советского «общества знания». Исходя из него и вырабатывались политические формы советской государственности.

Ю.Н. Давыдов пишет: «Анализ сознания и практических устремлений всех общественно-политических сил, так или иначе вовлеченных в революционные события 1905—1906 гг. — интеллигенции, инициировавшей революцию и игравшей в ней наиболее активную роль, крестьянства, тонкого слоя собственно «буржуазии», малочисленного рабочего класса и аморфной городской «мелкой буржуазии» — привел Вебера к заключению, что «массы», которым всеобщее избирательное право «всучило» бы власть, не будут действовать в

духе либеральной буржуазно-демократической программы...

Более того, согласно веберовскому убеждению, есть все основания полагать, что «массам» будут импонировать требования, в основе которых лежат интересы, диаметрально противоположные главной идее конституционных демократов, «по поводу» которой, собственно, и образовалась эта партия, — идее «прав человека»...». [39].

Сам Вебер на основании уроков революции 1905 г. писал, что кадеты прокладывали дорогу как раз тем устремлениям, что устраняли их самих с политической арены. Так что кадетам, по словам Вебера, ничего не оставалось, кроме как надеяться, что их враг — царское правительство — не допустит реформы, за которую они боролись. Редкостная историческая ситуация, и нам было бы очень полезно разобрать ее сегодня.

Программа кадетов имела целью ослабить или устранить тот барьер, который ставило на пути развития либерального капиталистического общества самодержавие с его сословным бюрократическим государством. Но Вебер видел, что при этом через прорванную кадетами плотину хлынет мощный *антибуржуазный* революционный поток, так что идеалы кадетов станут абсолютно недостижимы. Либеральная аграрная реформа, которой требовали кадеты, «по всей вероятности, мощно усилит в экономической практике, как и в экономическом сознании масс, архаический, по своей сущности, коммунизм крестьян», — вот вывод Вебера. Таким образом, программа кадетов «должна замедлить развитие западноевропейской индивидуалистической культуры».

Из этого, кстати, видно, какова была глубина той исторической ловушки, в которую попала Россия, становясь страной периферийного капитализма. Самодержавие при всем желании не могло допустить либеральной модернизации, поскольку при этом был слишком велик

риск, что из-под контроля выйдут гораздо более мощные силы «архаического коммунизма». Наличием этих порочных кругов Вебер объясняет, в частности, маниакальную вражду самодержавия к земству, а значит, к значительной части дворянства и интеллигенции. Стремясь остановить революцию, оно было вынуждено подавлять своих естественных союзников. «Оно не в состоянии предпринять попытку разрешения какой угодно большой социальной проблемы, не нанося себе при этом смертельный удар», — писал Вебер [66].

Программа кадетов за время их пребывания у власти с февраля по октябрь 1917 г. не получила активной поддержки ни одной крупной социальной группы. Кадеты сошли с политической сцены, как и консерваторы. М.М. Пришвин писал в дневнике в то время: «Никого не ругают в провинции больше кадетов, будто хуже нет ничего на свете кадета. Быть кадетом в провинции — это почти что быть евреем». В Учредительном собрании кадеты получили всего 17 мест из 707. Однако кадеты сослужили России огромную службу, продумав, прочувствовав и испытав в политической практике важнейший путь, который маячил перед нами на перекрестке судьбы — путь устройства либерально-буржуазного государства и хозяйства.

Опыт Столыпина и опыт кадетов были важными блоками в том интеллектуальном багаже, с которым начало свой путь советское «общество знания»¹. Этот багаж пополнился благодаря тому, что с февраля по ок-

---

¹ Кадеты оставили также свои разработки форм государственной власти, они разрабатывали два проекта конституции — «проект Струве» и «проект Муромцева», которые обсуждались с виднейшими западными правоведами, включая Вебера. Более умеренный, напоминающий германскую конституционную систему «проект Муромцева» был «в принципе» принят земским съездом в июле 1905 г. и опубликован в газете «Русские ведомости» вместе с проектом избирательного закона.

тябрь Россия пережила *единственный в своем роде* опыт. Похоже, его не переживал ни один народ в истории. В стране одновременно и без взаимного насилия возникли два типа государственности — буржуазное Временное правительство и Советы. Они означали два разных пути, разных жизнеустройства. И люди в течение довольно долгого времени могли сравнивать оба типа — эффективный способ познания.

Проект и строительство советской государственности

После Октября власть встала перед проблемой проектирования и строительства форм государственности на новой, не имевшей аналогов траектории. Аппарат государства царской России в основном был сломан Февралем. Новый порядок после Февраля не сложился, его заменяли «временные конструкции», т.к. вожди либерально-буржуазной революции заняли позицию «непредрешенчества». Согласно любой теории революции, это было принципиальной ошибкой. С точки зрения государственного порядка, Советы взяли на себя власть, когда в России во многих системах царил хаос, а другие находились на грани хаоса.

Для советского государственного строительства было характерно абсолютное недопущение *разрывов непрерывности* в наличии власти. Проявившееся в эпоху становления советского строя «чувство государственности» (иногда даже говорят об «инстинкте»), причем на всех, даже низовых, уровнях власти, а также сложившаяся доктрина новой государственности — особая глава истории отечественного «общества знания».

Для периода между Октябрем и Гражданской войной отметим следующие характерные моменты: невероятный по обычным (особенно по нынешним) меркам объем проведенной теоретической, аналитической и

практической работы по конструированию и созданию форм и процедур государства и права; высокая динамичность концептуальной мысли, быстрота принятия решений и проведения их в жизнь, эффективные и быстродействующие обратные связи с социальной практикой; системное видение задач государственного строительства, верное различение фундаментальных и временных (а также *чрезвычайных*) структур.

Главные задачи удалось решить во многом потому, что за полвека до Октября в русской культуре возникла уникальная гамма крупных социально-философских учений, в которых были продуманы (мысленно «испытаны») целые цивилизационные проекты: народничество, анархизм, русский либерализм, монархический традиционализм, социал-демократизм и русский коммунизм, православный социализм. При всей несхожести этих течений все они участвовали в создании образов идеального, желаемого и возможного государства России. Русское «общество знания» провело огромный и длительный «мысленный эксперимент». Литература донесла вопросы и ответы этого эксперимента до широких народных масс в художественных образах — лучше, чем это могла бы сделать научная философия. Лев Толстой, например, был не только «зеркалом русской революции», но и ее учителем.

Наука, выросшая на русской культурной почве, была свободна от ряда важных идеологических догм Запада (прежде всего механицизма научной картины мира и человека, социал-дарвинизма в видении общества). Наука России, восприимчивая к возникающей новой картине мира, дала основания для идеологии новых (постиндустриальных, нерыночных) отношений в обществе и отношений между обществом и природой. Марксизм, в общем, исходил из принципов «*науки бытия*» (исторический процесс как состояние равновесия), а Ленин ввел в партийную мысль принципы «*науки станов-*

ления» (исторические изменения как неравновесные состояния).

«Общество знания» того времени исходило, говоря современным языком, из представления общественного процесса как перехода «порядок—хаос—порядок» и как большой системы. В работе А.А. Богданова «Всеобщая организационная наука» (1913—1922) общественные процессы представлялись как изменяющиеся состояния подвижного равновесия, которое прерывается кризисами. В отличие от методологии исторического материализма, этот подход заставлял концентрировать внимание на динамике системы и особенно на моментах неустойчивого равновесия и критических явлениях. Поэтому в период революционных преобразований и присущей им высокой неопределенности ключевые решения руководства партии большевиков были «прозорливыми» — делался хороший или лучший выбор из набора альтернатив.

Так, в анализе динамики процессов после Февраля 1917 г. учитывался тот факт, что силы, пришедшие к власти в результате революции, если их не свергают достаточно быстро, успевают произвести перераспределение собственности, кадровые перестановки и обновление власти. В результате новая власть получает кредит доверия и уже через короткий промежуток времени контратака с ходу оказывается невозможной. Исходя из этого, Ленин точно определил тот короткий временной промежуток, когда можно было сбросить буржуазное правительство без больших жертв. Это надо было сделать на волне самой Февральской революции, пока не сложился новый государственный порядок, пока все было на распутье и люди находились в ситуации выбора, но когда уже угасли надежды на то, что Февраль ответит на чаяния подавляющего большинства — крестьян. В этом смысле Октябрьская революция была

тесно связана с Февральской и стала шедевром революционной мысли.

В целом, выработке политических решений были присущи воспринятая от марксизма дисциплина мышления и ясность методологии, диалогичность (четкое изложение альтернатив, представленных оппонентами). В методологии большевиков-интеллигентов была сильная историческая компонента, хорошая мера (явное «взвешивание» включаемых в анализ факторов), привлечение традиционного знания и контроль здравого смысла.

Вот одна из первых, чрезвычайных мер советской власти — *военный коммунизм*. Мы слышаны о том, что большевики ввели продразверстку, пайки и прочие ужасные вещи. Так говорят те, кто равнодушен к голоду ближнего, а представить голодным себя лично вообще не в состоянии. В те времена все в России, включая Николая II, думали иначе и считали необходимым предотвратить голод в городах. Но важно еще уметь это сделать. Когда в 1915 г. был нарушен нормальный товарооборот и, несмотря на высокий урожай, «хлеб не пошел на рынок», были установлены твердые цены и начаты реквизиции. 23 сентября 1916 г. царское правительство объявило продразверстку. Она провалилась из-за саботажа и коррупции чиновников. Временное правительство, будучи буржуазным («рыночным»), также вводит хлебную монополию — и также не может провести ее в жизнь из-за беспомощности государственного аппарата. По продразверстке 1917 г. было собрано ничтожное количество — 30 млн пудов зерна (0,48 млн т, или около 1% урожая).

Придя к власти именно в катастрофических условиях, большевики повели дело, исходя из здравого смысла. Обеспечить минимальное снабжение города через рынок при быстрой инфляции, разрухе в промышленности и отсутствии товарных запасов было невозможно.

Реально покупать хлеб на свободном рынке горожане не могли. Таковы были объективные условия, непреодолимые ограничения, в рамках которых надо было решать задачу.

Были приняты чрезвычайные меры «военного коммунизма» (сам термин означает, что в период тяжелой разрухи общество (*социум*) превращается в общину (*коммуну*) типа *воинской*. Этот уклад хозяйства не имеет ничего общего с коммунистическим учением. Серьезный структурный анализ военного коммунизма был дан в книге видного теоретика А.А. Богданова «Вопросы социализма», вышедшей в 1918 г. Для анализа этого явления Богданов взял самый чистый случай — Германию (было также изучено применение военного коммунизма якобинцами).

Эти меры устранили угрозу голодной смерти (но не голода) в городах и в армии. В 1919/20 году было заготовлено 260 млн пудов зерна. Пайками было обеспечено практически все городское население и часть сельских кустарей (всего 34 млн человек). За счет вне рыночного распределения горожане получали от 20 до 50% потребляемого продовольствия (остальное давал «черный рынок»). Но продразверсткой дело не обходилось, реальная история того периода поражает разнообразием и изобретательностью тех подходов, которые пробовали и применяли и государственные органы, и предприятия, и граждане, чтобы организовать распределение жизненно необходимых продуктов и товаров.

Тот факт, что большевики без всякого доктринерства и болтовни, не имея еще государственного аппарата, обеспечили скудными, но надежными пайками все городское население России, имел огромное значение для легитимации советской власти. Ведь этих пайков не дало ни царское, ни Временное правительство, которые действовали в гораздо менее жестких условиях.

По мнению американского историка Л.Т. Ли, боль-

шевики смогли создать работоспособный аппарат продовольственного снабжения и тем укрепили свою власть. Вопреки расхожему представлению, продразверстка укрепила авторитет большевиков и среди крестьян. Крестьяне, пишет Л.Т. Ли в большой книге «Хлеб и власть в России. 1914—1921» (1990), «поняли, что политическая реконструкция — это главное, что необходимо для прекращения смутного времени, и что большевики — это единственный серьезный претендент на суверенную власть» (см. рецензию в [119]).

Однако главной задачей пришедших к власти политиков-большевиков, завоевавших культурную гегемонию в российском «обществе знания», было превращение стихийно возникших в ходе Февральской революции Советов в системообразующую структуру нового государства.

Советы возникли прежде всего в армии как общине, собранной из солдат — общинных крестьян¹. На уровне самоуправления это был традиционный тип, характерный для аграрной цивилизации, — тип военной, ремесленной и крестьянской демократии доиндустриального общества. В России Советы вырастали именно из крестьянских представлений об идеальной власти. Исследователь русского крестьянства А.В. Чаянов писал: «Развитие государственных форм идет не логическим, а историческим путем. Наш режим есть режим советский, режим крестьянских советов. В крестьянской среде режим этот в своей основе уже существовал задолго

---

¹ Вот данные мандатной комиссии I Всероссийского съезда Советов (июнь 1917 г.). Делегаты его представляли 20,3 млн человек, образовавших Советы, — 5,1 млн рабочих, 4,24 млн крестьян и 8,15 млн солдат. Солдаты составляли и очень большую часть политических активистов — в тот момент они составляли более половины партии эсеров, треть партии большевиков и около одной пятой меньшевиков.

до октября 1917 года в системе управления кооперативными организациями».

Ни большевики, ни какая-либо иная партия не были инициаторами возникновения первых Советов. Это было процессом «молекулярным», хотя имели место и локальные решения¹. Так произошло в Петрограде, где важную роль сыграли кооператоры. Еще до отречения царя, 25 февраля 1917 г., руководители Петроградского союза потребительских обществ провели совещание с членами социал-демократической фракции Государственной думы в помещении кооператоров на Невском проспекте и приняли совместное решение создать Совет рабочих депутатов — по типу Петербургского Совета 1905 года. Выборы депутатов должны были организовать кооперативы и заводские кассы взаимопомощи. После этого заседания участники были арестованы и отправлены в тюрьму — всего на несколько дней, до победы Февральской революции.

Поначалу обретение Советами *власти* происходило вопреки намерениям их руководства (эсеров и меньшевиков). Никаких планов сделать Советы альтернативной формой государства у создателей Петроградского Совета не было. Их целью было поддержать новое правительство снизу и «добровольно передать власть буржуазии». Но под идеей власти Советов лежал большой пласт традиционного знания. Оно было выражено в тысячах наказов и приговоров сельских сходов в 1904—1907 гг. Это был уникальный опыт формализации традиционного знания, которое было актуализировано и обрело политический характер во время Февральской революции.

---

¹ Активный деятель того времени художник А.Н. Бенуа писал в апреле 1917 г.: «У нас образовалось само собой, в один день, без всяких предварительных комиссий и заседаний нечто весьма близкое к народному парламенту в образе Совета рабочих и солдатских депутатов».

В этом было важное отличие российского «общества знания» от западного. Там не произошло синтеза «эрудированного» знания политиков и мыслителей с обыденным традиционным знанием масс. Мишель Фуко признал в 1977 г.: «У нас не было никаких понятийных и теоретических инструментов, которые позволили бы как следует уловить всю сложность вопроса власти, поскольку XIX столетие, завещавшее нам эти инструменты, воспринимало эту проблему лишь посредством различных экономических схем» [125].

Нет сомнения, что Ленин сыграл важнейшую роль в том, что традиционное знание русского крестьянства о власти было включено в теоретический багаж политической мысли. Первым, еще очень осторожным обоснованием новой концепции власти в политической философии были «Апрельские тезисы» 1917 г. Они были восприняты виднейшими марксистами (Г.В. Плеханов, А.А. Богданов) как «бред сумасшедшего». Отпор был такой, что Ленин покинул зал в Таврическом дворце, где изложил свои тезисы перед всеми социал-демократами, членами Совета, даже не используя свое право на ответ. Это был тот самый «еретический бунт» в политике, означавший «когнитивный сдвиг», о котором говорит Бурдье.

Однако создать современное государство на основе только традиционного знания было невозможно. Потребовалась большая теоретическая и аналитическая работа и системное проектирование, чтобы Советы стали структурным элементом дееспособной политической системы. Европейская политическая мысль выработала представление о «правильной» форме демократии — парламентской. Она основана на представительстве главных социальных групп общества через партии, которые конкурируют на выборах («политическом рынке»). Равновесие политической системы обеспечивается созданием «сдержек и противовесов» — разделением

властей, жесткими правовыми нормами и наличием сильной оппозиции. В зрелом виде эта равновесная система приходит к двум партиям примерно равной силы и весьма близким по своим социальным и политическим программам. Такая политическая практика процедурно сложна, так что возникает слой профессиональных политиков («политический класс»), представляющих интересы разных социальных групп. Как и политическая экономия в концепции равновесного рынка, так и политическая философия парламентаризма возникли как слепок с механистической картины мироздания Ньютона¹.

Советы — иной тип демократии. Это делало очень сложной задачу их соединения с идеями Просвещения, которые уже укоренились в русской культуре. Перед зарождающимся советским «обществом знания» стояла беспрецедентная проблема: создать проект государства, основанного на мировоззренческой матрице традиционного аграрного общества, но способного мобилизовать это общество на форсированную модернизацию по некапиталистическому пути.

Первая трудность заключалась в том, что демократия Советов выражала *самодержавный* идеал, несовместимый с дуализмом западного мышления (склонностью видеть в каждой сущности борьбу двух противоположных начал). «*Вся власть Советам!*» — лозунг, отвергающий и конкуренцию партий, и разделение властей, и правовые «противовесы».

Согласно модели, принятой в советском обществоведении, в феврале в России произошла буржуазно-демократическая революция, которая свергла монархию. Эта революция под руководством большевиков пере-

---

¹ Теория конституционной монархии в Англии прямо выводилась из модели Ньютона. Конституция США — классический пример представления государства как равновесной машины.

росла в социалистическую пролетарскую революцию. Однако силы «старой России» летом 1918 г. при поддержке империалистов начали *контрреволюционную* Гражданскую войну против советской власти.

Эта картина выполняла свою идеологическую роль в момент событий, но помешала последующему анализу. Она неверна — не в деталях, а в главном. Сегодня она видится так. Февральская революция не могла «перерасти» в Октябрьскую, поскольку для Февраля и царская Россия, и советская были одинаковыми врагами — «империями зла».

Буржуазия была врагом монархического государства, она требовала западных рыночных порядков, ликвидации сословных барьеров и, кстати, демократии — чтобы рабочие могли свободно вести против нее классовую борьбу, в которой заведомо проиграли бы (как на Западе). С помощью Запада буржуазия возродила политическое масонство как межпартийный штаб своей революции (в 1915 г. руководителем масонов стал Керенский). Главной партией в этом штабе были кадеты, к ним примкнули меньшевики и эсеры. Это была «оранжевая» коалиция того времени.

Так в России стали созреть две не просто разные, а и *враждебные друг другу* революции:

— западническая, имевшая целью установление либеральной западной демократии и экономики свободного рынка;

— крестьянская («почвенная»), имевшая целью *закрыть* Россию от западной демократии и свободного рынка, отобрать землю у помещиков и не допустить раскрестьянивания; к ней присоединились рабочие с еще общинным мировоззрением.

Обе революции ждали своего момента, он наступил в начале 1917 года. Либералы завладели Госдумой, имели поддержку Антанты, а также генералов и большей части офицерства (оно к тому времени стало разночинным

и либеральным, монархисты-дворяне пали на полях сражений). Крестьяне и рабочие, собранные в 11-миллионную армию, два с половиной года в окопах обдумывали и обсуждали проект будущего. Они были по-военному организованны и имели оружие. В массе своей это было поколение, которое в 1905—1907 гг. подростками пережило карательные действия против их деревень и ненавидело царскую власть.

Февральская революция была переворотом в верхах, проведенным Госдумой и генералами. Но она стала возможной потому, что ее поддержали и банки, скупившие хлеб и организовавшие голод в столицах, солдаты и рабочие. Порознь ни одной из этих сил не было бы достаточно. В революциях требуется участие влиятельной части госаппарата.

В момент Февральской революции, когда произошел слом старой государственности, началась вялотекущая Гражданская война. Но не с монархистами! Это была война «будущего Октября» с Февралем. Произошло то «превращение войны империалистической в войну гражданскую», о котором говорили большевики. Они это именно **предвидели**, а не «устроили» — никакой возможности реально влиять на события в феврале 1917 г. большевики не имели.

Стихийный процесс продолжения российской государственности от самодержавной монархии к советскому строю, минуя государство либерально-буржуазного типа, обрел организующую его партию (большевиков)¹. Поэтому рядовые консерваторы-монархисты (и даже черносотенцы) и половина состава царского Генераль-

---

¹ М.М. Пришвин, мечтавший о либеральном строе, проклинает испортивших дело либералов: «Виноваты все интеллигенты: Милюков, Керенский и прочие, за свою вину они и провалились в Октябре, после них утвердилось темное русское народное правление по правилам царского режима. Нового ничего не вышло».

ного штаба после Февраля пошли именно за большевиками.

Монархия капитулировала без боя. С Февраля в России началась борьба **двух революционных движений**. Более того, на антисоветской стороне главная роль постепенно переходила от либералов к социалистам — меньшевикам и эсерам¹. И те и другие были искренними марксистами и социалистами, с ними были Плеханов и Засулич. Они хотели социализма для России, но «правильного», по-западному.

В Грузии красногвардейцы социалистического правительства, возглавляемого членом ЦК РСДРП Жорданией, расстреливали советские демонстрации. А лидер меньшевиков Аксельрод требовал «организации интернациональной социалистической интервенции против большевистской политики... в пользу восстановления политических завоеваний февральско-мартовской революции».

Таким образом, с начала XX века в России имело место параллельное развитие двух революций, стоящих на разных мировоззренческих основаниях. Меньшевики-марксисты считали Октябрь событием реакционным, *контрреволюцией*. Она была *реставрацией* цивилизационной траектории России (и даже реставрацией Российской империи). В этой оценке меньшевики были верны букве марксизма, прямо исходили из предвидений Маркса и Энгельса.

Российские либералы и марксисты-ортодоксы верно оценили и тот факт, что советская революция означала реставрацию и укрепление многих структур традиционного общества. М.М. Пришвин записал в дневнике 29 апреля 1918 г.: «Новое революции, я думаю, состоит

---

¹ Эсеры и объявили Советам Гражданскую войну, а подполковник Каппель был их первым командиром (его, *социалиста-революционера*, теперь с воинскими почестями и хоругвями хоронят в Москве).

только в том, что она, отменяя старое, этим снимает за-слон от вечного, древнего»¹. Этим они сделали важный вклад в советский запас «неявного знания» (из верности марксизму его нельзя было использовать открыто, что сильно повредило советскому обществоведению).

Один из лидеров Бунда М. Либер (Гольдман) писал в 1919 г.: «Для нас, «непереучившихся» социалистов, не подлежит сомнению, что социализм может быть осуществлен прежде всего в тех странах, которые стоят на наиболее высокой ступени экономического развития — Германия, Англия и Америка... Между тем с некоторого времени у нас развилась теория прямо противоположного характера. Эта теория не представляет для нас, старых русских социал-демократов, чего-либо нового; эта теория развивалась русскими народниками в борьбе против первых марксистов... Эта теория очень старая; корни ее — в славянофильстве» (цит. в [19, с. 294]). И меньшевики, и эсеры верно указали на тот факт, что представления Ленина о русской революции означали отход от марксизма к концепции народников. Эсер Чернов писал в эмиграции: «Русские народники-максималисты пророчески предвосхитили в своих фантазиях едва ли не все крупнейшие большевистские эксперименты».

На Западе оценки были еще жестче. Пауль Шиман, развивая мысль К. Каутского, писал: «Духовная смерть, внутреннее окостенение, которое было свойственно народам Азии в течение тысячелетий, стоит теперь призраком перед воротами Европы, закутанное в мантию клочков европейских идей. Эти клочки обманывают сде-

---

¹ Здесь есть аналогия с революцией Мэйдзи в Японии (сами японцы чаще называют ее *реставрацией Мэйдзи*). Там проект модернизации страны опирался на реставрацию социальных контрактов между общинами ремесленников и крестьян с кланами самураев, принятых в XI веке.

лавшийся слепым культурный мир. Большевизм приносит с собой азиатизацию Европы» (цит. в [19, с. 288]).

Вторая трудность государственного строительства была порождена тем, что Советы с самого начала несли в себе идеал *прямой*, а не представительной демократии. В первое время создаваемые на заводах Советы включали в себя всех рабочих завода, а в деревне Советом считали сельский сход. Впоследствии постепенно и с трудом Советы превращались в представительный орган, но при этом они сохранили *соборный* принцип формирования. За образец брали (скорее всего, неосознанно) Земские соборы Российского государства XVI—XVII веков, которые собирались, в основном, в критические моменты¹. Депутатами Советов становились не профессиональные политики, а люди из «гущи жизни» — в идеале, представители всех социальных групп, областей, национальностей. С точки зрения парламентаризма выглядит нелепостью «подбор» состава Советов по полу, возрасту, профессиям и национальностям. Но когда корпус депутатов состоит не из профессионалов, а из тех, кто знает все стороны жизни на личном опыте, тоже возникает дееспособная власть, хотя иного типа².

---

¹ Слово «собор» — перевод греческого слова *ekklesia*, что значит собрание и церковь. Земские соборы созывались не для того, чтобы принимать конкретные решения, а чтобы «найти истину» — определить или одобрить путь государства.

² Соборный характер был присущ уже первой Государственной думе 1906 года, она несла в себе не только парламентское, но и советское начало. Выборы в нее были неравными и многоступенчатыми (для крестьян — четырехступенчатыми), их бойкотировали большевики, эсеры и многие крестьянские и национальные партии. Тем не менее около 30% депутатов (из 450) были *крестьянами и рабочими* — намного больше, чем в парламентах других европейских стран. Например, в английской палате общин в то время было 4 рабочих и крестьянина, в итальянском парламенте — 6, во французской палате депутатов — 5, в германском рейхстаге — 17.

В парламенте собираются политики, представляющие конфликтующие интересы разных групп, а Совет исходит из идеи *народности*. Отсюда — разные установки и процедуры. Парламент ищет не более чем приемлемое решение, точку равновесия сил. Совет же «ищет правду» — то решение, которое как бы скрыто в народной мудрости. Потому и голосование в Советах носило плебисцитарный характер: когда «правда найдена», это подтверждается единогласно. Конкретные же решения вырабатывает орган Совета — исполком.

В отличие от парламента, где победитель в «конкурентной борьбе» (голосовании) выявляется быстро, Совет, озабоченный поиском единства, подходит к вопросу с разных сторон, трактуя острые проблемы в завуалированной форме. Это производит впечатление расплывчатости и медлительности («говорильни») — особенно когда ослабевают механизмы согласования позиций. Для тех, кто после 1989 г. мог наблюдать параллельно дебаты в Верховном Совете СССР (или РСФСР) и в каком-нибудь западном парламенте, разница казалась ошеломляющей.

Риторика Совета, с точки зрения парламента, кажется странной. Парламентарий, получив мандат от избирателей, далее опирается лишь на свои знания и компетентность. Депутат Совета подчеркивает, что он — выразитель *воли народа* (или его локальной части). Поэтому в Советах часто повторяется фраза: «Наши избиратели ждут...» (этот пережиток сохранился в Госдуме РФ даже через десять лет после ликвидации советской власти). В Советах имелаась ритуальная, невыполнимая норма — исполнять «наказы избирателей». Их, как считалось, депутат не имел права ставить под сомнение (хотя ясно, что наказы могли быть взаимно несовместимы).

В практике Советы выработали систему приемов, которые в конкретных условиях советского общества

были устойчивой и эффективной формой государственности. Как только само это общество дало трещину и его структура стала перестраиваться, недееспособными стали и Советы, что в полной мере проявилось уже в 1989—1990 гг.

Государство строится и действует в рамках определенной политической системы. В этой системе органы и учреждения государства дополнены *общественными* организациями. Главные общественные организации советской системы возникли до революции 1917 г., но затем их совокупность менялась. Главным изменением было становление *однопартийной* системы — по мере того, как союзные и вначале даже коалиционные левые партии переходили в оппозицию к большевикам. Идея единства довлела во всех политических движениях. Рядовые эсеры и меньшевики быстро «перетекли» в РКП(б), а лидеры эмигрировали, были сосланы или арестованы в ходе политической борьбы.

В литературе нередко дело представляется так, будто превращение партии в скелет всей системы и ее сращивание с государством — реализация сознательной концепции, возникшей из-за того, что политически незрелые и малограмотные депутаты рабочих и крестьянских Советов не могли справиться с задачами государственного управления. Необходимость в особом, не зависящем от Советов «скелете» диктовалась более глубокими причинами.

Лозунг «Вся власть Советам!» отражал крестьянскую идею «земли и воли» и нес в себе большой заряд *анархизма*. Возникновение множества местных властей, не ограниченных «сверху», буквально рассыпали на мириады «республик». Советы вначале не были ограничены и рамками закона, ибо, имея «*всю власть*», они в принципе могли менять законы. Вот пример местного законотворчества, которое действовало до принятия в июле 1918 г. первой Конституции РСФСР. 25 мая 1918 г.

Елецкий Совет народных комиссаров постановил «передать всю полноту революционной власти двум народным диктаторам, Ивану Горшкову и Михаилу Бутову, которым отныне вверяется распоряжение жизнью, смертью и достоянием граждан» («Советская газета». Елец. 1918. 28 мая. № 10. С. 1).

Чтобы на основе Советов восстановить *государство*, была нужна обладающая непререкаемым авторитетом сила, которая была бы включена во все Советы и в то же время следовала бы не местным, а общегосударственным установкам и критериям. Такой силой стала *партия*, игравшая роль «хранителя идеи» и высшего арбитра, но не подверженная критике за конкретные ошибки и провалы.

В процессе легитимации власти в идеократическом государстве партия была необходима как хранитель и толкователь благодати. Поэтому она имела совсем иной тип, нежели партии западного гражданского общества, конкурирующие на «политическом рынке». Партия была особым «постоянно действующим» *собором*, представляющим все социальные группы и сословия, все национальности и все территориальные единицы. Внутри этого собора и происходили согласования интересов, нахождение компромиссов и разрешение или подавление конфликтов — координация всех частей государственной системы. Понятно, что в партии соборного типа, обязанной демонстрировать единство как высшую ценность, не допускалась фракционность, естественная для «классовых» партий.

Именно партия, членами которой в разные годы были от 40 до 70% депутатов, соединила Советы в единую государственную систему, связанную как иерархически, так и «по горизонтали». Значение этой связующей роли партии наглядно выявилось в 1990 г., когда она была законодательно изъята из полномочий КПСС.

Разработка этой концепции была важным шагом в

развитии знания о власти в незападных обществах¹. Стремление имитировать демократию западного типа привело к тому, что это знание было вытеснено из общественного сознания в СССР 70—80-х годов. Утрата этого знания привела к катастрофическому кризису государственности, когда «скелет» был буквально выдернут из политической системы СССР.

После ликвидации СССР философ Э.Ю. Соловьев рассуждал: «Сегодня смешно спрашивать, разумен или неразумен слом государственной машины в перспективе формирования правового государства. Слом произошел... Достаточно было поставить под запрет (т.е. политически ликвидировать) правящую коммунистическую партию. То, что она заслужила ликвидацию, не вызывает сомнения. Но не менее очевидно, что государственно-административных последствий такой меры никто в полном объеме не предвидел... Дискредитация, обесценивание, а затем запрет правящей партии должны были привести к полной деструкции власти. Сегодня все выглядит так, словно из политического тела выдернули нервную систему. Есть головной мозг, есть спинной мозг, есть живот и конечности, а никакие сигналы (ни указы сверху, ни слезные жалобы снизу) никуда не поступают. С горечью приходится констатировать, что се-

---

¹ Позже это познанное на опыте правило было обобщено в теории систем. Изучая управление крупными системами (государственными учреждениями или корпорациями), Ст. Бир показал, что они устойчиво функционируют лишь в том случае, если имеется «внешнее дополнение», «говорящее» на ином языке, чем эти системы, причем на языке высшего порядка. Иными словами, систему должна «пронизывать» организация, созданная на иных основаниях и следующая иным, не подчиненным данной системе критериям. Именно эти функции в Советском государстве выполняла КПСС. Специалистам по системному анализу еще в 70-х годах это было прекрасно известно и принималось как очевидность. КПСС была не частью «государственной машины», а *внешним дополнением* к ней — организацией, говорящей на ином, нежели государство, языке.

годня — после внушительного рывка к правовой идее в августе 1991 г. — мы отстоим от реальности правового государства дальше, чем в 1985 г.» [115].

Философ кривит душой или расписывается в своей полной профессиональной несостоятельности. Он прячется за словом *никто*, говоря, что якобы не предвидели катастрофических последствий «выдерживания нервной системы» из тела государственной власти до создания хотя бы «шунтирующего» механизма. Это неправда, последствия именно предвидели и о них предупреждали реформаторов. Эти последствия настолько хорошо изучены и в истории, и в социальной философии, что результат можно было считать теоретически предписанным.

В практике государственного строительства ленинской группировке в 1918—1921 гг. удалось добиться сосредоточения реальной власти в центре с таким перевесом сил, что вплоть до 70-х годов власть этнических и местных элит была гораздо слабее центра. Здесь и формирование системы неофициальной власти партии, подчиненной центру, и полное подчинение центру прокуратуры и карательных органов, и создание унитарной системы военной власти, «нарезающей» территорию страны на безнациональные военные округа, и политика в области языка и образования.

В годы индустриализации ВКП(б) стала массовой, а в 70-е годы включала в себя около 10% взрослого населения. Главным способом воздействия партии на деятельность государства был установленный ею контроль над кадровыми вопросами. Уже в конце 1923 г. стала создаваться система *номенклатуры* — перечня должностей, назначение на которые (и снятие с которых) производилось лишь после согласования с соответствующим партийным органом. В номенклатуру стали включаться и выборные должности, что было, разумеется, явным нарушением официального права.

В условиях острой нехватки образованных кадров и огромной сложности географического, национального и хозяйственного строения страны номенклатурная система имела большие достоинства. Она подчиняла весь госаппарат единым критериям и действовала почти автоматически. Это обусловило необычную для парламентских систем эффективность Советского государства в экстремальных условиях индустриализации и войны. Важным в таких условиях фактором была высокая степень *независимости* практических руководителей от местных властей и от прямого начальства. Эта «защищенность» побуждала к инициативе и творчеству — если только они соответствовали главной цели.

Что в номенклатуре будут возрождаться сословные притязания, а эффективность системы будет снижаться, было ясно уже в 20-е годы, об этом предупреждал Ленин, а потом и Сталин. Однако пока система работала удовлетворительно, заниматься ее перестройкой в чрезвычайных условиях было бы неразумно — эта задача легла на плечи поколения 60—70-х годов, но решена не была, что в 80-е годы имело самые тяжелые последствия.

Процессы, происходящие после ликвидации какой-то структуры, дают важное знание. Опыт 90-х годов показал, что сама по себе ликвидация номенклатурной системы (в 1989 г.) не сделала назначение государственных чиновников ни более открытым, ни более разумным. Скорее — наоборот. Поэтому критика номенклатурной системы как вырванного из контекста частного механизма имела сугубо идеологический смысл и не позволила извлечь уроки.

Очень многие решения советской власти так органично вошли в жизнь, что быстро стали казаться «естественными». К ним привыкли, как будто «это так и должно быть». Такое ощущение складывалось потому, что рациональный анализ реальности при выработке

таких решений сочетался с интенсивным привлечением традиционного знания и знания, систематизированного в религии. Это и было ключом к тому, чтобы за расхожими мнениями распознать чаяния народа. «Естественность» множества таких решений отвлекла последующие поколения от изучения их генезиса, в то время как он сам по себе представляет ценное знание.

Вот одно из таких решений, за которым А.С. Панарин видит целый ряд важных установок и пластов «знания власти», актуальных для России сегодня. Он пишет: «Почему Сталин, отвергнув проект «чисто марксистского» образования, позаботился о том, чтобы классическая русская литература стала одним из основных предметов советской школы, на котором основывалось не только образование, но и идейное воспитание юношества? Почему советское коммунистическое государство стало издавать миллионными тиражами Толстого, Достоевского, Чехова при всех известных идеологических «грехах» этих классиков отечественной литературы? Наверное, потому, что Сталин принадлежал... к плеяде российских державников, знающих подлинные духовные основания державности» [95].

Панарин дает свое развернутое объяснение, а здесь мы только заметим, что это решение было отнюдь не тривиальным. Достаточно вспомнить, что в конце XIX века Пушкина не было в школьном курсе русской словесности. Целый ряд особенностей делал классическую русскую литературу исключительно эффективным инструментом для «сборки» именно советского народа и советской державности, какими они виделись в проекте. В этой литературе как «генераторе социальных форм» не было необходимости у царского правительства, нет ее и у правящих кругов нынешней России. В этих проектах русская классическая литература — принадлежность узкого круга.

Предвидение и проектирование будущего

Важной частью знания будущей советской власти была *апокалиптика* русской революции, выраженная в трудах политических и православных философов (например, в сборниках «Вехи» и «Из глубины»), в литературе Достоевского, Толстого и Горького, в поэтической форме стихов, песен и романсов Серебряного века и 20-х годов. Откровения художественного творчества — исключительно важный для власти источник знания. Они содержат предчувствия, которые часто еще невозможно логически обосновать. Георгий Свиридов писал в своих «Записках»: «Художник различает свет, как бы ни был мал иной раз источник, и возглашает этот свет. Чем более он стихийно одарен, тем интенсивней он возглашает о том, что видит этот свет, эту вспышку, протуберанец. Пример тому — великие русские поэты: Горький, Блок, Есенин, Маяковский, видевшие в Революции свет надежды, источник глубоких и благотворных для мира перемен».

Другой корпус знания — книги, статьи, речи и документы оперативной работы самих политиков всех направлений. Здесь предвидение часто присутствует неявно, как фон для суждений по актуальным проблемам.

В создании образа будущего надежда на избавление всегда сопровождается *эсхатологическими* мотивами. К Царству добра ведет трудный путь борьбы и лишений, гонения и поражения, возможно, катастрофа Страшного суда (например, в виде революции — «и последние станут первыми»). Будучи предписанными в пророчестве, тяготы пути не подрывают веры в неизбежность обретения рая, а лишь усиливают ее.

Не раз отмечалось, что странная концепция Маркса об «абсолютном обнищании пролетариата» по мере развития производительных сил при капитализме явно противоречила и исторической реальности, и логике. Но

в его апокалиптике такое страдание пролетариата перед Страшным судом революции было необходимо.

Эсхатологическое восприятие времени, которое предполагает избавление в виде катастрофы, разрыва непрерывности, с древности порождало множество историй с ожиданиями «конца света» и желанием приблизить его. Но как норму — именно принятие страданий как оправданных будущим избавлением. В революционной лирике этот мотив очень силен. Читаем у Брюсова:

Пусть гнал нас временный ущерб
В тьму, в стужу, в поражения, в голод:
Нет, не случайно новый герб
Зажжен над миром — Серп и Молот.

Дни просияют маем небывалым,
Жизнь будет песней; севом злато-алым
На всех могилах прораствут цветы.

Пусть пашни черны, веет ветер горный;
Поют, поют в земле святые корни, —
Но первой жатвы не увидишь ты.

Корнями апокалиптика русской революции уходит в иное мировоззрение, нежели иудейская апокалиптика (и лежащие в ее русле пророчества Маркса). В ней приглушен мотив разрушения «мира зла» ради строительства Царства добра *на голом месте*. Скорее будущее видится как нахождение утраченного на время града Китежа, как преображение через очищение добра от наслоений зла, произведенного «детьми Каина». Таковы общинный и анархический хилиазм Бакунина и народников, наказов крестьян в 1905—1907 гг., социальные и евразийские «откровения» Блока, крестьянские образы будущего земного рая у Есенина и Клюева, поэтические образы Маяковского («Через четыре года здесь будет город-сад»). Этому видению будущего противостоял прогрессизм и либерализма, и классического марксизма. Становление советского «общества знания» — поучительная война альтернативных «образов будущего».

Проективное знание власти в первые десятилетия СССР развивалось в интенсивных дискуссиях.

Первое большое столкновение произошло по вопросу о том, может ли в России победить социалистическая революция без предварительной революции пролетариата развитых промышленных стран. Речь шла об одной из центральных догм марксизма. Она была столь важна для всей конструкции учения Маркса, что он считал «преждевременную» революцию в России, выходящую за рамки буржуазно-демократической, явлением *реакционным*.

Но Ленин еще в августе 1915 г. высказал мысль: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих, или даже в одной, отдельно взятой капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран» [70].

Этот вывод также был «еретическим бунтом» против марксизма. Уже в «Немецкой идеологии», которая была сжатым резюме всей доктрины марксизма, Маркс и Энгельс отвергали саму возможность социалистической революции, совершенной угнетенными народами в «отставших» западных странах. Они писали: «Коммунизм эмпирически возможен только как действие господствующих народов, произведенное «сразу», одновременно, что предполагает универсальное развитие производительной силы и связанного с ним мирового общения... Пролетариат может существовать, следовательно, только во всемирно-историческом смысле, подобно тому, как коммунизм — его деяние — вообще возможен лишь как «всемирно историческое» существование» [78].

Отсюда прямо вытекал вывод, что согласно учению марксизма коммунистическая революция в России была невозможна по следующим причинам:

- русские не входили в число «господствующих народов»;
- Россия не включилась в «универсальное развитие производительной силы» (то есть в единую систему западного капитализма);
- русский пролетариат еще не существовал «во всемирно-историческом смысле», а продолжал быть частью общинного крестьянского космоса;
- господствующие народы еще не произвели пролетарской революции «сразу», одновременно.

Ни одно из условий, сформулированных Марксом и Энгельсом как необходимые, не выполнялось к моменту созревания русской революции.

Более того, развивая свою теорию пролетарской революции, Маркс в разных контекстах подчеркивает постулат глобализации капитализма, согласно которому капитализм должен реализовать свой потенциал во всемирном масштабе — так, чтобы весь мир стал бы подобием одной нации. Он пишет в «Капитале»: «Для того чтобы предмет нашего исследования был в его чистом виде, без мешающих побочных обстоятельств, мы должны весь торгующий мир рассматривать как одну нацию и предположить, что капиталистическое производство закрепилось повсеместно и овладело всеми отраслями производства» [77].

Тезис Ленина о возможности победы социализма в одной стране не был туманным пророчеством. Он вытекал из *знания*, полученного строгим анализом реального развития капитализма не как равномерного распространения во всемирном масштабе, а как неравновесной системы центр—периферия. Этот анализ представлен в работе «Империализм как высшая стадия капитализма». Из него вытекало, что русским трудящимся нет смысла

ждать революции «господствующих народов», поскольку они совместно со своей буржуазией эксплуатируют пролетариат периферии. И Ленин осознанно утверждал, что Россия станет социалистической без всемирной пролетарской революции.

В одной из последних работ, 6 января 1923 г. он пишет: «Нам наши противники не раз говорили, что мы предпринимаем безрассудное дело насаждения социализма в недостаточно культурной стране. Но они ошиблись в том, что мы начали не с того конца, как полагалось по теории (всяких педантов), и что у нас политический и социальный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, перед лицом которой мы все-таки теперь стоим. Для нас достаточно теперь этой культурной революции, чтобы оказаться вполне социалистической страной» [669].

Предметом предвидения здесь был стратегический вопрос национальной повестки дня России-СССР. Позиции стали радикальными, Троцкий писал в 1922 г. в книге «Наша революция»: «Без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру. В этом нельзя сомневаться ни минуты».

С 1924 г. концепцию строительства социализма в одной стране стал систематически развивать Сталин, вытесняя из руководства партии тех, для кого «всемирная пролетарская революция» была необходимым условием для социализма в СССР. В своих предвидениях правы были Ленин и Сталин, их знание было полнее и надежнее. Для XX века существование СССР в течение 70 с лишним лет — это несколько исторических периодов. Никакого отношения к гибели СССР задержка пролетарской революции на Западе не имела.

Второй узел противоречий относительно образа бу-

дущего России был связан с выбором цивилизационной траектории. Это было продолжение того же раскола, который разделил большевиков и меньшевиков после революции 1905 года. Речь шла об отношении к крестьянству и его требованию национализации земли. За этим стояли разные представления о модернизации — или с опорой на структуры традиционного общества, или через культурную революцию как демонтаж этих структур. Представления крестьян о благой жизни (образчаемого царства справедливости) были подробно изложены крестьянами в годы революции, и перед социал-демократами стоял вопрос — принять их или следовать установкам марксизма.

На IV (объединительном) съезде РСДРП Ленин предложил принять требование национализации земли, которое было крестьянским лозунгом революции 1905 г. Это было настолько несовместимо с догмами социал-демократии, что против Ленина выступили не только меньшевики, но и почти все большевики. Сам Плеханов так понял поворот Ленина: «Ленин смотрит на национализацию [земли] глазами социалиста-революционера. Он начинает даже усваивать их терминологию — так, например, он распространяется о пресловутом народном творчестве. Приятно встретить старых знакомых, но неприятно видеть, что социал-демократы становятся на народническую точку зрения».

После Гражданской войны эта полемика продолжилась в среде большевиков. Характерно резкое неприятие Н.И. Бухариным поэтических образов будущего у Блока и Есенина. Бухарин верно определяет несовместимость прозрения Блока с антропологией марксизма: «С великой болью Блок угадывал по вечерним кровавым закатам и грозовой атмосфере грядущую катастрофу и надеялся, что революционная купель, быть может, приведет к новой братской соборности... Но разве эта опоэтизированная идеология, эти образы, эти поиски

внутреннего, мистического смысла революции лежат в ее плане?.. Это воспевание новой расы, азиатчины, самобытности, скифского мессианства, очень родственное философской позиции Блока, не напоминает ли оно некоторыми своими тонами и запахами цветов евразийства?» [20].

Так же верно оценил Бухарин несовместимость с марксистской апокалиптикой «производительных сил» есенинского образа светлого будущего — где «избы новые, кипарисовым тесом крытые», где «дряхлое время, бродя по лугам, сзывает к мировому столу все племена и народы и обносит их, подавая каждому золотой ковш, сыченою брагой». По словам Бухарина, «этот социализм прямо враждебен пролетарскому социализму» [20, с. 257].

По сути, фракционная борьба в советском политическом руководстве отражала вопрос о выборе цивилизационного пути, который даже после победы в Гражданской войне не был «снят». Та борьба, которую «классовики» вели в годы НЭПа против лозунга «лицом к деревне» или в Пролеткульте, продолжала конфликт, вызванный Апрельскими тезисами. Тогда Горький писал: «Когда в 17-м году Ленин, приехав в Россию, опубликовал свои «тезисы», я подумал, что этими тезисами он приносит всю ничтожную количественно, героическую качественно рать политически воспитанных рабочих и всю искренно революционную интеллигенцию в жертву русскому крестьянству» [34].

А вот кусочек из письма Горького Бухарину во время НЭПа (13 июля 1925 г.): «Надо бы, дорогой товарищ, Вам или Троцкому указать писателям-рабочим на тот факт, что рядом с их работой уже возникает работа писателей-крестьян и что здесь возможен, — даже, пожалуй, неизбежен конфликт двух «направлений». Всякая «цензура» тут была бы лишь вредна и лишь заострила бы идеологию мужикопоклонников и деревнелюбов, но

критика — и нещадная — этой идеологии должна быть дана теперь же. Талантливый, трогательный плач Есенина о деревенском рае — не та лирика, которой требует время и его задачи, огромность которых невообразима... Город и деревня должны встать — лоб в лоб. Писатель рабочий обязан понять это» (см. [46]).

Важная и большая работа по анализу и проектированию будущего велась в советском «обществе знания» в процессе организации Третьего интернационала — в дискуссии как с западными социал-демократами, так и с коммунистами Запада и Востока. Речь шла о двух больших мировых проектах движения к справедливому и солидарному обществу — о социал-демократии и коммунизме. То знание, которое было получено по этому вопросу в 20—30-е годы, актуально для России сегодня — как для общества, так и для власти. Вкратце и грубо, главные выводы были таковы.

Огромная разница сути двух проектов передавалась уже семантически. Социальный — значит *общественный* (от слова *социум* — общество). А коммунистический — значит *общинный* (от слова *коммуна* — община). Конечно, над главными, исходными философскими основаниями любого большого движения наслаивается множество последующих понятий и доктрин. Но для проникновения в суть полезно раскопать изначальные смыслы.

Маркс, указав Европе на *призрак коммунизма*, подчеркивал его трансцендентный характер, видел не просто принципиальное, но «потустороннее» отличие коммунизма от социализма. Призрак, как тень отца Гамлета, ставит «последние» (по выражению Достоевского) вопросы, не давая на них ответов. Во время перестройки ее идеологи не без оснований уподобляли весь советский проект *хилиазму* — ереси раннего христианства, предполагающей возможность построения Царства Божия на земле.

Вступление в коммунизм — завершение огромного цикла цивилизации, в известном смысле конец «этого» света, «возврат» человечества к коммуне. То есть к жизни в общине, в семье людей, где преодолено отчуждение, порожденное собственностью. Социализм же — всего лишь экономическая формация. Здесь разумно, с большой долей солидарности устроена совместная жизнь людей — но не как в семье. «Каждому по труду» — принцип не семьи, а общества (кстати, главная его справедливость заключается в том, что «от каждого — по способности»).

Как известно, рациональный Запад за призраком не погнался, а ограничил себя социал-демократией. Ее лозунг: «движение — все, цель — ничто!». Уже здесь — мировоззренческое отличие от коммунизма, которое вытекает из разного понимания времени. Время коммунистов — цикличное, мессианское. Это значит, что в ощущении времени предчувствуется *избавление (преображение)*, переход в новое состояние. Такое время устремлено к некоему идеалу — светлому будущему. Напротив, время социал-демократов — *линейное*, «ньютоновское». «Цель — ничто!».

Как говорилось, социал-демократов толкает в спину *прошлое*, а коммунистов притягивает *будущее*. История для социал-демократии не движение к идеалу, а уход от дикости, от жестокости родовых травм цивилизации капитализма — но без отрицания самой этой цивилизации. Это — постепенная гуманизация, окультуривание капитализма без его отказа от самого себя. Социал-демократия выросла там, где человек прошел через горнило Реформации. Она очистила мир от святости, от «призраков» и надежды на спасение души через братство людей. Демократия на Западе означала превращение общинного человека в индивида, который имел равное с другими право голоса («один человек — один голос»). Но он не имел *социальных* прав. Социал-демо-

кратия — движение к обществу, в котором индивид разделяется и социальными правами.

Огрубляя, обозначим, что коммунизм вытекает из идеи общины, а социал-демократия — из идеи общества. Социал-демократия уходит корнями в протестантизм, а коммунизм — в раннее христианство (к которому ближе всего Православие). Рабочее движение Запада, следуя принципам социал-демократии, завоевало многие социальные блага, которые вначале отрицались буржуазным обществом, ибо мешали Природе вершить свой суд над «слабыми». Хлебнув дикого капитализма, рабочие стали разумно объединяться и добиваться социальных прав и гарантий. Социал-демократия произвела огромную работу, изживая раскол между обществом и «расой отверженных», превращая благотворительность в социальные права. Только поняв, от чего она шла, можно в полной мере оценить гуманистический подвиг социал-демократов.

Но в России начинали совершенно с иной базы — с человека, который был проникнут солидарным чувством. Это иной культурно-исторический тип. Не было в России рабства, да и феодализм захватил небольшую часть России и на недолгое время, а капитализм быстро сник. Русский коммунизм исходит из совершенно другого представления о человеке, поэтому между ним и западной социал-демократией — пропасть. Но именно духовная, а не политическая.

Общинное сознание после Февраля 1917 г. и Гражданской войны потянуло назад (или слишком вперед) — к коммунизму. Индивида не получилось, ребенок в советское время рождался именно с коллективными правами как член общины, а личные права и свободы надо было требовать и завоевывать.

Решение о смене названия партии с РСДРП(б) на РКП(б) было признанием того факта, что революция в России пошла не по тому пути, какой предполагали рос-

сийские социал-демократы, — она не «проскочила» социал-демократию, а пошла по иной траектории, не проходя через страдания капитализма. Идея народников (пусть обновленная) победила в большевизме, как ни старался поначалу Ленин следовать за Марксом.

С 60-х годов, в условиях спокойной и все более зажиточной жизни, в умах заметной части горожан СССР начался отход от жесткой идеи коммунизма в сторону социал-демократии. Это явно наблюдалось в среде интеллигенции и управленцев, понемногу захватывая и квалифицированных рабочих. Для этого были объективные причины. Главная — глубокая модернизация России, переход к городскому образу жизни и быта, к новым способам общения, европейское образование, раскрытие Западу. Советская Россия могла бы это переболеть, но в условиях холодной войны не вышло. Идеологическая машина КПСС не позволила людям увидеть этот сдвиг и поразмыслить, к чему он ведет. Беда в том, что левая интеллигенция, вскормленная рационализмом Просвещения, оказалась равнодушна к фундаментальным, «последним» вопросам. А обществоведы не смогли внятно объяснить, в чем суть отказа от траектории коммунизма и перехода к социал-демократии, который обещал осуществить Горбачев.

Есть ли это условие для такого перехода в России сегодня? Это — едва ли не первый вопрос, на который должно дать ответ новое «общество знания».

Говоря обо всех этих дискуссиях, мы не обсуждаем здесь правоту или ошибочность той или иной позиции, речь идет о том, что в раннем советском «обществе знания» властная элита вела интенсивную дискуссию по проблеме образа будущего.

Напротив, советская элита конца XX века утратила инструменты и навыки для войны «образов будущего». Она не только проиграла эту войну, но и отравила общественное сознание внедренными нам вырожденными

образами-вирусами. Без преодоления этого дефекта в системе знания не выбраться из той экзистенциальной ловушки, в которую страна попала в 90-е годы, но преодоление идет очень медленно. Поражение этой части общественного сознания является системным.

Власть и знание в чрезвычайные периоды

Чрезвычайные периоды, кончаются ли они победой или поражением, дают очень ценную информацию о типе знания, которое генерирует и которым пользуется власть, и о социодинамике этого знания. Для проектирования нового российского «общества знания», строить которое придется из унаследованного от советской системы материала, изучать этот опыт надо обязательно. В принципе все этапы жизненного цикла советского строя были чрезвычайными, просто инерция сознания помешала нам оценить то напряжение сил, которого потребовала от СССР холодная война. Но, разумеется, самым наглядным является опыт Великой Отечественной войны и послевоенный восстановительный период.

Об этом времени написана большая литература, в том числе о том, какую роль в них играли разные составляющие «общества знания» (в частности, наука). Было бы очень полезно переработать эту литературу, дав системное представление именно о движении знания в чрезвычайных условиях советской системы.

В первой большой фазе развития советского «общества знания», до 60-х годов, это была система с исключительно высокой способностью к обучению. В ней доминировал и задавал тон культурно-исторический тип людей, которые были воспитаны русской революцией, в обстановке интенсивной духовной деятельности и необходимости непрерывно осмысливать новые ситуации, делать трудный выбор и принимать решения в условиях высокой неопределенности. Это был период повы-

шенной когнитивной активности всех поколений и всех социальных групп. Алгоритм интеллектуальной активности *мещанина*, идеалом которого является сохранение статус-кво, на тот период ушел в тень.

В 60—70-е годы, со сменой поколений и стабилизацией социального порядка, тип духовной деятельности и интеллектуальной активности изменился, все «утряслось» и произошла, по выражению Макса Вебера, «институционализация харизмы». Советское «общество знания» не справилось с задачей перехода к новой динамике без потери импульса. Сейчас, когда восстановление интенсивности и качества когнитивной активности и власти, и общества становится вопросом жизни и смерти государства, следует изучить опыт первой фазы советского периода. Выработанные тогда принципы и приемы работы «общества знания» в чрезвычайных условиях были найдены в рамках той же культуры, в ее фундаментальных чертах, что и сегодня. Эти принципы и приемы нам понятнее и доступнее, чем эффективные приемы «общества знания» США, Германии, Китая или Кубы — хотя и их, конечно, следует изучать и многому у них учиться.

Многие черты советского «общества знания», о которых идет речь, оформились уже в XIX веке, но были доработаны в социальных условиях советского строя (можно сказать, им были «обучены» массовые слои общества). Они связаны между собой, их можно излагать вразбивку, а системное представление требует еще исследований. Вот что можно выделить в первом приближении.

Первое качество — повышенный интерес и внимание к критическим точкам и пороговым явлениям. Это — стремление найти тот нервный узел проблемы (ту «иглоку Кощея»), развязав который можно сразу решить проблему, грубо, в главном. Это напряженное внимание к срывам непрерывности привело Менделеева к откры-

тию периодического закона, Вернадского к его биогеохимическим идеям, которые тогда казались прозрениями, к открытию цепных реакций и немыслимым экспериментам Н.Н. Семенова, к теориям горения и взрыва Ю.Б. Харитона и т.д. Это был особый взгляд на реальность, в нем было что-то от средневекового мышления — как будто преодолевалось разделение «субъект — объект». От доиндустриального мастера и донаучного мыслителя этот взгляд был перенесен и укоренился в индустриальном и научном обществе России фазы подъема.

Этот взгляд привился и в способе мысли и дела государственной власти и ее подсистем. Он ярко проявился в мышлении и планировании военного командования после того, как оно освоило рациональность самой совершенной по тем временам военной машины Германии. Ведь СССР начинал войну с командным составом, над сознанием которого довлела инерция представлений Первой мировой и Гражданской войн, а германская армия на полях Европы уже выработала парадигму войны другой эпохи. Скорость обучения и творческого развития парадигмы была у Красной армии исключительно высокой.

Во время Нюрнбергского процесса фельдмаршалу фон Паулюсу был задан вопрос: «Правда ли, что вы в дни, когда ваше отечество находилось в состоянии войны с советской Россией, читали лекции о стратегии в высшей военной академии противника?» Фон Паулюс ответил: «Советская стратегия оказалась настолько выше нашей, что я вряд ли мог понадобиться русским, хотя бы для того, чтобы преподавать в школе унтер-офицеров. Лучшее тому доказательство — исход битвы на Волге, в результате которой я оказался в плену, а также и то, что все эти господа сидят сейчас вот здесь на скамье подсудимых» (см. [64, с. 10—15]).

Заметим здесь, что когда «общество знания» нащупывало очередную критическую точку (подобно тому,

как Стаханов взглядом отыскивал такую точку в пласте угля), сигналы об этом по разным каналам шли в массовое сознание. Из него, «снизу» должны были исходить духовные импульсы, дававшие ощущение миссии служения народу тем, кто привлекался к решению проблемы. Вот пример. Организация разработки атомного оружия началась в СССР с 1942 года после того, как молодой физик Г.Н. Флеров, в тот момент фронтовой капитан, написал письмо Сталину о необходимости возобновить прерванные войной работы над атомной проблемой¹. Но быстро развернуть такую крупномасштабную программу было бы невозможно, если к этому не были бы готовы достаточно широкие круги общества.

Эта работа велась заранее. В «Правде» № 1 за 1941 г. помещен новогодний шарж Кукрыниксов — около елки самые прославленные люди страны: Шостакович, Шолохов, Капица... и молодые физики Флеров и Петржак, которые в мае 1940 г. открыли спонтанное деление урана. В том же номере стихи Семена Кирсанова:

Мы в Сорок первом свежие пласты
земных богатств лопатами затронем,
и, может, станет топливом простым
уран, растормошенный циклотроном.

И рисунки Кукрыниксов, и такие стихи просто так в новогоднем номере «Правды» не появлялись. Для этого требовалось *знание* власти. А накануне, 31 декабря 1940 г. целый подвал в газете «Известия» занимала статья под названием «Уран-235» [120].

Второе свойство «общества знания» того времени, далеко не тривиальное, — *ответственность*. Оно выражалось в том, что необходимость *решить* проблему (а не «сделать важный шаг в решении проблемы») при-

---

¹ Тогда же в записной книжке убитого партизанами немецкого офицера были найдены схемы и записи, наводящие на мысль о разработке атомной бомбы в Германии.

нималась как непреложная. Иными словами, в мысленном целеполагании решение проблемы (с доступными ресурсами) становилось *ограничением*, которое нельзя нарушить, а уж второстепенные параметры, вроде себестоимости или качества дизайна, оптимизировались в зависимости от средств и времени. Такая постановка вопроса создавала сильнейший мотив к *изобретениям*, а значит, и к обучению. Переложить ответственность было не на кого. Это общее положение резко ускорило движение знания. На каждом уровне общественной иерархии люди искали знания обо всех альтернативах решения проблем, а дальше изобретали способы, чтобы обойтись наличными ресурсами.

Выдающийся ученый XX века академик И.В. Петрянов-Соколов в своих выступлениях 80-х годов буквально призывал вникнуть в значение этого качества — *ответственности* — во взаимодействии всех подсистем «общества знания», и *культуры* этого взаимодействия. Сам он был участником решения очень большого числа научных и технических проблем, связанных с обороной и технологической безопасностью, интенсивно общался с инженерами, производственниками, военными и государственными деятелями. В 1985 г., на большом собрании в Доме союзов он рассказал, как в годы войны был командирован в Соликамск, где вышла из строя очень сложная установка. Железная дорога была забита, и в Соликамск он прибыл только через десять дней. К его изумлению, установка уже работала — инженеры и рабочие сами докопались до сути и умно, творчески устранили поломку.

Они пошли на большой риск для себя лично, но это был риск разумный, потому что они действовали *умно* и *докопались до сути*. Как сказано в отчете о том собрании, «И.В. Петрянов-Соколов выразил большую обеспокоенность тем, что ценный и поныне полезный опыт

взаимодействия науки и производства в годы войны сегодня плохо изучается» [86].

Третье качество — привлечение, если возможно, для решения технических проблем самого фундаментального теоретического знания. Государственная система организации науки позволила с очень скромными средствами выполнить множество проектов такого типа. Примерами служат не только лучшие и оригинальные виды военной техники, такие как система реактивного залпового огня «катюша» и ракеты «воздух — воздух», создание кумулятивного снаряда, а потом и кумулятивных гранат, мин, бомб, резко повысивших уязвимость немецких танков¹, но и крупные научно-технические программы типа создания атомного оружия. Примеров даже небольших разработок, за которыми стояла высокая наука, множество. Так, благодаря новаторским расчетам математиков в СССР была сделана лучшая в мире каска с очень сложной кривизной поверхности, обеспечившей ее наилучшую отражательную способность.

Победы СССР в войне нельзя понять, если не учесть необычно интенсивного и эффективного участия ученых. Наука тогда буквально «пропитала» все, что делалось для войны. Президент АН СССР С.И. Вавилов писал: «Почти каждая деталь военного оборудования, обмундирования, военные материалы, медикаменты — все это несло на себе отпечаток предварительной научно-технической мысли и обработки».

Все участники этого процесса, от академиков до рабочих, продемонстрировали высокую культуру взаимо-

---

¹ Осенью 1941 г. остро встала проблема борьбы с танками. Исходя из новой гидродинамической теории (исследования М.А. Лаврентьева в теории струй) была выдвинута идея боеприпаса нового типа — кумулятивных снарядов и мин. Они были испытаны в мае 1942 г. и показали удивительную эффективность — пробивали броню, по толщине равную калибру орудия, а мины — даже броню толщиной 200 мм.

действия и коммуникативные нормы высшего качества. То, что им удалось сделать, поражает масштабами. Создали первую в мире автоматизированную линию агрегатных станков для обработки танковой брони — производительность труда сразу возросла в 5 раз. Институт электросварки АН УССР под руководством Е.О. Патона, эвакуированный в Нижний Тагил, в 1942 г. создал линию автоматической сварки танковой брони под флюсом, что позволило организовать поточное производство танков — общая производительность труда при изготовлении танков повысилась в 8 раз, а на участке сварки в 20 раз. Немцы за всю войну не смогли наладить автоматической сварки брони.

На основе развития теории баллистики и решения ряда математических проблем были улучшены методы проектирования артиллерийских орудий, способы стрельбы и живучесть артиллерийских систем. Были значительно улучшены дальнобойность, скорострельность, кучность стрельбы, маневренность, надежность в эксплуатации и мощность артиллерийского вооружения. Коллектив, возглавлявшийся В.Г. Грабиным, в начале войны создал лучшую в мире (по признанию союзников и германских экспертов) дивизионную пушку 76-мм калибра «ЗИС-3», причем снизил стоимость каждой пушки по сравнению с ее предшественницей в 3 раза, что позволило в достатке обеспечить армию этой пушкой. Была усовершенствована и реактивная артиллерия.

Благодаря трудам С.А. Христиановича, М.В. Келдыша и других были достигнуты высокие аэродинамические качества новых образцов самолетов, усилена их броня, вооружение, упрощена технология изготовления, что позволило значительно обогнать германские заводы по производительности. Конструкторы удвоили мощность авиационных моторов, не увеличив при этом их массу. За период войны было создано 23 типа мощ-

ных двигателей. Увеличился срок службы самолетов, снизилась их уязвимость в боях, упростилось управление ими. Появились совершенные для своего времени боевые машины. Они обеспечили господство в воздухе во второй половине войны [26].

Мобильность и эффективность советской научно-технической системы не укладывалась в западные стандарты. В 1939—1940 гг., показывая свою верность Пакту о ненападении, Германия продала СССР ряд образцов новейшей военной техники и новейших технологий. Гитлер разрешил это, получив от немецких экспертов заверения, что СССР ни в коем случае не успеет освоить их в производстве. Это было ошибкой.

Четвертое качество, которое базировалось на определенных принципиальных установках, можно назвать способностью мобилизовать «дремлющие» ресурсы низкой интенсивности. Это качество присуще хозяйству «семейного типа», которое вовлекает ресурсы, негодные для рынка (трудовые и материальные). Конечно, для этого требуется и тип социальных отношений, аналогичных семейным! Но даже если от них отказались, многому можно научиться на советском опыте.

Академик А.Л. Яншин рассказывает, что после оккупации Украины был утрачен главный источник марганца — Никопольское месторождение. Остался лишь марганец Чиатуры, но перевозка руды оттуда на Урал была затруднена. Было известно, что на Урале есть мелкие разрозненные вкрапления марганца, но их никогда не разрабатывали из-за ничтожных запасов. Теперь геологи решили срочно их разведать и разработать. В эти места с металлургических заводов отправлялась автоколонна с рабочими и геологами. Геологи отыскивали пятна руды, она вся выбиралась и той же автоколонной отправлялась на завод. Все делалось так быстро, что на Урале не произошло сбоев производства из-за отсутствия марганца [86]. Так же вели дело на

Алтае — создавали временные коллективы, включавшие от геологов и горняков до горнообогащителей и металлургов. Решения принимали прямо на месте, в течение суток, а то и часов. Находили руду, открывали рудник, все вместе работали на добыче. Объем металлургического производства был увеличен вдвое.

Вот еще типичный пример. Осенью 1942 г. промышленность осажденного Ленинграда стала испытывать острую нехватку смазочных материалов, которые производились из пищевых жиров. Найти им замену было поручено центральной лаборатории Главнефтеснаба. Задача сначала показалась фантастической, но работу начали, взяв как сырье отходы производства авиационных масел. В лаборатории не было ни воды, ни электричества, ни отопления, ни специалистов. Вернулись оправившиеся от дистрофии два инженера и лаборантка, добыли полевою электростанцию на бензине, начали работать, искать катализаторы для окисления, конструировать реактор. Все это при частых бомбежках и артобстрелах. Горком ВКП(б) организовал изготовление оборудования на заводах города, и осенью 1944 г. началось товарное производство материалов, которые обеспечили промышленные предприятия смазочно-охлаждающими жидкостями и консистентными смазками. Позже из смеси «оксикислот», получаемых окислением углеводородов, стали получать аналог олифы, которая в больших масштабах использовалась при восстановлении Ленинграда. Развитие этого направления уже после войны привело к получению и ряда других ценных продуктов, производимых в крупных масштабах [128].

Это качество, которое на первый взгляд является антиподом предыдущего, в действительности есть его обратная сторона. «Примитивные» средства становятся ценным ресурсом именно постольку, поскольку сопряжены с ресурсами высшего класса, сконцентрированными на главном участке. Пусковые установки «ка-

тьюш» сваривали поначалу из трамвайных рельсов, но точность траектории ракеты с изменяющейся массой достигалась сложными и оригинальными математическими расчетами, которых математики противника не смогли воспроизвести. Другой пример: для замены ушедших на фронт рабочих на заводы пришло большое число женщин и подростков. Обучить их не было времени, и была предпринята большая программа автоматизации и замены дискретных технологических процессов поточными. Особенно трудоемким был контроль качества в массовом производстве (прежде всего боеприпасов). Этим занялись ученые АН СССР (Институт автоматики и телемеханики и Уральский филиал АН СССР). Было создано большое число автоматических и полуавтоматических станков и приборов, которые резко повысили производительность труда и снизили требования к уровню квалификации. Работы 1941—1942 гг. стали первым опытом широкой автоматизации массового производства.

Наконец, особым качеством «общества знания» того времени, которое и позволяло проявляться всем упомянутым выше, была такая система *движения знания*, которая позволяла буквально каждому участнику всенародного дела верно *понять* его конкретную задачу как часть этого общего дела. Более того, человек понимал необходимость делать свое дело *творчески*, и для этого ему разными способами делали доступным *знание*. Таково было положение и на фронте, и в тылу. Создание и поддержание такого положения было целеустремленной высокоорганизованной *работой*.

Небывалой в истории была в этом смысле операция по перебазированию на Урал и в Сибирь промышленности из европейской части СССР. Г.К. Жуков приравнял ее по масштабам и эффективности к крупнейшим битвам Второй мировой войны. В этой операции участвова-

ли десятки миллионов человек, в условиях самого трудного периода войны¹.

Не менее выдающимся по своей организации делом была эвакуация людей. Уже к началу 1942 г. в тыловые районы было вывезено 12,4 млн человек, 8 млн человек переместились летом 1942 г. Для эвакуации использовался непригодный транспорт, основная масса людей оказалась без зимней одежды и обуви, среди них было много истощенных и больных. Вокзалы и станции были переуплотнены, происходило массовое смешение эвакуированных со встречными воинскими контингентами. Теоретически, это должно было повести к *эпидемиологической катастрофе*. Требовались меры, небывалые даже для военных условий. Такие меры были приняты, и здесь для нас важно то, что в их реализации принимало участие множество людей самых разных ведомств и общественных организаций, а также из местных советских органов и колхозов. Результат тот, что за всю операцию по перемещению 20 млн человек не было ни одной эпидемии. При гораздо меньших масштабах перемещения людей во время Гражданской войны от эпидемий за 1918—1920 гг. умерло более 5 млн человек.

Вот одна важная для нашей темы деталь: во время эвакуации люди не пили сырой воды, на всех станциях и полустанках было организовано кипячение воды, и эвакуированные получали неограниченное количество кипятка. Чтобы наладить такую элементарную, но критически важную службу, требовалось ответственное и инициативное отношение множества людей невысокого ранга — при остром дефиците всех материальных средств. Миллионы людей в эшелонах были обеспечены

---

¹ На фоне этой операции кажется небольшой эвакуация почти всех научных институтов и вузов до Москвы включительно — с их библиотеками, научным оборудованием, материалами и сотрудниками. А ведь она была проведена всего за три месяца, и на новом месте НИИ и вузы сразу приступали к работе.

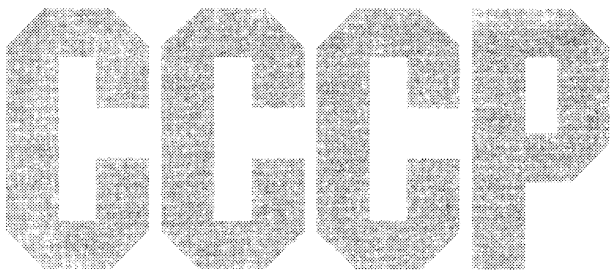

СССР — цивилизация будущего

пусть скудной, но регулярной горячей пищей на станциях. Это неоценимая поддержка их здоровью. Когда сегодня на московских вокзалах видишь бездомных и беспризорников рядом с бутиками, то вспоминаешь тот кипяток и горячий суп для эвакуированных.

Вообще, в условиях, когда основная масса врачей была мобилизована на фронт, страна прошла войну без эпидемий и большого повышения смертности от болезней. Только за 1941—1943 гг. было сделано 250 млн предохранительных прививок. Примерно двум с половиной миллионам детей была сделана противокоревая прививка. Помощь заболевшим приходила так быстро, а лечение было таким тщательным, что смертность всех пораженных инфекционными заболеваниями по стране составила в 1944—1945 гг. всего 5,1% (см. [2]). В СССР был достигнут самый высокий уровень возврата раненых и больных в строй (за время войны 72,3% раненых и 90,6% больных воинов). Все это — итог *общего дела*. Знание было в этом деле одним из ключевых компонентов.

Глава 8

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА: ОТ НЕДОМОГАНИЯ К КРИЗИСУ

«Незнание общества, в котором живем». Наша тема — становление, развитие и кризис советского «общества знания», из обломков которого начинается строительство «общества знания» постсоветской России. В качестве фона для обсуждения этой темы вкратце изложим развитие процессов, которые привели к общему кризису советской системы и ее краху в начале 90-х годов XX века.

Советский строй — это реализация цивилизационного **проекта**, рожденного Россией и лежащего в русле ее истории и культуры. Надо различать **советский проект** как представление о благой жизни, и **советский строй** как его воплощение на практике. Многие из проекта не удалось реализовать в силу исторических обстоятельств, многое удалось. И то, и другое надо понять. Советский строй проявил поразительную силу и стойкость при одних трудностях, слабость и хрупкость при других. Это дало большое знание о человеке, обществе и государстве.

Советский проект повлиял на все большие цивилизационные проекты XX века. Он помог зародиться социальному государству на Западе и демонтировать ко-

лониальную систему, на время нейтрализовал соблазн фашизма, дал многое для укрепления цивилизаций Азии.

Советский проект не исчерпал себя, не выродился и не погиб сам собой. У него были болезни роста, несоответствие ряда его институтов новому состоянию общества и человека. Был и момент кризиса, в ходе которого советская система была убита противником в холодной войне, хотя и руками «своих» — союзом трех сил советского общества: части номенклатуры КПСС, части интеллигенции («западников») и преступного мира. Из факта убийства не следует никаких выводов о порочности проекта в целом, он говорит лишь о том, что защитные системы советского строя оказались слабы.

Нет смысла давать советскому строю формационный ярлык — социализм, «казарменный феодальный социализм», государственный капитализм и т.д. Полезнее исходить из очевидной вещи: это было **жизнеустройство** со своим типом хозяйства, государства, межнационального общежития. Мы можем описать все институциональные матрицы этого жизнеустройства, составить профили структур повседневности — как питались люди, в каких домах жили, чем болели и чего боялись. Так получим образ системы в простых и жестких понятиях, пригодный для рационального изучения¹.

Каков генезис советского строя? Россия в начале XX века была **традиционным** (а не гражданским) обществом, хотя и в процессе быстрой **модернизации**. Русская революция 1905 г. была началом мировой революции, вызванной сопротивлением крестьянского традиционного общества против разрушающего действия капитализма. В Западной Европе эти «антибуржуаз-

---

¹ Пример такого описания дан в «Белой книге» об экономической реформе в России, содержащей данные о динамике 300 главных показателей демографии, производства и благосостояния населения с 1970 по 2007 г. [63].

ные» революции потерпели поражение, а на периферии победили или оказали большое влияние на ход истории. Это революции в России, Китае, Индонезии, Индии, Вьетнаме, Алжире, Мексике — по всему «незападному» миру.

«Зеркалом русской революции» был Лев Толстой, и Ленин дает ее новую трактовку, преодолевающую постулаты марксизма. Это идея о революциях, движущей силой которых является не устранение препятствий для господства «прогрессивных» производственных отношений капитализма, а *предотвращение* этого господства — стремление не пойти по капиталистическому пути развития.

После либеральной революции (февраль 1917 г.), ее подавления Октябрем и Гражданской войны «Февраля с Октябрем» восстановилось традиционное общество в облике СССР. Во многом оно было даже более традиционным, более общинным, чем до революции. Вот главные черты традиционного общества в приложении к СССР в оппозиции к «Западу». **Картина мира:** космос (а не открытое пространство) и цикличное (а не линейное) время. **Антропология:** человек общинный (а не «свободный индивид», *homo ecomoticus*). **Хозяйство:** «натуральное», то есть ради жизни (а не «рыночная экономика» ради прибыли). **Государство:** патерналистское идеократическое (а не либеральное, демократическое на западный манер). **Легитимация** строя: сверху, через общую идею справедливости (а не через «рынок голосов»). **Метафора общества:** *семья* (а не *рынок*).

Советская система сложилась в ходе революции, Гражданской войны, НЭПа, коллективизации и индустриализации 30-х годов, войны и послевоенного восстановления. На всех этих этапах выбор делался из очень малого набора альтернатив, коридор возможностей был очень узким. Давление обстоятельств было важнее, чем теоретические доктрины. Главными факторами выбора

были реальные угрозы, ресурсные возможности и культурная среда, заданная исторически. Надежным экзаменом всех подсистем советского строя стала война 1941—1945 гг.

Система хозяйства СССР была плохо описана и понята. Дискуссия о ее сути и категориях велась с 1921 г. вплоть до смерти Сталина. Но все же была принята политекономия социализма как «квазирыночной» системы. Она была сама по себе, хозяйство само по себе. Однако когда официальной догмой стала трудовая теория стоимости, из нее вытекало, что и в СССР работники производят прибавочную стоимость и являются объектом *эксплуатации*.

Советское хозяйство было эффективно по своим критериям. Оно покончило с массовыми социальными бедствиями и крайним неравенством в доступе к фундаментальным материальным и культурным благам, подняло быт и здоровье практически всего населения на современный уровень, обеспечило высокий уровень безопасности. Сложные товары, на которые работала вся экономика, по критерию «цена—качество» были в высокой степени конкурентоспособны (примеры: оружие, алюминий, лекарства, метро). Импорт продуктов был в СССР признаком благополучия, а не бедствия.

Мнение, будто СССР потерпел крах из-за кризиса его экономической системы, которую измотала гонка вооружений, *ошибочно*. По оценкам ЦРУ США, доля советских военных расходов в валовом национальном продукте (ВНП) постоянно снижалась. В начале 50-х годов она составляла 15% ВНП, в 1960 г. — 10%, в 1975 г. всего 6%. Но даже если исходить, как Горбачев, из вдвое большей оценки (которая признана в США «абсурдно завышенной»), то выходило бы, что на закупки вооружений до перестройки расходовалось в пределах 5—10% от уровня конечного потребления населения СССР. Это не могло быть причиной краха системы. Не сыграли

большой роли и колебания цен на нефть — прирост ВВП в СССР стабилизировался с середины 70-х годов на уровне 3—4% в год. Это стабильное развитие было более быстрым, чем в США, — разрыв в уровне материального богатства *сокращался*.

Из отношений собственности в СССР вытекал тип распределения с уравнительством — не только по труду, а и по едокам. Его механизмы: бесплатное жилье, медицина, образование, низкие цены на пищу, транспорт, культуру. Через эти каналы человеку давался минимум благ как члену общины (СССР). Он имел на это гражданское право, так как с общей собственностью каждый получал равные дивиденды. В 70—80-е годы СССР стал «обществом среднего класса», с симметричной и узкой кривой распределения людей по доходам. Базовые материальные потребности удовлетворялись в СССР лучше, чем этого можно было бы достигнуть при тех же ресурсных возможностях в условиях капитализма — хозяйство было очень экономным¹.

Предпосылки кризиса. Смерть Сталина стала концом важного этапа. Уходило поколение руководителей партии, которое выросло в «гуще народной жизни». Оно «знало общество, в котором мы живем» — не из учебников марксизма, а из личного опыта и опыта своих близких. Это знание в большой мере было неявным, неписа-

---

¹ Для понимания советского хозяйства важен тот эксперимент, который осуществляется начиная с 1989 года. Его декларированная цель — превращение советского хозяйства в *рыночную экономику*. В ходе этого эксперимента получен большой запас нового знания в области экономической теории — именно когда ломают какой-то объект, можно узнать его внутреннее устройство и получить фундаментальное знание. Доктрина реформ исходила из идеи слома советской системы. Кризис 90-х годов был порожден при демонтаже советского хозяйства, а не унаследован от СССР. Ликвидация плохо понятой плановой экономики, кем бы она ни была проведена, привела бы именно к этому результату — немного хуже, немного лучше в мелочах.

ным, но оно было настолько близко и понятно людям этого и предыдущих поколений, что казалось очевидным и неустрашимым. Систематизировать и «записать» его казалось ненужным — и оно стало труднодоступным.

Новое поколение номенклатуры уже не было детьми общинных крестьян, носителей и творцов самого духа советского проекта. В массе своей это уже были дети партийной интеллигенции первого поколения. Но и те, кто рекрутировался через комсомол из детей рабочих и крестьян, с детства воспитывался в школе, вузе, а потом в партийных школах и академиях так, что формальное знание вытесняло у них то неявное интуитивное знание о советском обществе, которое они еще могли получить в семье.

Беда была и в том, что обществоведение, построенное на истмате, представляет собой шедевр идеологического творчества — это законченная, крепко сбита конструкция, которая очаровывает своей простотой и способностью сразу ответить на все вопросы, даже не вникая в суть конкретной проблемы. Это квазирелигиозное строение, которое освобождает человека от необходимости поиска других источников знания и выработки альтернатив решений.

Инерция развития, набранная советским обществом в 30—50-е годы, еще два десятилетия тащила страну вперед по накатанному и в целом правильному пути. И партийная верхушка питала иллюзию, что она управляет этим процессом. В действительности те интеллектуальные инструменты, которыми ее снабдило обществоведение, не позволяли даже увидеть процессов, происходящих в обществе. Тем более не позволяли их понять и овладеть ими. Не в том проблема, какие ошибки допустило партийное руководство, а какие решения приняло правильно. Проблема была в том, что оно не обладало **адекватными средствами познания реаль-**

ности. Это как если бы полководец, готовящий большую операцию, вдруг обнаруживает, что его карта не соответствует местности, это карта другой страны.

Выход из «мобилизационного состояния» («сталинизма») в 50-е годы оказался сложной проблемой. Она была решена плохо и привела к череде политических кризисов. Одной из причин был дефицит теоретического знания о советской системе и нехватка обыденного знания у нового поколения элиты. Тяжесть этих внутренних кризисов была усугублена холодной войной и глубокими сдвигами в самом советском обществе (смена типа жизни и поколений).

С 60-х годов стал складываться целостный проект *ликвидации* советского строя. Основания для этого проекта имелись в русской культуре с середины XIX века — как в течении либералов-западников, так и марксистов. Эти основания были обновлены и развиты «шестидесятниками», а затем и тремя течениями диссидентов — социалистами-западниками (Сахаров), консервативными «почвенниками» (Солженицын) и патриотами-националистами (Шафаревич). В 70-е годы была определена технология, основанная на теории революции Антонио Грамши, — подрыв *культурной гегемонии* общественного строя силами интеллигенции через «молекулярную агрессию» в сознание.

Элита интеллигенции, в том числе партийной («номенклатура» КПСС), прошла примерно тот же путь, что и западные левые. Еврокоммунисты, осознав невозможность переноса советского проекта на Запад ввиду их цивилизационной несовместимости, совершают историческую ошибку, заняв антисоветскую позицию — отвергая советский строй и в самом СССР. Это приводит к краху их партий. Советские партийные интеллектуалы, осознав необходимость преодоления «первого» советского проекта — как дети преодолевают отцов, — также занимают антисоветскую позицию. Это приводит к

краху СССР (здесь мы не говорим о коррумпированной части номенклатуры).

Одной из причин кризиса советского строя, приведшего к перестройке, была неадекватность важных подсистем «общества знания». Это состояние Ю.В. Андропов определил так: «Мы не знаем общества, в котором живем»¹. А.Н. Яковлев сказал в интервью (май 1991 г.): «Серьезный, глубокий, по-настоящему научный анализ брежневизма — точнее, периода 60-х — середины 80-х годов — еще впереди, его даже не начинали» [138, с. 24].

Очевидно, академик Яковлев не имел рациональных оснований, чтобы давать категорические оценки советскому обществу за целый исторический период и даже требовать его уничтожения! Специалист обязан сначала изучить объект реформы, провести его «серьезный, глубокий, по-настоящему научный анализ». Это — элементарная норма современного «общества знания», и подобные ее нарушения, на которые никто не обращал внимания, говорят о кризисе когнитивной структуры политической элиты того времени.

В 70—80-е годы это состояние ухудшалось: незнание превратилось в непонимание, а затем и во враждебность, дошедшую в части элиты до крайней степени. Незнанием была вызвана и неспособность руководства выявлять назревающие в обществе противоречия и находить эффективные способы разрешать уже созревшие проблемы. Незнание привело и само общество к неспособности разглядеть опасность начатых во время перестройки действий по изменению устоев жизнеустройства, а значит, и к неспособности защитить свои кровные интересы.

---

¹ Буквально он сказал на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС следующее: «Если говорить откровенно, мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические».

Ситуацию держали кадры низшего звена — районные и городские комитеты, а также хозяйственные руководители. Как только Горбачев в 1989—1990 гг. нанес удар по партийному аппарату и по всей системе хозяйственного управления, разрушение приобрело лавинообразный характер. Неважно даже, почему он это сделал — по незнанию или действительно с целью ликвидации советского строя, как он утверждал позже.

Отрыв высшего слоя номенклатуры от реальности советского общества потрясал. Партийная интеллигенция верхнего уровня не знала и не понимала особенностей советского промышленного предприятия, колхоза, армии, школы. Начав в 80-е годы их радикальную перестройку, партийное руководство подрезало у них жизненно важные устои, как если бы человек, не знающий анатомии, взялся делать сложную хирургическую операцию.

Важно и то, что учебники исторического материализма, по которым училась партийная интеллигенция с 60-х годов (как и западная партийная интеллигенция), содержали скрытый, но мощный антисоветский потенциал. Люди, которые действительно глубоко изучали марксизм по этим учебникам, приходили к выводу, что советский строй «неправильный». Западные коммунисты пришли к такому выводу раньше и заняли антисоветскую позицию после 1968 г., однако подавление «пражской весны» уже было лишь поводом для разрыва, а не его причиной. Радикальная часть советской партийной интеллигенции пошла по стопам еврокоммунистов и уже в конце 60-х годов открыто заявляла, что советский строй — не социализм, а искажение всей концепции Маркса.

Созревала целая ветвь обществоведения, которую можно назвать «антисоветский марксизм». И это вовсе не означало, что эта часть партийной интеллигенции «потеряла веру в социализм» или совершила преда-

тельство идеалов коммунизма. Даже напротив, критика советского строя поначалу велась с позиций марксизма и с искренним убеждением, что она направлена на исправление дефектов советской системы, на приведение ее в соответствие с верным учением Маркса. Хотя и конструктивная критика была собрана и использована во время перестройки с антисоветскими целями.

Надо сказать, что в 30-е годы в СССР был создан **«вульгарный марксизм»** — учение Маркса было деформировано согласно идеологическим потребностям сталинизма. Но вопрос в том, зачем это было сделано и как это надо оценивать с точки зрения судьбы СССР. Начиная с 60-х годов было принято говорить, что вульгаризация марксизма привела к идейному застою и краху советской идеологии. Значит, это было во вред советскому строю. Сегодня дело видится иначе. Эта вульгаризация, начатая уже Лениным, была необходима для того, чтобы нейтрализовать или ослабить те положения марксизма, согласно которым советский строй («казарменный социализм») был реакционным явлением, регрессом по сравнению с капитализмом. Именно исходя из этих положений меньшевики в 1917—1918 гг. выступили против советской власти. Поскольку после Гражданской войны марксизм в СССР был взят за основу официальной идеологии — и нельзя было поступить иначе, — эти положения надо было «спрятать».

На них опирался Троцкий в борьбе против программы Сталина, но тогда до широких кругов интеллигенции это не доходило, потому что из марксизма люди знали только антибуржуазные и гуманистические лозунги. Индустриализация, война — людям было не до чтения Маркса, им было достаточно того, что говорит партия, ссылаясь на Маркса. Но в 60-е годы выросла массовая интеллигенция и появилось значительное число тех, кто стал копаться в сочинениях Маркса. Возникли кружки, в которых интеллигенты (причем больше из

естественных наук) изучали Маркса и даже Гегеля. Они выкапывали «спрятанные» вещи. Вульгаризация марксизма утрачивала свои защитные свойства.

Очевидно, что вульгаризация марксизма, на время сыгравшая защитную роль, нанесла советскому строю и большой вред. Граждане были не готовы к восприятию антисоветской струи в марксизме, и их парализовал поток антисоветских публикаций, написанных целиком на основании трудов Маркса. К тому же вульгаризация учения **коррумпировала** сообщество марксистов. Они как бы заключили с властью нечестную сделку и получили за это недопустимые льготы — стали кастой идейных надсмотрщиков над обществом, блокировали каналы информации, затруднили развитие теории советского строя. При этом сами они как будто получили моральное право на антисоветизм.

Критика «из марксизма» разрушала легитимность советского строя, утверждая, что вместо него можно построить гораздо лучший строй — истинный социализм. А поскольку она велась на языке марксизма, остальная часть интеллигенции, даже чувствуя глубинную ошибочность этой критики, не находила слов и логики, чтобы на нее ответить, — не было другого языка.

Таким образом, вульгаризация марксизма в СССР была необходима, чтобы сплотить общество в самый трудный момент (30—40-е годы), однако затем было столь же необходимо начать постепенную «девульгаризацию» и готовить (даже тренировать) интеллигенцию к большой дискуссии о капитализме, социализме, советском строе конца XX века и альтернативах будущего развития. Но эта задача даже не была поставлена. Руководство КПСС реально было не в состоянии пойти на такую рискованную программу, а «жрецы марксизма» были никак в этой программе не заинтересованы.

Перестройка и крах СССР обнаружили драматический и очень важный факт: из нескольких десятков ты-

сая профессиональных марксистов, которые работали в СССР, большинство перешло на сторону антисоветских сил. Перешло легко, без всякой внутренней драмы. Всех этих людей невозможно считать аморальными. Следовательно, их профессиональное знание марксизма не препятствовало такому переходу, а способствовало ему. Они верно определили — советский строй был «неправильным» с точки зрения марксизма. Значит, марксист обязан способствовать тому, чтобы Россия «вернулась» в капитализм, исчерпала его потенциал для развития производительных сил, а затем приняла участие в «правильной» пролетарской революции. Сейчас большинство, видимо, разочаровалось в этой иллюзии, но дело сделано.

Религиозный философ В.В. Розанов сказал, что российскую монархию убила русская литература. Это гипербола, но в ней есть зерно истины. По аналогии можно сказать, что советский строй убила Академия общественных наук при ЦК КПСС и сеть ее партийных школ.

Кризис мировоззрения 70—80-х годов. Крах СССР поражает своей легкостью и внезапностью. Но эти легкость и внезапность кажущиеся. Обществоведение (и марксистское, и буржуазное) проникнуто механицизмом и экономицизмом, оно видит только действие грубых сил (борьбу классов или экономических интересов). Процессы, происходящие в сфере общественного сознания, выпадают из поля зрения. Они слишком тонкие и слабые для инструментов этого обществоведения.

Кроме того, марксистское и буржуазное обществоведение говорит на языке, которым нельзя описать «неправильное» идеократическое общество. Гражданское общество Запада укреплено «молекулярной» поддержкой интересов — миллионы индивидов непрерывно считают и пересчитывают свои интересы и никогда не позволяют политикам ломать и перестраивать их жизненное устройство, если это им невыгодно. В идеократическом

обществе достаточно, чтобы в массовом сознании возникла мысль **«живем не по правде»**, и политический режим рухнет. Так рухнула монархическая Российская империя в феврале 1917 г., так же рухнуло Советское государство в 1991 г.

Мысль «живем не по правде» может быть внедрена противником в ходе информационно-психологической войны, если внутри страны возникла влиятельная группа сторонников противника. Так оно и было в 80-е годы в СССР. Но это — фактор второго порядка. Ведь всегда есть противник, почти всегда в обществе есть внутренние враги существующего строя, всегда ведется информационно-психологическая война. Но манипуляция сознанием бессильна, если для разрушительных идей нет благоприятной почвы. Если же значительная часть образованного слоя жадно ловит эти идеи, слушая «Голос Америки», значит, поражение в информационно-психологической войне возможно. Поскольку именно интеллигенция, восприняв разрушительные идеи, затем через личные контакты доведет их до массового сознания — инженер рабочим, врач пациентам, офицер солдатам. Это — фактор первого порядка.

Слабым местом советского «общества знания» 70—80-х годов было вытеснение знания о *России*, в том числе и знания о науке и технике России. Начиная с 60-х годов XX века в советском обществе стали складываться структуры мировоззренческого кризиса, который проявился, среди прочего, в нарастании «недоброжелательного инакомыслия». Оно выражалось, в частности, в скептическом отношении к патриотической риторике, в том числе касающейся отечественной науки. В какой-то мере этот скепсис можно объяснить невысоким литературным уровнем исторических текстов и их раздражающей идеологизированностью. Однако важнее сам факт, что значительная часть научно-технической интеллигенции благосклонно воспринимала пропаганду,

принижающую уровень советской науки и эффективность научной системы СССР. Соответственно, в тех случаях, когда на Западе оспаривался приоритет отечественных ученых, многие интеллигенты брали сторону иностранных конкурентов.

По большей части эта установка была замаскированным способом выразить свое несогласие с политической системой СССР (т.н. «фига в кармане»), но результатом был подрыв легитимности отечественной научной системы и, следовательно, снижение ее жизнеспособности. В ряде случаев сами такие бессознательные диссиденты испытывали расщепление сознания.

Например, в литературе подробно освещена история приоритетного спора об изобретении радио. Надежно установлено, что первое устройство радиосигнализации было представлено А.С. Поповым в 1895 г. на заседании Русского физико-химического общества согласно всем требованиям российского закона 1896 г. о привилегиях на изобретения. На этом основании во Франции, Германии и США было отказано в патентовании устройства Г. Маркони, сообщение о приборе которого было впервые сделано в 1897 г. Заслуги Маркони в совершенствовании радиоаппаратуры и освоении ее промышленного производства бесспорны, но что побуждало заметное число советских научных работников не верить в приоритет Попова как изобретателя радио? Такое самоотречение — признак культурного кризиса.

Что же касается советской программы создания ядерного оружия, то с конца 80-х годов версия о том, что главный вклад в его разработку сделала разведка, раздобывшая американские секреты, стала чуть ли не официальной. Почему столь значительная часть интеллигенции восприняла ее с радостью? Даже если бы это было так, какова природа этой радости? Почему хотелось верить журналистам, а не специалистам, которые ответственно и без экзальтации изложили ход событий?

Вклад разведки был важным и полезным, он позволил сэкономить силы и время, сократив число проверяемых альтернатив, но он не был решающим. В отношении термоядерного оружия этот вклад даже не был существенным — концепция советских физиков была оригинальной и более удачной, чем у американских. Руководитель работы академик Ю.Б. Харитон прямо заявил в газете «Известия» (08.01.92 г.): «Полученные нашими разведчиками данные о работе в США по водородной бомбе оказались бесполезными» [32].

Во время перестройки значительная часть ученых приняла в ней активное участие в качестве авторитетных и уважаемых ораторов, взявших на себя функцию подрыва легитимности советского строя. На основании массовых социологических опросов 1989—1990 гг. Ю. Левада писал: «Носителями радикально-перестроечных идей, ведущих к установлению рыночных отношений, являются по преимуществу представители молодой технической и инженерно-экономической интеллигенции, студенчество, молодые работники аппарата и работники науки и культуры» [43]¹.

Эта установка научной интеллигенции с точки зрения ее социальных интересов была иррациональной, поскольку было почти очевидно, что ликвидация Советского государства сразу сделает ненужной огромную

---

¹ Хотя представительные данные об идеологических установках научной интеллигенции отсутствуют, есть основания считать, что значительная ее часть и большинство политически активных представителей были сторонниками рыночной реформы и поддерживали ее радикальный проект. Следуя в своей ценностной ориентации гибриду социал-демократических и неолиберальных идеалов, они в то же время отличались как от социал-демократов, так и от либералов своей приверженностью к революционному выбору (хотя речь и шла о «революции сверху»). В этом — глубокое внутреннее противоречие мировоззренческих установок советской научной интеллигенции в конце XX века и истоки культурного кризиса 90-х годов.

систему «державной» науки. Поэтому уже первые шаги по реформированию науки вызвали «расщепление сознания» ученых. Будучи поначалу, в большинстве своем, сторонниками перехода к рынку, они даже не допускали мысли, что законы рыночной экономики могут коснуться *лично их*.

Почему начиная с 60-х годов в советском обществе стало нарастать ощущение, что жизнь устроена неправильно?

В те годы советское общество изменилось кардинально. Объективно это заключалось в том, что произошла очень быстрая урбанизация, и 70% населения стали жить в городах. В то же время основную активную часть общества стали составлять те, кто родился в 30—40-е годы. Это было принципиально новое для СССР поколение, во многих смыслах уникальное для всего мира. Это были люди, не только не испытывавшие сами, но даже не видевшие зрелища *массовых социальных страданий*. Капиталистический Запад — «общество двух третей». Страдания бедной трети очень наглядны и сплачивают «средний класс». В этом смысле Запад поддерживает коллективную память о социальных страданиях, а СССР 70-х годов эту память утратил. Молодежь уже не верила, что такие страдания вообще существуют.

Возникло первое в истории *сытое* общество, о котором не было ни традиционного, ни научного знания. Его свойства были неизвестны. О том, как оно себя поведет, не могли сказать интуиция и опыт стариков, не могли сказать и общественные науки. Кое-что верно подметил, наблюдая западный «средний класс», философ Ортега-и-Гассет в книге «Восстание масс», но в СССР тогда таких философов не читали. Вот урок для всех левых сил: главные опасности ждут социализм не в периоды трудностей и нехватки, а именно тогда, когда сытое общество утрачивает память об этих трудностях. Абстрактное

знание о них не действует. Здесь есть нерешенная теоретическая проблема.

Под новыми объективными характеристиками советского общества 70-х годов скрывалась главная, **невидимая** опасность — быстрое и резкое ослабление, почти исчезновение прежней **мировоззренческой основы** советского строя. В то время официальное советское обществоведение утверждало, что такой основой является марксизм, оформивший в рациональных (и даже научных) понятиях стихийные представления трудящихся о равенстве и справедливости. Эта установка была ошибочной. Мировоззренческой основой советского строя, как говорилось выше, был **общинный крестьянский коммунизм**. Западные философы иногда добавляли слово «архаический» и говорили, что он был «прикрыт тонкой пленкой европейских идей — марксизмом». Это прекрасно понимали и большевики, и их противники. Это понимало и космополитическое течение внутри победившего большевизма.

В 60-е годы оно вновь вышло на арену, и влияние его стало нарастать в среде интеллигенции и нового молодого поколения. Поэтому перестройка — этап большой русской революции XX века, которая лишь на время была «заморожена» единством народа ради индустриализации и войны. Сознательный авангард перестройки — наследники троцкизма и, в меньшей степени, либералов и меньшевиков.

Философия крестьянского коммунизма к 60-м годам исчерпала свой потенциал по указанным выше объективным причинам, хотя важнейшие ее положения сохраняются и поныне на уровне архетипов коллективного бессознательного. Если считать периодичность смены поколений за 12 лет, то эффективности крестьянского коммунизма как мировоззренческой основы советского строя хватило на 4—5 поколений. Люди рождения 50-х годов вырастали в новых условиях, их культура форми-

ровалась под влиянием кризиса массовой урбанизации и мощного потока образов и символов с Запада.

К концу 70-х годов в общественно активный возраст вошел **социокультурный** тип, фундаментально отличный от предыдущих поколений¹. Если бы советский проект исходил из рациональной и реалистичной антропологической модели, то за 50—60-е годы вполне можно было бы подтянуть сознание к бытию. Это значило выработать новый язык, на котором советский проект был бы изложен новому поколению без апелляции к подспудному мессианскому чувству. Однако старики этой проблемы не видели, т.к. в них бессознательный большевизм был еще жив. А новое поколение номенклатуры искало ответ на эту проблему (осознаваемую лишь интуитивно) в марксизме-ленинизме, где найти ответа не могло. Это вызвало идейный кризис.

В результате возникло взаимное непонимание между поколениями, не были найдены отвечающие новой реальности формы жизнеустройства, не созданы новые элементы культурного ядра, необходимые для легитимации советской системы в целом. Вместо этого возникло неустойчивое равновесие, на которое просоветские силы не сумели воздействовать, а небольшое антисоветское меньшинство им эффективно воспользовалось. Для свержения советского строя и не требовалось, чтобы массовое сознание стало антисоветским, — достаточно было, чтобы оно перестало быть активно благожелательным.

Смена доминирующего в обществе культурно-исторического типа — «фазовый переход» большой системы. С достаточной полнотой его можно представить как изменение профиля с большим числом параметров. Здесь

---

¹ Можно даже сказать, что в ходе индустриализации и урбанизации в СССР произошла смена культурно-исторического типа, однако адекватного изменения социальных форм не произошло.

мы не можем посвятить этому много места. Скажем об одном, но многозначительном сдвиге — резком снижении *когнитивной активности* горожан и особенно массовой социальной группы — рабочих.

После Октябрьской революции 29 октября 1917 г. был издан декрет «О восьмичасовом рабочем дне». Средняя продолжительность рабочего времени в 1922 г. уменьшилась по сравнению с 1913 г. на 537 часов. С 1923 по 1930 г. свободное время у рабочих (по данным для Москвы) увеличилось еще на 11,7 часа в неделю.

Как же был использован полученный рабочими ресурс свободного времени? В большой степени — на *самообразование*. В 1930 г. рабочие-мужчины затрачивали на самообразование в среднем 15,1 часа в неделю (и 17,7 часа на развлечения и спорт) [96, с. 95—96]. Эта тенденция продолжалась и в 60-е годы.

Так, в 1963 г. рабочие Красноярского края в среднем так использовали свое свободное время (часов за месяц из общего количества 148 часов): учеба, 22,05; самообразование — 30,8; общественная работа — 4,93; спорт — 9,57; творческая деятельность и любительский труд — 4,76; отдых и развлечения — 61,47; занятия с детьми — 8,71. Итак, учеба и самообразование — 50,85 часа в месяц. Это значительно больше, чем в других промышленных странах. В ходе сравнительного исследования в 12 странах в 1965—1966 гг. было найдено, что у работающих мужчин в США затраты времени на занятия, связанные с повышением уровня образования, составляли 1,4 часа в неделю, в ФРГ и во Франции по 0,7 часа [96, с. 141].

В 70—80-е годы произошел резкий перелом. Исследования бюджета времени работающих мужчин — жителей Пскова обнаружили значительное сокращение времени на занятия, связанные с повышением уровня образования (табл. 1):

Таблица 1.

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЗАНЯТИЙ, СВЯЗАННЫХ
С ПОВЫШЕНИЕМ УРОВНЯ ОБРАЗОВАНИЯ, У РАБОТАЮЩИХ
МУЖЧИН, г. ПСКОВ, ЧАСОВ В НЕДЕЛЮ [96, с. 140]

Виды занятий	1965	1986
Занятия в вечерних и заочных учебных заведениях	1,47	0,12
Слушание лекций и докладов	0,14	0,02
Политическая и профсоюзная учеба	0,28	0,02
Самостоятельная учеба и подготовка к занятиям	2,03	0,29
Чтение научной литературы	0,42	0,12
Занятия на курсах повышения квалификации	0,14	0,01

Доля работающих мужчин Пскова, тратящих хоть сколько-то времени на повышение уровня своего образования, сократилась с 1965 по 1986 г. с 26% до 5,1%. Удельный вес таких занятий в свободном времени этой группы снизился с 14,9% до 2,1%¹.

Если из этой общности выделить только мужчин — рабочих промышленности и строительства Пскова, то увидим, что с 1965 по 1986 г. их затраты времени на образование сократились с 4,6 часа в неделю до 0,8 часа, зато на телевидение увеличились с 5,7 до 14,7 часа [96, с. 106].

С начала реформы вся система самообразования и организованного повышения квалификации стала быстро демонтироваться. В 1990/1991 г. в РСФСР свою квалификацию повысили 17,2 млн человек, в 1991/1992 г. — 6,7 млн и в 1992/1993 г. — 5,2 млн человек. Ценность образования и мотивация к повышению его уровня в среде рабочих начиная с конца 60-х годов резко снижались, что говорило о важных сдвигах в мировоззрении.

¹ Аналогичные результаты были получены в исследованиях бюджета времени работающих людей в Сибири. В 1990 г. затраты работающих горожан на образование составили 16% от того, что они затрачивали в 1972 г. [3].

Руководство КПСС после идейных метаний Хрущева приняло, скорее всего, верное вынужденное решение — «заморозить» мировоззренческий кризис посредством отступления к «псевдосталинизму» с некоторым закручиванием гаек («период Суслова»). Это давало отсрочку, но не разрешение фундаментального противоречия. Передышка не была использована. Возможно, в нормальном режиме руководство КПСС уже и не смогло бы справиться с ситуацией, если бы ослабило контроль — «второй эшелон» партийной интеллигенции (люди типа Бовина, Бурлацкого, Загладина) был уже проникнут идеями еврокоммунистов. В открытой дискуссии они бы скорее подыгрывали антисоветской стороне.

Пришедшая после Брежнева властная бригада (Горбачев, Яковлев, Шеварднадзе), сформировавшаяся в условиях мировоззренческого вакуума и идеологического застоя, была уже проникнута антисоветизмом. Утверждение, что советский строй является «неправильным», стало с 1986 г. официальной установкой, и вскоре было заявлено даже, что перестройка является *революцией*, то есть ставит целью радикальное изменение общественного строя.

Перестройка как революция в сознании «сверху». Установки массового сознания. Кризис мировоззрения был использован и углублен действиями антисоветской части элиты. Несущественно, что вплоть до конца 80-х годов у большинства активных участников этой идеологической работы ее антисоветский смысл не был осознанным — они считали, что действуют ради улучшения системы, следуя лозунгу «Больше демократии, больше социализма!»

В результате «культурной программы», которую провела идеологическая машина КПСС, была подорвана легитимность Советского государства, опорочены символы и образы, скреплявшие общество. Идеологическим стержнем перестройки был *евроцентризм* —

идея существования единой мировой цивилизации, имеющей свою «правильную» столбовую дорожку, по которой прошел Запад. Отсюда идея «возврата в цивилизацию» и отказа от «неправильного» советского строя. Поддержки «снизу» эта кампания не получила, но этого и не требовалось. Общество испытало культурный шок, сознание было приведено в хаос и на идейное сопротивление было неспособно. У людей была подорвана способность делать связные рациональные умозаключения, особенно с использованием абстрактных понятий. Они с трудом могли рассчитать свой интерес и предвидеть риски и опасности.

Эта слабость сознания — обратная сторона избыточного патернализма. Он ведет к *инфантилизации* общественного сознания в благополучный период жизни. Люди отучаются ценить блага, созданные усилиями предыдущих поколений, рассматривают эти блага как неуничтожаемые, «данные свыше». Социальные условия воспринимаются как явления природы, как воздух, который не может исчезнуть. Они как будто не зависят от твоей общественной позиции. Общество утрачивает собственную политическую волю, необходимую для стабилизации общественных отношений, оно подчиняется власти, как капризный ребенок умелым родителям, и в то же время наращивает свои претензии к государству. По мере расхождения этих претензий с реальностью, широкие слои граждан начинают культивировать обиды и недовольство, облегчающие подрыв легитимности государства. Эти слабые места советского строя можно было изучить почти в экспериментальном режиме.

На Западе является общепринятым, что крах СССР произошел оттого, что массы «утратили веру в социализм», что в общественном сознании возобладали ценности капитализма (частная собственность, конкуренция, индивидуализм, нажива). Данное объяснение является *ошибочным*. Очень небольшая часть граждан

сознательно отвергла главные устои советского строя. Более того, разрушительная критика СССР в конце 80-х годов шла «от социализма» — критиковались отступления от принципов социальной справедливости. Например, враждебность вызывали «привилегии номенклатуры». Реально они были очень невелики, но в массовом сознании был создан призрак нестерпимой несправедливости. Никак нельзя сказать, что эти массы «жёлали капитализма».

В октябре 1989 года социологи Всесоюзного центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) изучали отношение к реформе. На вопрос «Считаете ли вы справедливым нынешнее распределение доходов в нашем обществе?» 52,8% ответили «не справедливо», а 44,7% — «не совсем справедливо». Что же считали несправедливым 98% жителей СССР? **Недостаточно уравни- тельное** распределение доходов. 84,5% считали, что «государство должно предоставлять больше льгот людям с низкими доходами» и 84,2% считали, что «государство должно гарантировать каждому доход не ниже прожиточного минимума».

В 1991 г. был начат большой международный исследовательский проект коллектива ученых из 12 стран по изучению представлений о социальной справедливости в разных культурах. Сравнительное исследование в России и Эстонии, двух частях СССР с весьма разными культурными установками, показало поразительную схожесть в отношении к уравнительному принципу. В этом смысле русские и эстонцы стали именно частями **советского народа**.

Вот что пишут авторы исследования: «Известно, что характерной чертой социализма являлась патерналистская политика государства в обеспечении материальными благами, в сглаживании социальной дифференциации. Общественное мнение в обеих странах поддерживает государственный патернализм, но в России эта

ориентация выражена несколько сильнее, чем в Эстонии: 93% опрошенных в России и 77% в Эстонии считают, что государство должно обеспечивать всех желающих работой, 91% — в России и 86% — в Эстонии — что оно должно гарантировать доход на уровне прожиточного минимума» [127].

Едва ли не в большей степени этот парадокс проявился в ходе «бархатных революций» в социалистических странах Восточной Европы. Трудящиеся уничтожали реально солидарное общество именно под знаменем социализма, а вовсе не из-за утраты веры в него. О движении «Солидарность» в Польше говорится: «В 1980 г. движение имело выраженный социалистический характер. Рабочие требовали воплощения в жизнь фундаментальных принципов социализма, крайне чувствительно относясь к любым отклонениям от его доктрины. В их требованиях не содержалось каких-либо принципиальных идей и ценностей, идущих вразрез с существующей стратегией общественного развития. В 1977—1979 гг. 70% опрошенных заявили, что «социальные различия в Польше велики и их необходимо сократить»... На волне политизации 1980-х годов уравнивательные тенденции заявили о себе с особой силой» [60, с. 152].

В России в ходе реформы социалистические установки усиливаются, хотя это не всегда осознается и замаскировано идеологическими «шумами». Вот общий вывод 1995 г.: «За пять лет реформ (1990—1994 гг.) число приверженцев частной собственности сократилось, а доля ее противников возросла. Можно утверждать: население укрепило свое представление о том, что основой частной собственности должен быть малый бизнес. Крупное производство, по мнению большинства населения, должно оставаться вне частной собственности... В массовом сознании богатство нынешних «новых русских» не является легитимным... К участию ино-

странного капитала в российской экономике большинство россиян по-прежнему относится отрицательно, причем заметна тенденция усиления негативного отношения. Особое неприятие вызывает возможность распространения собственности иностранных граждан на крупные фабрики и заводы. Против собственности иностранцев на крупные участки российской земли по-прежнему высказываются более 80% россиян, на мелкие — более 60%» [48].

Самым крупным международным исследованием установок и мнений граждан бывших социалистических стран СССР и Восточной Европы является программа «Барометры новых демократий». В России с 1993 г. в рамках проекта «Новый Российский Барометр» работала большая группа зарубежных социологов. В докладе руководителей этого проекта Р. Роуза и Кр. Харпфера в 1996 г. сказано: «В бывших советских республиках практически все опрошенные положительно оценивают прошлое и никто не дает положительных оценок нынешней экономической системе». Если точнее, то положительные оценки советской экономической системе дали в России 72%, в Белоруссии 88% и на Украине 90% опрошенных. Оценки политической системы, сложившейся после 1991 года, еще хуже [106].

А вот что сказала академик Т.И. Заславская на международной конференции «Россия в поисках будущего» в 1995 г.: «На прямой вопрос о том, как, по их мнению, в целом идут дела в России, только 10% выбирают ответ, что «дела идут в правильном направлении», в то время как по мнению 2/3, «события ведут нас в тупик». Именно те же 2/3 россиян при возможности выбора предпочли бы вернуться в доперестроечное время, в то время как жить как сейчас предпочел бы один из шести» [45].

Таким образом, можно считать, что в главных вопросах общественное сознание не являлось и не является антисоветским. Даже к 1991 г., на пике перестроеч-

ной пропаганды, антисоветизм не был принят большинством. Отказ от штампов официальной советской идеологии вовсе не говорит о том, что произошли принципиальные изменения в *глубинных* слоях сознания.

На голом месте создать кризис сознания было бы невозможно. Каковы же были причины недовольства советской системой? Не дефекты экономики и не отсутствие политических свобод. Эти подсказанные идеологами причины были **ложным выражением** более фундаментальной неудовлетворенности. Начиная с конца 50-х годов у растущей части населения, особенно молодежи, стало нарастать недовольство системой потому, что образ жизни не удовлетворял некоторые их жизненные потребности. Советский проект вырос из мироощущения крестьянской России. В ходе революции и разрухи этот проект стал суровым и зауженным. Жизнь в СССР строилась по принципу **сокращения страданий**, а не **увеличения наслаждений**. Носители «избыточных» потребностей погибли, уехали за рубеж или перевоспитались реальностью. На какое-то время в обществе возникло «единство в потребностях».

По мере того как жизнь входила в мирную колею и становилась все более и более городской, узкий набор «признанных» потребностей стал ограничивать, а потом и угнетать все более и более разнообразные части общества. Для них Запад стал идеальной, сказочной землей, где их ущемленные потребности уважаются и даже ценятся. О тех потребностях, которые хорошо удовлетворял советский строй, в этот момент никто не думал.

Человек живет в мире вещей и в мире образов. В сельской жизни сам тип труда и общения удовлетворяет потребность в образах. В 60-е годы быстрая урбанизация породила, особенно у молодежи, «голод на образы». На Западе этот голод утолялся вещами («общество потребления»), витринами, индустрией развлечений, а потом и виртуально — рекламой.

На потребности нового, городского общества советское руководство ответило неправильно. Новые потребности были объявлены ненужными, а то и порочными. Было забыто даже предупреждение Маркса: «животное хочет того, в чем нуждается, человек нуждается в том, чего хочет». Сегодня философы перефразируют эту мысль так: «ненужные вещи для человека важнее нужных». Никак не ответив на жизненные, хотя и неосознанные, потребности целых поколений молодежи, родившейся и воспитанной в условиях крупного города, советский строй буквально создал своего могильщика — массы обездоленных. Крамольное недовольство общественным строем стало массовым. Хотя это недовольство не означало антисоветизма и требований сменить общественный строй, его смогли эффективно использовать те социальные группы, которые были заинтересованы именно в ликвидации советского строя.

Так был создан социальный конфликт. Потом он был искусственно преувеличен в массовом сознании, осознанно превращен в разлом и стал важным тараном, разрушившим гегемонию советского строя. Отношение человека к социальному строю определяется не непосредственно реальностью, а ее восприятием — теми ее образами, которые построены воображением человека. Как велико может быть расхождение между реальностью и ее восприятием, видно на примере **питания**.

Были приложены большие усилия, чтобы убедить массы, будто мы *плохо питаемся*. На деле в СССР, даже при дефектах его распределительной системы, полноценное и сбалансированное питание было обеспечено практически всем социальным группам. По совокупности показателей, которыми оперирует ФАО (Всемирная организация продовольствия), СССР занимал 7-е место в мире. В 1988 г. молока и молочных продуктов в среднем по СССР потребляли 356 кг в год на человека (в США — 260), но при опросах 44% ответили, что потребляют не-

достаточно¹. Самый красноречивый случай — сахар. Его потребление составляло в СССР 47,2 кг в год на человека — свыше оптимальных медицинских норм (в США — 28 кг), но 52% опрошенных считали, что едят слишком мало сахара (а в Грузии недовольных было даже 67%). «Общественное мнение» не отражало реальности. Таково было массовое *восприятие* реальности, а оно было создано методами воздействия на сознание.

Советский тип распределения пищи был благополучен в терминах реальных калорий, белков и т.д., но неблагоприятен с точки зрения *образов*. Этот тип, как он сложился в 70—80-е годы, характеризовался двумя явлениями: «*дефицит*» (отсутствие желаемого продукта в продаже) и *очереди*. Приходится взять слово *дефицит* в кавычки, потому что речь идет об отсутствии товаров на витрине, а не на обеденном столе. Продуктов на столе было достаточно, но в восприятии вида прилавков возникало впечатление *нехватки*. В массовом сознании был создан образ дефицита. Был голод на образы товаров.

Ощущение дефицита в 80-е годы было доведено до уровня психической подавленности из-за постоянного воздействия этого фактора. Результатом было *сужение сознания* — почти все внимание сосредоточивается именно на неудовлетворенной потребности, восприятие действительности резко искажается. При этом неважно, является ли неудовлетворенная потребность фундаментальной или второстепенной, а то и «искусственно возбужденной».

Восприятие очередей, получив в 70-е годы идеологическую трактовку (результат неправильного, «казарменного» социализма), также стало резко неадекват-

---

¹ В Армении, где велась особо сильная антисоветская пропаганда, недовольны своим уровнем потребления молока были 62% населения. А между тем его потреблялось там в 1989 г. — 480 кг на душу населения.

ным. Людям стало казаться, что они проводят в очередях слишком много времени, хотя на самом деле очереди уже не шли ни в какое сравнение с очередями военных лет и даже 50-х годов. Не во времени было дело, а в *восприятии*. В 90-е годы люди в совокупности тратили гораздо больше времени в поисках более дешевых продуктов на мелкооптовых рынках, но это им не казалось обременительным.

Причины, по которым это противоречие, сыгравшее важную роль в крушении советского строя, не было разрешено в 70—80-е годы, лежат в сфере надстройки, а не материального базиса хозяйства (колхозы, общенародная собственность на землю, плановая система и т.д.). Причины эти были исторически обусловлены, и вряд ли можно было их устранить каким-то умным решением. В мышлении руководства в 70—80-е годы соединился крестьянский здравый смысл с механистическим истматом. Крестьянский ум не понимал и даже презирал страхи «зажравшегося горожанина» — ишь ты, подай ему «прилавки, полные продуктов». Истмат недооценивал значение «мира образов». В результате правительство отказывалось сделать вещи не просто возможные, но и бывшие ранее обыденной частью советского строя.

Достаточно было создать сеть магазинов «повышенной комфортности», а именно, с полными прилавками и продуктами в красивой упаковке — но по повышенным ценам. Расход продуктов в этих магазинах был бы невелик (их потребляли бы те же люди, так что и дополнительных резервов почти не потребовалось бы, помимо закупки импортных продуктов). Но был бы важен демонстрационный эффект, ощущение изобилия и свободы.

Подобное увеличение разнообразия в системе распределения было бы столь несложно и дешево, что на первый взгляд кажется всего лишь техническим усо-

вершенствованием. На самом деле это сняло бы фундаментальный источник напряженности и недовольства. Ибо речь идет о «голоде на образы» как неудовлетворенной потребности большинства населения.

Формирование «невозможных» потребностей. Одной из причин краха СССР называют «равенство в бедности» — массовую неудовлетворенность населения уровнем жизни, резкий разрыв между потребностями и потреблением. Этот тезис является ошибочным. До конца 80-х годов население СССР в общем было удовлетворено своими реальными доходами, которые соответствовали разумным, по общему мнению, материальным потребностям.

Вот данные крупного исследования 1987 г. Социологи пишут: «Среднеарифметический душевой доход в нашей выборке составляет около 104 руб. в месяц, а доход тех, кто заявил, что семейный бюджет в основном позволяет удовлетворять разумные потребности, — около 107 руб.» [116, с. 59]. Таким образом, величина дохода у большинства трудящихся в советской системе тяготела к той мере, которая отвечала разумным потребностям. И эта мера была закреплена в массовом сознании.

Социологи обнаружили, что советские люди были в целом **удовлетворены** своим достатком и оплатой труда. Распределение мнений было таким: «Среднестатистический работник, попавший в выборку, на момент опроса получал 165 руб. на руки... Отличными назвали свои заработки всего 4% опрошенных работников, которые получают в среднем в месяц 217,5 руб. ... 30% работников оценили размеры вознаграждения за свой труд как «хорошие». Заработок в этой группе составил 191 руб. ... Удовлетворительную оценку [заработку] выставила самая многочисленная группа — 46% опрошенных (159,5 руб.) ... Плохими назвали размеры своих за-

работков 15% опрошенных, которые получают в среднем 129,8 руб. в месяц» [116, с. 56].

Конечно, большинство при этом считает, что следовало бы им зарплату прибавить. Но что замечательно — чем выше уровень зарплаты в категории работников, тем меньшую надбавку для себя они считают справедливой! Социологи пишут: «Внедрение в жизнь результатов такой «самоаттестации» привело бы к сокращению разрыва в уровне оплаты труда». Это — неосознанная уравнилельная установка.

Во время перестройки граждане СССР стали объектом программы по слову старой и внедрению новой системы потребностей. Уже первые, еще неотрефлексированные сдвиги в мировоззрении элиты к западному либерализму породили враждебное отношение к непритязательности потребностей советского человека. Эта непритязательность была иммунитетом против соблазнов капитализма. Маркс же писал о буржуазной революции: «Радикальная революция может быть только революцией радикальных потребностей» [76].

В любом обществе круг потребностей расширяется и усложняется. Это всегда создает противоречия, конфликты, разрешение которых требует развития и хозяйства, и культуры. Ритм этого процесса в здоровом обществе задается ритмом развития всей этой системы. Но, как писал Маркс, «потребности производятся точно так же, как и продукты». И потребности стали *производить* в СССР по образцу западного общества потребления. Это привело к сильнейшему стрессу и расщеплению массового сознания. Люди не могут сосредоточиться на простом вопросе — чего они хотят? Их запросы включают в себя взаимоисключающие вещи.

Это — не какая-то особенная проблема России, хотя нигде она не создавалась с помощью такой мощной технологии. Начиная с середины XX века потребности стали интенсивно экспортироваться Западом в незападные

страны через механизмы культуры. Разные страны по-разному закрывались от этого экспорта, сохраняя баланс между структурой потребностей и реально доступными ресурсами. При ослаблении этих защит происходит, по выражению Маркса, «ускользание национальной почвы» из-под производства потребностей, и они начинают полностью формироваться в центрах мирового капитализма. По замечанию Маркса, такие общества, утратившие свой культурный железный занавес, можно «сравнить с идолопоклонником, чахнувшим от болезней христианства» — западных источников дохода нет, западного образа жизни создать невозможно, а потребности западные.

Процесс внедрения «невозможных» потребностей протекал в СССР начиная с 60-х годов, когда ослабежала защита против внешнего идеологического воздействия. Эта защита была обрушена в годы перестройки под ударами всей государственной идеологической машины. Прежде всего культ личного потребления был воспринят элитой, в том числе интеллигенцией (подавляющее большинство «новых русских» имеют высшее образование). Это уже само по себе говорит о поражении сознания.

При этом новая система потребностей, которая вслед за элитой была освоена населением, была воспринята не на подъеме хозяйства, а при резком сокращении местной ресурсной базы для их удовлетворения. Это породило культурный кризис и распад системы солидарных связей. Монолит народа рассыпался на кучу песка, зыбучий конгломерат мельчайших человеческих образований — семей, кланов, шаяк.

В таком состоянии общество не могло оказать сопротивления антисоветской революции.

К чему пришли. Вслед за развалом СССР и сломом хозяйственной системы («приватизация») последовал катастрофический кризис. Кроме того, передача пре-

ступному миру большой части собственности и власти породила аномальный уклад, несовместимый с жизнью общества. Инстинктивным ответом населения на реформу стали снижение рождаемости и рост смертности.

Чтобы оценить масштабы кризиса, надо напомнить, что на реформу в России уже в начале 90-х годов истратили беспрецедентные в мировой истории средства: экономию от прекращения гонки вооружений; экономию от прекращения войны в Афганистане; экономию от прекращения всех крупных проектов; практически все капиталовложения в промышленность, АПК, транспорт и строительство, которые составляли до 1987 г. огромные суммы¹; экономию от свернутых социальных программ; отнятые у населения сбережения (400 млрд долларов); экономию от резкого снижения уровня потребления 90% населения. Были загублены не только эти средства, но и промотан весь золотой запас страны, а также сделаны долги на 150 млрд долларов. Главная причина — не воровство и не вывоз денег (хотя и они велики), а *паралич хозяйства*.

Все большие технические системы, на которых стоит жизнь страны (энергетика, транспорт, теплоснабжение и т.д.) созданы в советское время. Все они устроены иначе, чем в западном рыночном хозяйстве. За 15 лет выяснилось, что нынешняя хозяйственная система не может их содержать — при рыночных отношениях они оказываются слишком дорогими. Они разрушаются. В то же время рыночное хозяйство не может и построить новые,

---

¹ Если принять за точку отсчета инвестиции в основные фонды РСФСР 1990 года — так, чтобы они до 2006 г. оставались неизменными, — то недоовложение инвестиций за 1991—2006 гг. составит 86 230 млрд руб. в ценах 2005 года. Таким образом, даже если бы после 1990 года инвестиции не росли, как это было в 80-е годы, а были заморожены на этом уровне, то недовложения инвестиций за 1991—2006 годы составила бы около 3519 млрд долларов по курсу начала 2008 года. Три с половиной триллиона долларов!

«рыночные» системы такого же масштаба. Страна попала в историческую ловушку — в порочный круг, из которого в нынешней хозяйственной системе вырваться невозможно. Организовать стабильное жизнеустройство ни по типу общины (советского типа), ни по типу гражданского общества (западного типа) при таком хозяйстве нельзя.

Страна живет параллельно и вопреки этому «капитализму». Многие подсистемы советского строя уцелели и показали поразительную устойчивость. Их охраняют, несмотря на рыночную риторику, и большинство работников государственного аппарата, и хозяйственные руководители, и само население. Там, где советские структуры выходят из тени, как в Белоруссии, дело идет лучше. Опыт начала XX и XXI веков показал, что при господстве в России уклада, основанного на конкуренции («капитализм»), она не может выжить как независимое многонациональное государство.

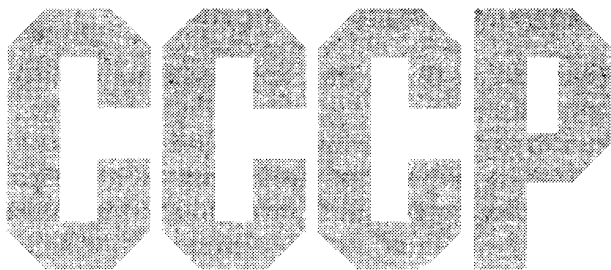
С задачей удержания культурной гегемонии советский строй не справился, и в этом важном отношении весь проект оказался дефектным, вырожденным. То, что интеллигенция в момент кризиса не проявила спасительной рефлексии, не смогла понять и объяснить суть болезненного состояния советского общества, а, наоборот, в большинстве своем примкнула к его губителям, есть историческая ошибка интеллигенции как профессионального интеллектуального сообщества.

Следствием этого срыва стали не только расчленение страны и массовые страдания людей в период разрухи, но и риск полного угасания русской культуры и самого народа. Кризис превратился в «ловушку». Прежняя траектория исторического развития опорочена в глазах молодых поколений, и в то же время никакой из мало-мальски возможных альтернативных проектов будущего не получает легитимности у населения и не консолидирует общество.

Из этого краткого описания кризиса, который привел к гибели советского строя, видно, что важной причиной и элементом этого кризиса было несоответствие когнитивной и социальной структур «общества знания» 60—80-х годов новым историческим условиям и вызовам. Ни власть, ни население не были обеспечены **знанием** о социальной, экономической и международной реальности, в которой находилась страна, а также знанием о самом советском обществе и альтернативах его развития. Образ будущего был стерт в сознании и заменен рядом черных и светлых мифов. Были парализованы каналы распространения даже того знания, которое имелось.

Общий кризис 90-х годов резко ускорил и углубил деградацию того «общества знания», которое Россия унаследовала от СССР. Деградации подверглись как элементы, так и связи системы «общества знания».

Глава 9

РАЦИОНАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ НАКАНУНЕ КРИЗИСА

Согласно грубой классификации антропологов и культурологов, Россия относилась к категории *традиционных обществ*. Начиная с XVII века она находилась в состоянии интенсивной *модернизации*, которая протекала в форме более или менее радикальных волн. Эти волны порождали кризисы и расколы, однако, в целом, России удалось успешно освоить и адаптировать к собственным культурно-историческим условиям важные институциональные матрицы, сложившиеся на Западе. Для нашей темы главными из этих системообразующих институтов были европейская *наука* и основанное на науке светское *образование*, а также институты, действующие непосредственно в поле той рациональности, которая воспроизводилась и распространялась наукой и образованием, — армия, промышленность, государственное управление, европеизированная художественная культура.

В XIX веке Россия уже стала одним из мировых центров «общества знания» того времени. Ее ареал рационального знания строился на существенно иной культурной основе, чем на Западе. Здесь Просвещение было «привито» на ствол традиционного общества и идеокра-

тического государства. Синтез разных типов знания в целом удался.

Однако мы в данной книге исходим из того, что в современном «обществе знания» России системообразующим ядром служит знание, «записанное» на языке рациональных понятий согласно рациональной логике, выработанных в Новое время. Для существования национального «общества знания» необходимо, чтобы его социальная база была достаточно широкой, а рациональные язык и логика были доступны и использовались достаточно большой частью населения страны.

Советский период, в течение которого основанное на научном методе школьное образование охватило все общество, означал огромный шаг к тому, чтобы рациональное сознание и нормы Просвещения овладели массовым обыденным сознанием. Однако начиная с 60-х годов XX века в этой части массового сознания стали развиваться кризисные явления, связанные с быстрой сменой образа жизни большинства населения (урбанизация) и адаптационным стрессом, который привел к разрыхлению центральной мировоззренческой матрицы российского общества. Общий кризис политической и социальной систем СССР, вызванный перестройкой, вызвал разрушительные сдвиги в сфере рационального сознания.

Разум и мышление человека — едва ли не главная проблема философии. В XX веке она стала актуальной в практическом и конкретном плане, как проблема рациональности, ее границ, устойчивости и сбоев, отказов. Все виднейшие философы последнего столетия под разными углами зрения рассматривали эту проблему. Объясняется это тем, что индустриальная цивилизация, интеллектуальные основы которой были заложены Просвещением и Научной революцией, сформировалась именно как цивилизация рациональная, взявшая за матрицу познания, образования, мышления и общения

научный метод. Будучи во все времена одним из «формообразующих принципов» жизни человека, в последние столетия рациональность вышла на первый план, в большей или меньшей мере оттеснив иные способы осмысления мира (например, религию, традицию или художественное чувство).

Однако в XX веке индустриальная цивилизация вытягивается в глубокий кризис, одним из проявлений которого стали частые и массовые отказы и срывы рационального сознания, а также поразительная беззащитность массового сознания против манипуляции. Говорят даже, что одним из главных противоречий человеческого общества является столкновение иррационального с рациональным¹. Кризис российского «общества знания» — часть общемирового кризиса, однако в России ситуация резко усложнена тем, что «отказы» рациональности происходят в условиях *системного кризиса*, которого не испытывают другие общества. Так, на Западе эрозию рациональности уклончиво называют *постмодернизмом* — мягким и постепенным отходом от норм Просвещения, лежавших в основе мышления индустриальной цивилизации.

О какой рациональности будет идти речь? Известно много определений рациональности разных типов (обзор темы дает П.П. Гайденко [28]). Нам весь этот спектр не нужен, мы будем говорить о той рациональности, которая непосредственно принадлежит к социологии и экономике «общества знания». Это «рациональность для нашей жизни», соизмеримая с самыми жгучими вопросами, что ставит перед нами современный кризис именно России.

Кант в своем подходе к проблеме выделил три уров-

---

¹ История XX века показала это самым драматическим образом. Труднодостижимым случаем отказа рациональности стал соблазн фашизма, которому поддался очень разумный и рассудительный народ.

ня познания: «Всякое наше знание начинается с чувств, переходит затем к рассудку и заканчивается в разуме, выше которого нет в нас ничего для обработки материала созерцаний и для подведения его под высшее единство мышления».

Рассудок, в его схеме, организует опыт посредством правил, а разум организует добротный сырой материал, обработанный рассудком, — «сводит многообразие знаний рассудка к наименьшему числу принципов». В этой книге мы не касаемся чувств, а обсуждаем работу рассудка и разума. Уровень рационального мышления, который нас интересует, это обработка исходного материала созерцания реальности рассудком и последующее действие разума, приводящее к принципиальным выводам. В этих операциях и происходит больше всего сбоев и отказов, которые делают развитые системы кодифицированного знания недоступными для быстрого и массового использования.

Кант различает два «среза» в применении разума — формальный (логический) и реальный (трансцендентальный). При логическом применении разума используется его способность производить *умозаключения*, делать конкретные выводы. Реальное применение использует способность разума производить *понятия* высокого уровня, рождать трансцендентальные идеи, высшие принципы. Для социологии важно прежде всего *логическое* применение разума, навыки которого даются социальными коммуникациями и образованием¹.

Главное подспорье логическим рассуждениям и умозаключениям в нашей жизни сейчас — *здравый смысл*. Судя по многим обсуждениям, в среде высокообразованных людей здравый смысл ценится невысоко, они ставят его куда ниже, чем развитые в науке приемы

---

¹ Конечно, трансцендентальные идеи можно высказывать и вопреки логике и ясным умозаключениям — так и поступают пророки. Но пророки не живут в своем отечестве.

теоретического знания. Возможно, в благополучные времена такое их отношение и может быть оправданно, но в условиях той неопределенности, которую порождает кризис, роль здравого смысла резко возрастает. В условиях кризиса у нас мал запас прочности, очень слабые тылы, а значит, мы вынуждены в нашей стратегии ориентироваться не на максимизацию выгоды, а на минимизацию ущерба.

Теоретическое научное знание может привести к блестящему, наилучшему решению, но чаще ведет к полному провалу — если из-за недостатка средств (информации, времени и пр.) человек привлек негодную для данного случая теорию. Здравый смысл не настроен на выработку блестящих, оригинальных решений, но он надежно предохраняет против *наихудших* решений. Вот этого нам сегодня очень не хватает.

Таким образом, рациональность в нашем обсуждении будет выступать, прежде всего, как метод, «технология» мышления, а не как *содержание* идей, позиций и установок. Конечно, отделение инструментальной, технологической части рациональности от содержательной — задача непростая. Но в принципе такой подход к рациональности правомерен.

Логичное мышление — сравнительно недавний продукт культурной эволюции человека. Навыки умозаключений люди приобретают частью стихийно — через чтение и общение друг с другом, но главное, этим навыкам стали учить в школе и университете, как умениям любого другого мастерства. Ницше писал: «Величайший прогресс, которого достигли люди, состоит в том, что они учатся правильно умозаключать. Это вовсе не есть нечто естественное, как предполагает Шопенгауэр, а лишь поздно приобретенное и еще теперь не является господствующим».

Понятно, что абсолютизация разума как «единственного судьи» в сложной реальности общественной

жизни ведет, как и «сон разума», к тяжелым кризисам, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что прямая предпосылка к кризису создается из-за того, что эта абсолютизация, продукт идеологии рационализма или сциентизма, ведет к «порче» инструментов рациональности.

Это и произошло в советском обществе начиная с 60-х годов. Оно стало слишком «интеллектоцентричным», голос интеллектуальной элиты (как отечественной, так и западной) стал заглушать историческую память и здравый смысл. Советская интеллигенция, в том числе политически активная, уповала на кодифицированное рациональное знание с энтузиазмом неопита.

Видимо, в этом проявился неустоявшийся, синкретический характер самой российской цивилизации в ее советских формах. Эта незавершенность мировоззренческой матрицы советской культуры усугублялась теми идущими от православия представлениями о человеке, которыми был проникнут общинный крестьянский коммунизм. Под его влиянием в советский проект была заложена вера в то, что человеку *изначально* присущи качества соборной личности, тяга к правде и справедливости, любовь к ближним и инстинкт взаимопомощи. В особенности, как считалось, это было присуще русскому народу — таков уж его «национальный характер». А поскольку все эти качества считали *сущностными* духовными субстанциями русского национального характера, данными ему изначально, то они и будут воспроизводиться из поколения в поколение вечно, сами собой. Этот стихийный примордиализм был укреплен марксизмом, который добавлял к нему веру в магическую силу справедливых производственных отношений.

Эта вера породила ошибочную антропологическую модель, положенную в основание советского обществоведения и практики жизнеустройства. Исторически обусловленные культурные устои русского народа, при-

сущие ему в период становления советского строя, были приняты за его *природные* свойства. Требовалось лишь освобождать их от наслоений проклятого прошлого и очищать от «родимых пятен капитализма». Задачи «содержания, ремонта и модернизации» этих устоев в меняющихся социальных и культурных условиях (особенно в «агрессивной среде» холодной войны) не только не ставилось, но и сама эта постановка вопроса отвергалась с возмущением. Как можно сомневаться в крепости устоев! Как можно сомневаться в разуме и совести детей рабочих и крестьян, получивших хорошее образование при советском строе!

В этой вере в разум и совесть мы прятались, как страус, от того факта, что в XX веке на сцену вышло окрепшее и хорошо вооруженное *иррациональное* и *бессознательное*. Его напора не выдержала советская интеллигенция, ослабленная «парниковым эффектом» государственного патернализма, и она стала сдвигаться к образу мысли, который на Западе во время перестройки саркастически называли «социалистический идеализм». Вот, мол, ваш хваленый «соцреализм». Рациональность стала рушиться.

В ходе углубления культурного кризиса, в который советское общество втянулось в конце XX века, в рассуждениях и обобщениях по проблемам общественного бытия стала нарастать частота ошибок, в том числе фундаментальных. В результате этих ошибок были сделаны ложные выводы и приняты неверные практические решения. Одной из причин этих ошибок было нарушение норм рациональности. Однако вместо рефлексии, анализа этих ошибок и «починки» инструментов разумного мышления, в 90-е годы произошел срыв и возник порочный круг: эти ошибки побудили к дальнейшему и радикальному отходу от норм рациональности, в результате чего общество погрузилось в тяжелейший кризис.

Если бы высокообразованная часть общества исходя из тех же постулатов (ценностей) вела свои рассуждения согласно правилам и нормам здравого смысла и логического мышления, сверяла бы каждый промежуточный вывод с реальностью, анализировала ошибки, допущенные на предыдущем шаге, то общество могло бы избежать фатальных ошибок и найти разумный компромисс между идеалами и интересами разных социальных групп. Избежать нынешних страданий было возможно.

Перестройка в целом привела к тяжелому поражению рациональности. Сегодня наша культура в целом отброшена в зону темных, суеверных, антинаучных взглядов — Просвещение отступило. Поток мракобесия, который лился и льется с телеэкрана или выражается в действиях, настолько густ, что многие до сих пор удивляются, где же он копился, в каком овраге. Но разные типы знания связаны в систему, и отступление от рациональности, от норм Просвещения, сопровождалось нарушением и здравого смысла, и религиозного сознания, и художественного чувства. Например, 90-е годы были отмечены наступлением *пошлости*, поразительного примитивизма в рассуждениях и оценках (иногда с горечью говорилось, что русская интеллигенция наконец-то добилась «права на пошлость»)¹.

Кризис рационального сознания в поздний советский и постсоветский период — огромная тема, к исследованию которой социологи и философы только-только

---

¹ Американская журналистка М. Фенелли, которая наблюдала перестройку в СССР, пишет в журнале: «Побывавший в этой стране десять лет назад не узнает, в первую очередь, интеллектуалов — то, что казалось духовной глубиной, таящейся под тоталитарным прессом, вышло на поверхность и превратилось в сумму общих мест, позаимствованных, надо полагать, их кумирами из прилежного слушания нашей пропаганды (я и не подозревала, что деятельность мистера Уика во главе ЮСИА была столь эффективна)» [362].

подступают. Здесь мы можем только наметить структуру этой проблемы и проиллюстрировать отдельные ее блоки «быстрыми мазками».

Деградация инструментов рациональности

Как выразился Локк, прежде чем начинать плавание по океану знаний, мы должны изучить инструменты познания. Совокупность этих инструментов можно уподобить технической базе «общества знания». С конца 90-х годов интерес социологов привлек вопрос о том, какие «инструменты мышления» были испорчены во время перестройки и реформы. Это, без сомнения, прежде всего, *язык*.

Язык. Язык — важнейший инструмент познания и коммуникации между людьми. Любое «общество знания» стоит на языке. Эта проблема была поставлена в античной философии, затем в эпоху Возрождения и Научной революции. Гоббс в «Левиафане» писал, что «мысленная речь, если она направляется какой-нибудь целью, есть лишь искание или способность к открытиям». Эту же мысль развивал и Локк: «Невозможно говорить ясно и определенно о нашем знании, состоящем всецело из суждений, не рассмотрев предварительно природы употребления и значения языка». Прямое отношение к нашей теме имеет такое замечание П. Бурдьё: «Социальный мир есть место борьбы за слова, которые обязаны своим весом — подчас своим насилием — факту, что слова в значительной мере делают вещи, и что изменить слова и, более обобщенно, представления ... значит уже изменить вещи. Политика — это, в основном, дело слов. Вот почему бой за научное познание действительности должен почти всегда начинаться с борьбы против слов» [18].

Как только было заявлено, что Россия «возвращается в лоно цивилизации», в СМИ произошел всплеск «улуч-

шения» русского языка. Одни использовали свободу слова, чтобы узаконить мат в печатных изданиях и на телеэкране. «Ненормативная лексика» быстро расширила область своего применения, повлияв и на структуру рассуждений. Другим мощным течением в модернизации языка стало внедрение уголовного жаргона — как в массовую культуру, так и особенно в язык политиков. Эта языковая новация также оказала большое влияние на характер аргументации и на логику.

Кампания по переделке, с помощью СМИ, русского языка была большим культурным проектом, подавляющим способность населения к рациональному мышлению. Важной его частью было заполнение языка, особенно молодежного, словами без корней (словами-амебами), разрушающими смысл речи. Историки культуры считают, что заполнение языка словами-амебами было формой «колонизации» собственных народов буржуазным обществом. Но для нас важнее то, что создание этих «бескорневых» слов стало способом разрушения национальных языков и средством атомизации общества. Русский языковед и собиратель сказок А.Н. Афанасьев подчеркивал значение корня в слове: «Забвение корня в сознании народном отнимает у образовавшихся от него слов их естественную основу, лишает их почвы, а без этого память уже бессильна удержать все обилие словозначений; вместе с тем связь отдельных представлений, державшаяся на родстве корней, становится недоступной».

Когда русский человек слышит слова «биржевой делец» или «наемный убийца», они поднимают в его сознании целые пласты смыслов, он опирается на эти слова в своем отношении к обозначаемым ими явлениям. Но если ему сказать «брокер» или «киллер», он воспримет лишь очень скудный, лишенный чувства и не пробуждающий ассоциаций смысл. Так же происходит вытеснение слова *избиратели* и замена его на слово *электро-*

рат. Когда депутат говорит «мои избиратели», порожденные этим словом ассоциации указывают, что депутат — производное от того коллектива, который его избрал (создал). Выражение «мой электорат» воспринимается как «мой персонал». Электорат — общность пассивная и ведомая, она почти «создается» политиком.

Важный признак этих слов-амеб — их кажущаяся «научность». Скажешь *коммуникация* вместо старого слова *общение* или *эмбарго* вместо *блокада* — и твои банальные мысли вроде бы подкрепляются авторитетом науки. Начинаешь даже думать, что именно эти слова выражают фундаментальные понятия нашего мышления. Слова-амебы — как маленькие ступеньки для восхождения по общественной лестнице, и их применение дает человеку социальные выгоды. В «приличном обществе» человек обязан их использовать.

Политики во время реформы избегали использовать слова, смысл которых устоялся в общественном сознании. Их заменяли *эвфемизмами* — благозвучными и непривычными терминами. Так, в официальных и даже пропагандистских документах никогда не употреблялось слово «капитализм». Нет, что вы, мы строим *рыночную экономику*. Беженцы из Чечни? Что вы, у нас нет беженцев, это «*вынужденные переселенцы*».

Особый новояз был создан во время приватизации. Приватизация — лишь малая часть в процессе изменения отношений собственности. Она — лишь **наделение** частной собственностью на предприятие. Но это предприятие было собственностью народа, и государство было лишь управляющим. Чтобы приватизировать завод, надо было сначала осуществить **денационализацию**. Это — самый главный и трудный этап, ибо он означает **изъятие** собственности у ее владельца (нации). Это не сводится к экономическим отношениям (так же, как грабеж в переулке не означает для жертвы просто утраты некоторой части собственности). Однако и в за-

конах о приватизации, и в прессе проблема изъятия собственности замалчивалась. Слово «денационализация» не встречается ни разу, оно было заменено специально придуманным словом «разгосударствление».

Одним этим было блокировано движение большого мирового массива знания по проблеме приватизации. Из когнитивной структуры было изъято ключевое понятие.

Чтобы ввести в обиход слова, разрушающие ткань естественного языка, очень важно и звучание, «звуковой облик» слова. В годы реформы критерием подбора слов в СМИ стало не благозвучие в его обычном смысле, а броскость, энергичность слова, необычность звучания. Для этого хорошо подходят иностранные слова, насыщенные звонкими согласными (брокер, консалтинг, миллениум), особенно удвоенными (триллер, саммит). Привлекательность достигается и сочетанием слов с несовместимыми смыслами (демоисламисты).

В большом количестве внедрялись в язык слова, противоречащие здравому смыслу, подрывающие логическое мышление. Например, теперь говорят «однополярный мир». Это выражение абсурдно, поскольку слово «полюс» по смыслу неразрывно связано с числом два, с наличием *второго* полюса.

Одна из важных функций СМИ в порче языка — замена русских слов, составляющих большие однокорневые гнезда, на иностранные слова. Так, во время войны в Чечне военных вдруг стали называть «федералы». Это слово лежит в совсем другой плоскости, нежели «армия — боевики», «милиция — бандиты». Какие ассоциации порождает в подсознании это слово? *Федералы — конфедераты!* Северяне и южане... Так в США называли стороны в Гражданской войне. Телезрителя подталкивали к мысли, что в Чечне идет вооруженное столкновение сторонников двух типов государственного устройства — федерации и конфедерации. Какое-то время

ведущие даже называли боевиков Басаева *партизанами*.

Конструировались и внедрялись в широкий обиход сокращения с сильным отрицательным смыслом (например, *бомж*). Это ранее принадлежащее административному жаргону слово лишено полутонов и эмоциональной окраски, оно не содержит сострадания, которое звучит в слове *бездомный* или даже *бродяга*. Это — жесткое слово нового времени. С.Н. Булгаков называл такие аббревиатуры с враждебным смыслом «словами-манекенами». Он признавал их мистическую силу и писал: «Такие слова-манекены становятся вампирами, получают свою жизнь, свое бытие, силу ... сосут кровь языка».

В целом, за 90-е годы произошло изменение *функции языка* — его **магическая** функция стала доминировать над *информационной*. Это резко сузило каналы социодинамики знания.

Испорчены были не только слова, но и фразы — словесные конструкции, передающие информацию и мысль. Речь ответственных людей в 90-е годы была настолько невнятной и бессвязной, словно эти люди или стремились речью замаскировать свои истинные мысли, или у них по каким-то причинам была утрачена способность вырабатывать связные мысли. Скорее всего, обе эти причины вошли во взаимодействие и породили кооперативный эффект разрушения рациональности *мышления* и рациональности *сообщения*.

В связи с тем, как шло в Госдуме обсуждение одного из законопроектов, вызвавшего волнение в обществе (замена льгот денежными компенсациями), В. Глазычев писал: «Так уж у нас повелось, начиная с и.о. премьера Гайдара, что власть выражает себя крайне невразумительно. Дело не столько в том, что Гайдар обладает не самой счастливой дикцией, сколько в его — и многих его коллег — убежденности, что птичий язык представляет собой высшую форму коммуникации. Черномырдин по-

тратил все силы на вытеснение из речи ненормативной лексики, но, если не считать восхитительных афоризмов, внятностью говорения похвастаться не может. Кириенко говорил вроде бы понятно, но так быстро и так настойчиво, что уж только этим вызывал у слушателей подозрительность. Что бормотал про себя Примаков, понять было решительно невозможно — запомнилась лишь манера повторять окончания фраз по два раза, что убедительности речам не добавляет. Роскошный баритон Касьянова, напротив, порождал у слушателя столь сильное эстетическое переживание, что уловить смысл было трудно. Фрадков говорить на публику только учится. Слышит ли Миронов то, что сам же говорит, неясно. У Грызлова, Жукова, Грефа, Кудрина или Зурабова с дикцией порядок, но и только».

Он предложил, среди прочих, и такое материалистическое объяснение этому явлению: «Объективная противоречивость ситуации, помноженная на внутреннюю конфликтность целей и возведенная в квадрат за счет разногласия лоббистских устремлений множества групп, не позволяет добиться структурности содержания каких бы то ни было программ» [317].

Сдвиг к аутистическому мышлению. Основу рационального представления о действительности создает реалистическое мышление, хотя элементы утопии оказывают на него стимулирующее воздействие. Цель реалистического мышления — создать *правильные* представления о действительности, цель аутистического мышления — создать *приятные* представления и вытеснить неприятные.

Главное в аутистическом мышлении то, что оно, обостряя до предела какое-либо стремление, несколько не считается с действительностью. Аутизм советской интеллигенции достиг в 80-е годы небывалого уровня. Ведь действительно она всерьез поверила в фантазию «возвращения в цивилизацию», в «наш общий европейский

дом». Наверное, сам Горбачев не мог ожидать такого эффекта от совершенно нелепого обещания. Ведь на Западе никто и никогда ни словом не обмолвился, не дал оснований считать, будто русских или чувашей в этот «дом» приглашают. Эта фантазия «братания с Западом» не согласовывалась ни с какими реальными признаками, сейчас даже трудно представить себе, что множество умных и образованных людей в нее верили. В таком состоянии у людей возникает сладкое чувство **безответственности**. А.С. Панарин трактует этот большой сдвиг в сознании в терминах психоанализа — как «бунт юноши Эдипа», бунт против принципа отцовства, предполагающего ответственность за жизнь семьи и рода [95].

Для широких кругов интеллигенции законодателем в постановке вопросов и способе рассуждений стал академик А.Д. Сахаров. Но его главные манифесты — плод аутистического мышления. Вот его меморандум 1968 г., с которым он обратился в Политбюро ЦК КПСС (как пророчески сказано в предисловии, это «веха нашего самосознания»). Это текст на тему «Как нам обустроить весь мир». Советы даются не только Брежневу с Косыгиным, но и всем президентам и монархам.

Вот небольшие выдержки: «Сейчас «белые» граждане США не проявляют желания пойти на минимальные жертвы для ликвидации неравноправного экономического и культурного положения «черных» граждан США, составляющих немногим более 10% населения. Но необходимо так изменить психологию граждан США, чтобы они добровольно и бескорыстно, во имя одних только высших и отдаленных целей, во имя сохранения цивилизации и гуманности на нашей планете поддерживали свое правительство и общемировые усилия в изменении экономики, техники и уровня жизни миллионов людей (что, конечно, потребует серьезного снижения темпов экономического развития в США). По мнению автора, необходим своеобразный налог на развитие

страны в сумме порядка 20% их национального дохода на протяжении примерно пятнадцати лет».

А вот плановое задание А.Д. Сахарова для СССР и США на три с лишним пятилетки: «СССР и США, преодолев разобщенность, решают проблему спасения более «бедной» половины земного шара. Осуществляется упомянутый выше 20%-ный налог на национальный доход развитых стран. Строятся гигантские фабрики минеральных удобрений и системы орошения, работающие на атомной энергии, колоссально возрастает использование моря, обучаются национальные кадры, проводится индустриализация. Строятся гигантские предприятия по производству синтетических аминокислот и микробиологическому синтезу белков, жиров и углеводов. Одновременно происходит разоружение (1972—1990 годы)» [108].

Это — рассуждения в духе страны Тлён¹. Они логичны, но исходят из постулатов и предположений, которые лежат в плоскости, параллельной реальности, они не пересекаются. Они плод аутистического сознания. Такие взгляды на реальность стали характерны для советской интеллигенции, включая ту, которая профессионально действовала в сфере жесткого знания. В 1989 г. Институтом социологии АН СССР были проведены опросы с целью «дать ответ о предпосылках и факторах, способствующих и мешающих утверждению

---

¹ В рассказе-антиутопии Хорхе Луиса Борхеса «Тлён, Укбар, Orbis tertius» (1944) говорится о том, как ему странным образом досталась энциклопедия страны Тлён. В ней были подробно описаны языки и религии этой страны, ее императоры, архитектура, игральные карты и нумизматика, минералы и птицы, история ее хозяйства, развитая наука и литература — «все изложено четко, связно, без тени намерения поучать или пародийности». Но весь этот огромный труд был прихотью большого интеллектуального сообщества («руководимого неизвестным гением»), которое было погружено в изучение несуществующей страны Тлён. Жители этой страны были привержены изначальному тотальному идеализму.

нового политического мышления в сознании масс» [116]. При опросах социологи формулировали «суждение» и измеряли долю тех, кто с ним согласен и не согласен.

Вот позиция большой представительной группы — «естественно-научной интеллигенции». Ей дают суждение: «Сила (или угроза силой) не может быть инструментом внешней политики». И 94% интеллигентов из науки согласны с этим абсурдным суждением! Такого не может быть, чтобы во внешней политике применялась сила или угроза силой! Формулировка ясна, людей не спрашивают, *хотят ли они*, чтобы сила была инструментом внешней политики. Они воочию видят, что сила *есть* инструмент внешней политики, — и грезят наяву.

Вот другое суждение: «Сегодня мы вступили в эпоху, когда в основе прогресса будет лежать общечеловеческий интерес». С ним согласились 81% опрошенной «естественно-научной интеллигенции»! Ну как можно было вообще соглашаться оценивать суждение, в котором два понятия (*прогресс и общечеловеческий интерес*) неопределимы? И каково же должно было быть понимание сути этих понятий, чтобы согласиться с этим нелепым суждением?

Мера. Важную роль в становлении современного «общества знания» сыграли *количественный подход и мера* как инструмент рационального мышления. Одним из самых тяжелых ударов, которые перестройка нанесла по рациональному сознанию, стало разрушение у человека способности «*взвешивать*» явления — у него отняли *чувство меры*. Речь идет не о том, что человек потерял инструмент измерения, снизил точность, стал «мерить на глазок». Перестройка разрушила саму систему координат, в которую мы помещаем реальность, чтобы получить о ней достоверное знание.

Общество надеялось, что наша многомиллионная интеллигенция, поднаторевшая в высшей математике, не позволит обмануть нас, разоблачит двойную бухгал-

терию, даст верные гири, чтобы подавить назревающий хаос надежным числом. Этого не случилось, в применении меры наше «общество знания» оказалось несостоятельным, интеллигенция как будто забыла все, чему ее учили в школе.

Овладение числом и мерой — одно из важнейших завоеваний человека. Умение мысленно оперировать с числами и величинами — исключительно важное интеллектуальное умение, которое осваивается с трудом и развивается на протяжении жизни человека. Перестройка привела к необычной интеллектуальной патологии — утрате *расчетливости*. Произошла архаизация сознания слоя образованных людей — утрата ими того «духа расчетливости» (*calculating spirit*), который, по выражению Вебера, был важным признаком современного общества. Откат назад в «технологии мышления» большей части интеллигенции чреват тяжелым культурным кризисом.

Это и произошло в СССР, затронув все отряды интеллигенции. Утрата меры наблюдалась в мышлении и левых, и правых, и западников, и патриотов. В этом подрыве одного из инструментов рационального мышления особую роль сыграли те сообщества интеллигенции, которые интенсивно использовали числа и меру для подтверждения своих идеологически нагруженных тезисов, — прежде всего экономисты. *Экономические* выкладки с применением числа и меры оказывали на общественное сознание наибольшее воздействие. Они прилагались непрерывно к очень широкому спектру житейских ситуаций и выглядели гораздо более нейтральными, чем цифры историков и социологов, а следовательно, пользовались доверием. Идеологическое использование числа повлияло и на самих экономистов — они в большой мере уверовали в свои собственные мифы и утратили способность измерять и взвешивать явления.

Важнейшее свойство расчетливости, даваемое образованием и опытом, — способность быстро прикинуть в уме порядок величин и сделать «усилительный анализ», то есть прикинуть, в какую сторону ты при этом ошибаешься. Когда расчетливость подорвана, сознание людей не отвергает самых абсурдных количественных утверждений, они действуют на него магически. Человек теряет *чутье* на ложные количественные данные.

Вот пример. Во время перестройки видные экономисты и социологи стали пропагандировать *безработицу*. Т.И. Заславская писала в важной статье: «По оценкам специалистов, доля избыточных (т.е. фактически не нужных) работников составляет около 15%, освобождение же от них позволяет поднять производительность труда на 20—25%. Из сопоставления этих цифр видно, что лишняя рабочая сила не только не приносит хозяйству пользы, но и наносит ему прямой вред... По оценкам экспертов, общая численность работников, которым предстоит увольнение с занимаемых ныне мест, составит 15—16 млн человек, т.е. громадную армию» [44].

Какова аргументация! «Освобождение» от 15% «не-нужных» работников, по расчетам специалистов, поднимет производительность труда на 20%. Нетрудно видеть, что объем производства при этом возрастет на 2%. И из-за этого прироста (меньше «ошибки опыта») социолог предлагает превратить 15—16 миллионов человек в безработных! Академик, насытив свой текст числами, даже не удосужилась посчитать результат¹. Но

---

¹ Здесь мы не обсуждаем тот факт, что пропаганда безработицы антинаучна и противоречит *знанию*. Для получения этого знания не надо было даже рыться в иностранной литературе, они освещено и в отечественной. Ю.И. Чернов пишет в 1992 г., ссылаясь на изданную в США в 1984 г. книгу «Экономика безработицы»: «Л. Кейзерлинг (L. Keyserling) показал, что стремление побороть в США инфляцию в 1953—1980 гг. путем намеренного создания условий для роста безработицы было эквивалентно потерям в ценах 1979 года 8 триллионов долларов валового национального продукта» [32].

важнее тот факт, что неубедительные и даже нелепые расчеты Т.И. Заславской не привлекли внимания людей, **обязанных** уметь считать.

Академик Н.П. Шмелев разрушает меру, придавая количественному аргументу *тотальный* характер. Он пишет в 1995 г., что в России якобы имеется огромный избыток занятых в промышленности **работников**: «Сегодня в нашей промышленности 1/3 рабочей силы является излишней по нашим же техническим нормам, а в ряде отраслей, городов и районов все занятые — излишни абсолютно» [135].

Здесь утрата меры ведет к абсурду. Вдумайтесь: «в ряде отраслей, городов и районов все занятые — излишни абсолютно». Как это понимать? Назовите хоть одну такую отрасль или город! А ведь Н.П. Шмелев утверждает, что таких отраслей в России не одна, а целый ряд. Что значит «быть излишним абсолютно»? Это печатается в журнале Российской академии наук! Если редакция и образованные читатели журнала это принимают, значит, иррациональный алгоритм умозаключений прочно вошел в сознание.

И алгоритм этот устойчив. В 2003 г. («Московская среда», № 4) Шмелев написал: «Если бы сейчас экономика развивалась по-коммерчески жестко, без оглядки на социальные потрясения, нам бы пришлось высвободить треть страны. И это при том, что у нас и сейчас уже 12—13 процентов безработных. Тут мы впереди Европы. Добавьте к этому, что заводы-гиганты ближайшие несколько десятилетий обречены выплескивать рабочих, поскольку не могут справиться с этим огромным количеством лишних».

В сообществе экономистов не возникло никакой рефлексии, так что активные разрушители меры не только не испытали на себе никаких профессиональных санкций.

В годы перестройки призывы к радикальному слому основных систем жизнеустройства подтверждались ко-

личественными данными, которые, если в них вчитаться, любого разумного человека убедили бы как раз в том, что никакого слома не требуется, а надо постепенно улучшать именно то, что мы имеем.

Вот, в важной книге 1989 г. автор пишет: «За 1975—1984 гг. свое жилищное положение улучшили 48% семей руководителей высшего звена (первых руководителей предприятий и организаций) и 22% семей рабочих... Вряд ли вызывает сомнение утверждение о том, что социальная политика нуждается в коренной перестройке...» [13].

Опыт и здравый смысл подсказывают, что при назначении человека директором предприятия (очень часто с переездом в другой город) ему дают квартиру чаще, чем рабочему, и это разумно. Но ведь и сейчас, когда все мы знаем, какая готовилась «коренная перестройка социальной политики» и как теперь отличается быт «первых руководителей предприятий» и рабочих, никакого переворота в структуре рассуждений интеллигенции не произошло.

Тяжелый по своим последствиям провал в способности *считать* произошел в отношении интеллигенции к энергетическому балансу страны. Атака на почти уже выполненную Энергетическую программу велась объединенными силами научной и художественной интеллигенции. Вдумайтесь в логику аргументов: «Зачем увеличивать производство энергоресурсов, если мы затрачиваем две тонны топлива там, где в странах с высоким уровнем технологии обходятся одной тонной?» [79].

Миф о «двух тоннах вместо одной» — продукт нежелания узнать фактические данные. Где у нас расходовалось две тонны топлива вместо одной? На пахоте? В промышленности? На транспорте? Энергетический баланс всех производств известен досконально, это обязательное знание технологов любого профиля. Если доктора наук подписывают «меморандумы» с такими

количественными оценками, должны же они посмотреть хотя бы учебники и обзорные статьи.

Главный потребитель топлива — производство электроэнергии. В РСФСР был **самый низкий в мире** удельный расход топлива на 1 кВт-ч отпущенной электроэнергии. Если принять его за единицу, то в 1985 году в США он был равен 1,14, в Великобритании 1,09, в ФРГ 1,05 и в Японии 1,04. Это существенная разница. Другой крупный потребитель — транспорт. В США он потреблял 28% от всей производимой энергии, а в СССР с его огромными расстояниями только 13,4%. Известны абсолютные и относительные величины расходов топливно-энергетических ресурсов по видам транспорта, и из них следует, что в целом энергетическая эффективность транспорта в СССР была вдвое выше, чем в США и в полтора раза выше среднемировой. Так например, в «Аэрофлоте» в 1980 году на один пассажиро-километр расходовалось 91,5 г условного топлива, а в США 113 г (то есть на 25% больше) [130].

Разрушение меры происходит и при использовании чисел как магических образов, оказывающих на людей гипнотическое воздействие. Классический пример — утверждения, будто в ходе сталинских репрессий было расстреляно 43 млн человек. Сейчас движение населения ГУЛАГа по годам, со всеми приговорами и казнями, освобождением, переводами, болезнями и смертями изучено досконально, собраны целые тома таблиц. Ясно, что «43 миллиона» — художественная гипербола, но ведь значительная часть культурного слоя воспринимала их как чуть ли не научные данные лагерной социологии. Возникает расщепление сознания: человек прочтет достоверные документальные данные — и верит им, но в то же время он верит и «сорока трем миллионам расстрелянных».

Вот типичное умозаключение из книги, вышедшей в издательстве «Наука»: «Четверть миллиарда — 250

миллионов потеряло население нашего Отечества в XX веке. Почти 60 миллионов из них в ГУЛАГе» [62]. Ни редакторы издательства, ни соавторы по книге, ни читатели не удивились этим величинам. Но что значит «250 миллионов потеряло Отечество в XX веке»? Что каждый месяц в России умирало по 2,5 млн человек? А сколько умирало в XIX веке? За десять лет демократического режима в одной только РФ умерло 20 млн человек, без всякого ГУЛАГа. Сами по себе все эти числа ни о чем не говорят, они лишь создают зыбкий образ как инструмент *внушения*¹.

Выступая по телевидению 20 августа 1990 г. и приветствуя изданный Горбачевым указ о тотальной реабилитации «всех, кто был репрессирован в 20—30—40—50-е годы», А.Н. Яковлев говорит: «Сотни тысяч искореженных судеб, расстрелянных и умерших, покончивших с собой» [138, с. 260]. Здесь он называет величину, соизмеримую с той, что надежно установлена — число расстрелянных и умерших (видимо, в ГУЛАГе) в сумме составляет *сотни тысяч*. Затем, в предисловии А.Н. Яковлева к «Черной книге коммунизма», читаем: «Насильственно уничтожены более *шестьдесят миллионов* людей, в основном молодых, красивых и здоровых, родившихся, чтобы жить, творить и радоваться жизни. Их нет. Подорвана сама корневая система народа» [65, с. 28].

Шестьдесят миллионов — это только «молодых,

---

¹ В приведенном рассуждении читателя подталкивают к мысли, будто 250 млн человек пали *жертвой* политического строя, для этого протягивается нить к ГУЛАГу. Но ГУЛАГ существовал 30 лет, число заключенных в лагерях лишь в отдельные годы превышало 1 млн человек, смертность в лагерях составляла в среднем 3% в год — как Отечество могло там «потерять 60 миллионов»? Доподлинно известно, например, что с 1 января 1934 г. по 31 декабря 1947 г. в исправительно-трудовых лагерях ГУЛАГа умерло 963 766 заключенных, и основное число смертей пришлось на годы войны, трудное время для всех.

красивых и здоровых» и только *убитых* насильственно, а если взять с умершими в ГУЛАГе и покончившими с собой, то, дескать, и все сто миллионов выйдут. Тут он изменил величину почти на три порядка (правда, в тексте самой книги на с. 37 сказано: «СССР: 20 миллионов убитых»; видимо, академик пишет предисловия, не читая книг). Коллеги по ученому цеху академика не упрекнули.

Конкретных примеров разрушения меры из всех сфер общественной жизни можно привести множество. Важнее выделить главные структурные блоки этого явления.

Отказ «чувства меры» проявляется в широком использовании **«средних» показателей** при резком расслоении объектов. Люди как будто забыли школьное правило — средним числом можно пользоваться только в том случае, если нет большого разрыва в показателях между разными частями целого. И при обсуждении жизни общества у нас получается как в больничной палате: один умер и уже холодный, а другой хрипит в лихорадке, но средняя температура нормальная. Вот, в середине реформы и власти, и оппозиция утверждали, что потребление в стране упало на 30%. В 1995 г. по сравнению с 1991 г. потребление мясопродуктов упало на 28%, масла на 37%, молока и сахара на 25%. Но ведь этот спад сосредоточился почти исключительно в той половине народа, которую сбросили в крайнюю бедность. Значит, в этой половине потребление самых необходимых для здоровья продуктов упало на 50—80%! А власть, да и вся интеллигенция, делали вид, что не понимают этой простой вещи.

Еще одно нарушение меры характерно для переходных процессов, для слома равновесия, когда система быстро меняется. В этих случаях измеримые показатели связаны с выражаемыми через них скрытыми (латентными) величинами резко *нелинейно*. Это касается, на-

пример, сравнения таких социальных показателей, как уровни потребления и уровни доходов. В России произошел разрыв между измеряемыми и скрытыми величинами, а значит, эти измеряемые величины перестали быть показателями чего бы то ни было. А ими продолжают пользоваться. Уровень жизни снизился на 42%! Нет, всего на 37%! Какой регресс в знании! «Зона критической точки», область возле порога, граница — совершенно особенные части любого пространства, особый тип бытия. Доходы богатого человека и человека, находящегося на грани нищеты, — сущности различной природы, они количественному сравнению не поддаются. Это все равно, что приравнивать снижение на один метр летящего в небе самолета и утопающего человека, который захлебывается в озере.

Число, служащее индикатором состояния системы, всегда встроено в *контекст*, который и насыщает это число смыслом. Обеднение контекста видоизменяет смысл показателя, а после некоторого предела может совершенно исказить его. *Изъятие из контекста* стало общим приемом «отключения рациональности». Это приняло столь широкий характер, что нанесло сильный удар по всей культуре «количественного мышления». Применяя меру для оценки общественного явления и устраняя при этом реальный контекст, авторы сообщений разрушали пространственно-временные координаты и опорные точки, вне которых число теряло смысл.

В 1994 г. член Президентского совета доктор экономических наук Отто Лацис сообщил: «Еще в начале перестройки в нашей с Гайдаром статье в журнале «Коммунист» мы писали, что за 1975—1985 годы в отечественное сельское хозяйство была вложена сумма, эквивалентная четверти триллиона долларов США. Это неслыханные средства, но они дали нулевой прирост чистой продукции сельского хозяйства за десять лет» [68].

Итак, вложения 250 млрд долларов за десять лет, то

есть 25 млрд в год, названы «неслыханными средствами». Что же тут «неслыханного»? Годовые вложения в сельское хозяйство страны масштаба СССР в размере 25 млрд долларов — сумма не просто рядовая, но очень и очень скромная. Если бы доктор экономических наук О. Лацис следовал нормам рациональных рассуждений, он обязан был бы сказать, сколько, по его оценкам, *следовало бы* ежегодно вкладывать в сельское хозяйство. Он обязан был бы встроить свою «неслыханную» величину в международный контекст. Например, упомянуть, что в 1986 году только *государственные бюджетные дотации* сельскому хозяйству составили в США 74 млрд долларов¹.

Часто числа приобретают ложный смысл из-за того, что они не помещены в систему координат, в которых возможна их разумная интерпретация, не заданы стандарты для сравнения. Вот, например, солидный академический журнал аргументирует тезис о вредоносности испытаний ядерного оружия на Семипалатинском полигоне данными о заболеваемости жителей Алтайского края: «С 1980 по 1990 г. заболеваемость злокачественными новообразованиями возросла в этом крае с 276 до 286 случаев на 100 тыс. населения» [7, с. 64.]. Сам тезис мы здесь не обсуждаем, речь идет о количественной мере в качестве *аргумента*.

Итак, в зоне испытания прирост заболеваемости онкологическими болезнями составил за 10 лет ровно 10 случаев на 100 тыс. человек. Много это или мало? Чтобы установить связь между ядерными испытаниями и онкологическими заболеваниями, нужно как минимум привести данные о динамике заболеваемости в тех областях, где не было подобных испытаний. Это элемен-

---

¹ Мы не обсуждаем здесь совершенно ложного утверждения о «нулевом приросте чистой продукции сельского хозяйства за десять лет». Чистая продукция сельского хозяйства СССР в 1985 г. составила 120% от продукции 1975 г. (в ценах 1983 г.).

тарное правило логических умозаключений. Но издатель журнала, ученые из Института философии РАН, такого стандарта сравнения от авторов не требуют.

Сделаем это сами, данные публикуются ежегодно. Согласно этим данным, за те же десять лет с 1980 по 1990 г. прирост заболеваемости злокачественными новообразованиями по России в целом составил 33 случая на 100 тыс. человек! Согласно логике авторов, ядерные испытания очень **полезны** для здоровья. В действительности цифры, приведенные в журнале, **ни о чем не говорят** — слишком много факторов влияет на заболеваемость. Еще шаг назад от рациональности.

Разрушение чувства меры ведет к утрате **чутья** на ложные числа, которое является важным условием для рациональных рассуждений. В 1990 г. был устроен т.н. «сероводородный бум» — нагнетались нелепые страхи перед Черным морем, которое якобы вот-вот выбросит из себя огромное облако сероводорода. Например, «Литературная газета» писала: «Что будет, если, не дай бог, у черноморских берегов случится новое землетрясение? Вновь морские пожары? Или одна вспышка, один грандиозный факел? Сероводород горюч и ядовит... в небе окажутся сотни тысяч тонн серной кислоты».

Почему эта и другие газеты могли писать такую чушь? Потому, что читатели ЛГ, в основном образованные люди, ее **принимали**. У них была разрушена способность **взвешивать** величины. Максимальная концентрация сероводорода в воде Черного моря составляет 13 мг в литре, что в 1000 раз меньше, чем необходимо, чтобы он мог выделиться из воды в виде газа. В тысячу раз! Ни о каком воспламенении, опустошении побережья и сожжении лайнеров не могло быть и речи. Но миллионы людей с высшим образованием не почувствовали этой разницы в три порядка.

Неспособность отсеивать или хотя бы переводить в разряд «сомнительных» ложные количественные дан-

ные — результат массового поражения инструментов рационального мышления.

Чрезвычайным нарушением меры является **несоизмеримость** приводимых величин. Вот типичный пример. Во время перестройки началась кампания за ликвидацию колхозов, потому что «они убыточны и камнем висят на шее государства». А.Н. Яковлев, говоря о «тотальной люмпенизации общества», которое надо «депаразитировать», приводил такой довод: «Тьма убыточных предприятий, колхозов и совхозов, работники которых сами себя не кормят, следовательно, паразитируют на других» [138, с. 24]. Вот мера академика-экономиста: убыточных предприятий, колхозов и совхозов в СССР — **тьма**. Хотя прекрасно известно и общее число предприятий и колхозов, и число убыточных, так что можно дать определенные величины — и абсолютные, и относительные.

Реальные величины таковы. В 1989 г. в СССР было 24 720 колхозов. Они дали 21 млрд руб. **прибыли**. Убыточных было на всю страну 275 колхозов (1%), и все их **убытки** в сумме составили 49 млн руб. — 0,2% от прибыли колхозной системы. В целом рентабельность колхозов составила 38,7%. Величина убытков **несоизмерима** с размерами прибыли. Колхозы и совхозы вовсе не «висели камнем на шее государства». Аргумент, основанный на количественной мере, был ложным.

Так же обстояло дело и с промышленными предприятиями. Когда в 1991 г. начали пропаганду приватизации, говорилось: «Надо приватизировать промышленность, ибо государство не может содержать убыточные предприятия, из-за которых большой дефицит бюджета». На деле за весь 1990 г. убытки нерентабельных промышленных предприятий СССР составили менее 1% произведенной в промышленности добавленной стоимости — и такую систему предлагали приватизировать, аргументируя ее «нерентабельностью». Кстати, в 1991 г.

убыток от всех нерентабельных промышленных предприятий составил менее 1% от дефицита госбюджета¹.

Все подобные примеры структурно схожи и говорят об общем характере явления — о разрушении инструментов меры, позволяющих человеку *почувствовать* (почти «мышечным» сознанием) несоизмеримость величин. При этом теряется и умение «взвешивать» качества, которое выводит обществоведческий анализ за рамки простых математических действий. В любой реальной проблеме исследователь общества имеет дело с *несоизмеримыми* величинами, обладающими разными качествами. Это касается и ценностей, и интересов, и условий деятельности людей.

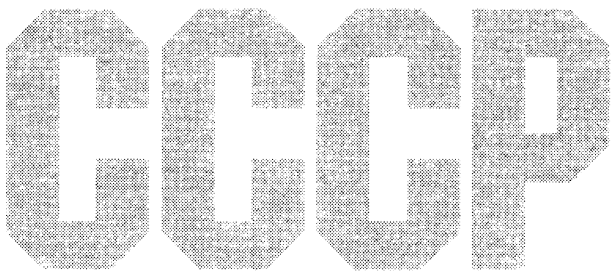
Провал советского обществоведения в конце 80-х годов во многом и был предопределен неумением обращаться с несоизмеримостью и совмещать в одной модели несоизмеримые элементы, отходом от диалектического взгляда на ценности и идеалы, вступившие в противоречие. Вместо того, чтобы «взвесить» все элементы системы, господствующая в то время группа обществоведов просто объявляла какую-то одну ценность высшим приоритетом («общечеловеческой ценностью») и пренебрегала альтернативными ценностями. Так, например, ценность *свободы* ставилась неизмеримо выше ценности *равенства*, так что в дискурсе обществоведения даже возобладал социал-дарвинизм. Ценность экономической эффективности ставилась неизмеримо вы-

---

¹ Заметим, что в обоих случаях образованные люди, не замечая несоизмеримости между убытками и доходом колхозной системы и промышленности, одновременно не замечали и подмены понятий. Ведь понятия *рентабельность* и *убытки* в советской экономике были условностью, ибо они *планировались*. И какая утрата логики — утверждать, что если предприятие убыточно, то его «работники сами себя не кормят, следовательно, паразитируют на других». Предприятие — не натуральное хозяйство, оно служит не для «кормления» работников, а для выполнения определенных задач, которые ставит перед ним его владелец. Кормление идет «по другой статье».

ше ценности социальной справедливости и т.д. В результате в моделях, положенных в основание доктрины реформ, возникла острая некогерентность. Социальная справедливость как ограничение для социальной инженерии была отброшена, но вместе с этим рухнула и экономическая эффективность.

Глава 10

КРИЗИС ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ В ПОЗДНЕМ СССР

Тяжесть и продолжительность кризиса России во многом обусловлены тем, что как раз к его началу в СССР «отказало» обществоведение, общественные науки. Отказало в целом, как особая система знания (об отдельных блестящих талантах и коллективах не говорим, не они в эти годы определяли общий фон).

Как и у всякой науки, главная социальная функция общественных наук заключается в том, чтобы *формулировать запреты*. Выражаясь мягче, предупреждать о том, *чего делать нельзя*. Обществоведение обязано предупреждать о тех опасностях, которые таятся в самом обществе людей, — указывать, чего нельзя делать, чтобы не превратить массу людей в разрушительную силу. Большие сбои мировое обществоведение стало давать уже с начала XX века. Оно, например, не увидело и не поняло опасности фашизма — сложной болезни Запада и особенно немецкого народа (хотя симптомов было достаточно). В этом предвидении оказалось одинаково несостоятельным как обществоведение, которое сложилось в парадигме либерализма, так и то, которое развивалось на методологической основе марксизма (исторический материализм).

Оно также не увидело и не поняло признаков «бунта

этничности», который вспыхнул в конце XX века и в традиционных, и в современных обществах. Зрение обществоведов было деформировано методологическим фильтром — верой в то, что наш мир прост и устроен наподобие математически точной машины. В этой вере интеллигенция пряталась, как страус, от нарастающей сложности и нестабильности. Но в России перестройка и хаос 90-х годов привели к поражению даже и этой механистической рациональности.

Что значит «мы не знаем общества, в котором живем» (выражение Андропова, которое повторил и Горбачев)? Это как если бы капитан при начинающемся шторме, в зоне рифов, вдруг обнаружил, что на корабле пропали лотии и испорчен компас. Но перестройка лишь вскрыла ту глубокую деформацию советского обществоведения, которая стала нарастать с 60-х годов. Углубляясь в смыслы концепций Просвещения, как в их марксистской, так и либеральной версиях, обществоведение быстро отрывалось от традиционного знания России и от здравого смысла. На методологических семинарах и конференциях велись жалкие схоластические дебаты по проблемам, которые не пересекались с реальной жизнью. И этот сдвиг был *системным*.

Дж. Грей в своей грустной книге «Поминки по Просвещению» называет всю современную западную политическую философию «политическое мышление в духе страны Тлён». Он пишет, что ошибочное представление человека как индивида привело к бессилию либеральной мысли. Она, например, отбрасывает этничность и национализм как труднодоступное пониманию отклонение от нормы. По словам Грея, «подобное понимание господствующих сил столетия... не предвещает ничего хорошего современной политической философии или либерализму».

Какая беда, что наша российская интеллигенция, начиная с поколения Горбачева, впала в это же самое

либеральное мышление «в духе страны Тлён» — вымышленной страны, которую увлеченно изучало сообщество интеллектуалов! В 50-е годы на философском факультете МГУ вместе учились Мамардашвили, Зиновьев, Грушин, Щедровицкий, Левада. Теперь об этой когорте пишут: «Общим для талантливых молодых философов была смелая цель — вернуться к подлинному Марксу». Что же могла обнаружить у «подлинного Маркса» эта талантливая верхушка советских философов для понимания России? Жесткий евроцентризм, крайнюю русофобию и отрицание «грубого уравнительного коммунизма» как реакционного выкидыша цивилизации, тупиковой ветви исторического развития. Но ведь образ России у Маркса — это и есть страна Тлён.

Конечно, сильное давление на сообщество обществоведов оказал политический интерес. Чтобы сломать такую махину, как Советское государство и хозяйство, надо было сначала испортить инструменты рационального мышления. В рамках нормальной логики и расчета невозможно было оправдать тех разрушительных изменений, которые были навязаны стране со ссылкой на «науку». Сегодня чтение солидных, академических трудов обществоведов перестроечного периода оставляет тяжелое чувство. В них нарушены самые элементарные нормы логического мышления и утрачена способность «взвешивать» явления.

Это выразилось в уходе от осмысления *фундаментальных* вопросов. Их как будто и не существовало, не было никакой возможности поставить их на обсуждение. Из рассуждений была исключена категория *выбора*. Говорили не о том, «куда и зачем двигаться», а «каким транспортом» и «с какой скоростью». Иррациональным был уже сам лозунг «иного не дано!».

В среде обществоведов, которые разрабатывали доктрину реформ, методологическим принципом стала *безответственность*. В ходе реформы это сказалось

самым страшным образом. Пафос реформы был открыто оглашен как *слом советской хозяйственной системы и создание необратимости*. Сама декларация о *необратимости как цели* показывает глубинную безответственность — как философский принцип.

В Послании Президента РФ Федеральному собранию 2004 г. В.В. Путин говорит: «С начала 90-х годов Россия в своем развитии прошла условно несколько этапов. Первый этап был связан с демонтажем прежней экономической системы... Второй этап был временем расчистки завалов, образовавшихся от разрушения «старого здания»... Напомню, за время длительного экономического кризиса Россия потеряла почти половину своего экономического потенциала».

Это важное утверждение. Ведь реформа 90-х годов представлялась обществу как *модернизация* отечественной экономики — а теперь оказывается, что это был ее *демонтаж*, причем исключительно грубый, в виде *разрушения* «старого здания». На это согласия общества не спрашивали, а общество никогда бы не дало такого согласия. Речь идет о колоссальном обмане общества, совершенном с участием авторитетных обществоведов.

Наблюдалась поразительная вещь: ни один из ведущих экономистов никогда не сказал, что советское хозяйство *может быть переделано* в рыночное хозяйство западного типа. Никто никогда и не утверждал, что в России можно *построить* экономическую систему западного типа. Ситуация в интеллектуальном плане аномальная: заявления по важнейшему для народа вопросу строились на предположении, которого никто не решался явно высказать. Никто не заявил, что на рельсах нынешнего курса возникнет дееспособное хозяйство, достаточное, чтобы гарантировать выживание России как целостной страны и народа. Ведь если этого не будет, то уплаченную народом тяжелую цену за блага для «новых русских» уже никак нельзя будет оправдать.

Однако, сколько ни изучаешь документов и выступлений, никто четко не заявляет, что он, академик такой-то, уверен, что курс реформ выведет нас на безопасный уровень без срыва в катастрофу. А вот предупреждений об очень высоком риске сорваться в катастрофу было достаточно.

Итак, главные обществоведы страны не утверждали, что жизнеустройство страны может быть переделано без катастрофы, — но тут же требовали его переделывать. Никакое научное сообщество не может принимать подобные катастрофические предложения без обоснования и критического анализа. Один этот штрих показывает, что к концу 80-х годов в СССР и России уже не существовало сообщества обществоведов как *научной* системы.

Горбачев и его «интеллектуальная команда» вместо «научного анализа» гнали общество, торопили, не давали опомниться и задуматься, представляли дело так, будто никакого выбора и не существует. Весь дискурс официального обществоведения был направлен на то, чтобы люди *не поняли*, что их ожидает в ближайшем будущем. Но ведь для общества как раз было жизненно важно разобраться именно в сути выбора, перед которым оно было поставлено, и основная масса народа надеялась на то, что гуманитарная интеллигенция — философы, историки, социологи — в этом разберется и честно растолкует остальным. Люди считали, что это — профессиональный долг обществоведения.

Вот как характеризовала суть перестройки академик Т.И. Заславская: «Перестройка — это изменение типа траектории, по которой движется общество... При таком понимании завершением перестройки будет выход общества на качественно новую, более эффективную траекторию и начало движения по ней, для чего потребуется не более 10—15 лет... Необходимость прин-

ципиального изменения траектории развития общества означает, что прежняя была ложной» [44].

Здесь сказано, что население и страну ждет не улучшение каких-то сторон жизни, а смена самого *типа* жизнеустройства, то есть *всех сторон* общественного и личного бытия. Речь идет даже не о том, чтобы с перекрестка пойти «другой дорогой», а о том, чтобы сменить *тип траектории* — пойти в другую сторону, да еще и «в другом измерении» (в глубь земли?).

Казалось бы, поставлена фундаментальная проблема и следующим шагом будет именно на таком фундаментальном уровне сказано, в чем же «прежняя траектория была ложной». Но нет, этот разговор велся (да ведется и сегодня) на уровне деталей бытового характера. Выезд за границу облегчить, вместо универсамов супермаркеты учредить, цену поднять так, чтобы очередей не было, разрешить образование партий — Жириновского, Явлинского, а то скучно без них.

А ведь за утверждением Т.И. Заславской стояли вещи *экзистенциального* уровня. Например, предполагалось изменение всех фундаментальных прав человека — на пищу, на жилье, на труд. От общества, устроенного по типу семьи, когда именно эти права являются неотчуждаемыми (человек рождается с этими правами), предполагалось перейти к обществу, устроенному по типу рынка, когда доступ к первичным жизненным благам определяется только платежеспособностью человека. Как могли обществоведы уклониться от обсуждения именно этой фундаментальной проблемы выбора и толковать о частностях?

Даже проблема ликвидации плановой системы хозяйства, частная по сравнению с общим изменением типа жизнеустройства, оказалась для обществоведения слишком фундаментальной. О ней говорилось мало и именно в технических терминах — что лучше учитывает потребительский спрос на пиджаки, план или рынок?

Г.Х. Попов писал в 1989 г.: «В документах июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС «Основные положения коренной перестройки управления экономикой» и принятом седьмой сессией Верховного Совета СССР Законе СССР «О государственном предприятии (объединении)» есть слова, которые можно без преувеличения назвать историческими: «Контрольные цифры... не носят директивного характера». В этом положении — один из важнейших узлов перестройки» [9].

Исторические слова! Значит, речь идет о чем-то самом важном. Так растолкуйте это людям, товарищи философы и экономисты! Но обществоведение, напротив, нанесло тяжелый удар по методологии понимания людьми самых простых и фундаментальных для их жизни вещей, по навыкам постановки вопросов, вычленения главного, выявления причинно-следственных связей.

Уже к середине 90-х годов мнение о том, что экономическая реформа в России «потерпела провал» и привела к «опустошительному ущербу», стало общепризнанным (пусть негласно) и среди российских, и среди западных специалистов. В 1996 г. видные экономисты Н. Петраков и В. Перламутров писали в академическом журнале «Вопросы экономики»: «Анализ политики правительства Гайдара — Черномырдина дает все основания полагать, что их усилиями Россия за последние четыре года переместилась из состояния кризиса в состояние катастрофы» [97].

Но ведь надо вспомнить, что влиятельные обществоведы прямо призывали людей принять перспективу «опустошительного ущерба», внушая, что в середине 80-х годов люди жили так плохо, что хуже не бывает. Вот, доктор философских наук, главный научный сотрудник АН СССР А.И. Ракитов пишет в академическом журнале о хорошо изученном явлении — первоначальном накоплении капитала в XVIII — XIX веках: «Первоначальное накопление капитала действительно

жестокий процесс. Но эта жестокость того же рода, как жестокость скальпеля, разрезающего живую ткань, чтобы вырезать гнойник и освободить плоть от страданий. Однако жестокость «первоначального накопления» ни в какое сравнение не идет с циничным надругательством над людьми и обществом эпохи окончательного разграбления, длящегося в нашей стране вот уже 70 лет» [103].

Можно ли считать эти утверждения рациональными, относящимися к сфере знания? Даже для пропаганды в боевых условиях это выглядит как гротеск, шокирующий мало-мальски образованного человека. Какой гнойник, какая плоть? От каких страданий освободил скальпель первоначального накопления английских крестьян, согнанных с земли, или десятки миллионов африканцев, угнанных в рабство? Но это говорит видный философ, ставший советником президента по вопросам науки. Русский интеллигент... Подобные высказывания — признак глубокого кризиса обществоведения.

Нобелевский лауреат по экономике Дж. Стиглиц дает ясную оценку: «Россия обрела самое худшее из всех возможных состояний общества — колоссальный упадок, сопровождаемый столь же огромным ростом неравенства. И прогноз на будущее мрачен: крайнее неравенство препятствует росту» [117].

Вдумаемся в этот вывод: в результате реформ мы получили **самое худшее из всех возможных состояний общества**. Значит, речь идет не о частных ошибках, вызванных новизной задачи и неопределенностью условий, а о *системе ошибок*, о возникновении в сознании проектировщиков реформы «странных аттракторов», которые тянули к выбору наихудших вариантов из всех возможных, тянули к катастрофе.

Перед нами явление крупного масштаба: на огромном пространстве при участии влиятельной интеллектуальной группировки искусственно создана хозяйст-

венная и социальная катастрофа. Ее интенсивность не имеет прецедента в индустриальном обществе Нового времени. Украина — большая европейская страна с высоким уровнем научного и промышленного развития. В 2000 г. средняя реальная заработная плата здесь составляла 27% от уровня 1990 года (в РФ 42%, в Таджикистане 7%).

Казалось бы, перед обществоведением возник очень важный в теоретическом и еще более в практическом плане объект исследований, анализа, размышлений и диалога. Но за прошедшие 15 лет никакого стремления к рефлексии по отношению к методологическим основаниям программы реформ в среде обществоведов не наблюдается! За исключением отдельных личностей, которые при настойчивой попытке гласной рефлексии становятся диссидентами профессионального сообщества.

В России 90-х годов на высказывание мнений, противоречащих доктрине реформ, была наложена цензура, по сравнению с которой советская идеологическая цензура показалась бы предельно либеральной. Даже почтенным иерархам экономической науки (например, академикам Д.С. Львову, Н.Я. Петракову или Ю.В. Яременко) был закрыт доступ к трибуне, так что их рассуждения в узком кругу специалистов превратились в «катакомбное» знание.

Американские эксперты А. Эмсен и др. пишут в своем докладе: «Тем экономистам в бывшем Советском Союзе и Восточной Европе, которые возражали против принятых подходов, навешивали ярлык скрытых сталинистов» [136]. В те годы этот ярлык означал маргинализацию человека как профессионала и был едва ли не опаснее, чем ярлык «фашиста». Но гораздо важнее состояние именно сообщества как целостности, *мейнстрим*.

Если отбросить предположения о том, что доктрина реформ являлась плодом сатанинского заговора против

России, остается признать, что ее замысел включал в себя ряд ошибок *фундаментального* характера. Эти ошибки делались вопреки хорошо систематизированному историческому опыту России, вопреки предупреждениям множества советских и российских специалистов, вопреки предупреждениям видных зарубежных ученых. Этот факт также требует рефлексии, ибо говорит об очень глубокой деформации всей системы норм научной рациональности в отечественном общественном сознании.

Назовем, только для примера, два положения, которыми обосновывалась радикальная реформа: утверждение, будто советское народное хозяйство переживало кризис и было на грани коллапса; утверждение, что кардинальная трансформация социально-экономической системы не приведет к социальному бедствию.

А.Н. Яковлев в интервью 2001 г. подтвердил первый тезис: «Если взять статистику, какова была обстановка перед перестройкой, — мы же стояли перед катастрофой. Прежде всего экономической. Она непременно случилась бы через год-два» [137].

Чтобы проверить эти слова академика РАН от экономики, каждый мог тогда и может сегодня «взять статистику» и убедиться, что, согласно всем главным показателям, прежде всего размеру инвестиций, никаких признаков кризиса, а тем более коллапса, в середине 80-х годов не было. Достаточно посмотреть на массивные, базовые индикаторы, определяющие устойчивость экономической основы страны. Никто в их достоверности не сомневался и не сомневается¹.

---

¹ Даже А.Д. Сахаров писал в 1987 г.: «Нет никаких шансов, что гонка вооружений может истощить советские материальные и интеллектуальные резервы и СССР политически и экономически развалится — весь исторический опыт свидетельствует об обратном» [107].

Таблица 2.**ОСНОВНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ СССР
ЗА 1980—1988 гг.**

	1980	1985	1986	1987	1988
Валовой национальный продукт (в фактически действовавших ценах), млрд руб.	619	777	799	825	875
Производственные основные фонды всех отраслей народного хозяйства (в сопоставимых ценах 1973 г.), млрд руб.	1150	1569	1651	1731	1809
Продукция промышленности (в сопоставимых ценах 1982 г.), млрд руб.	679	811	846	879	913
Продукция сельского хозяйства (в сопоставимых ценах 1983 г.), млрд руб.	188	209	220	219	222
Ввод в действие жилых домов, млн кв. м	105	113	120	131	132
Отправление грузов транспортом общего пользования, млрд т	11,9	12,3	12,8	13,1	13,2
Мощность электростанций, млн квт	267	315	322	332	339
Добыча топлива (в пересчете на условное), млн т.	1896	2073	2166	2230	2287

А вот итог ретроспективного анализа экономического состояния СССР в 80-е годы, обобщенный в [104]: «Исключительно важно подчеркнуть: сложившаяся в первой половине 80-х годов в СССР экономическая ситуация, согласно мировым стандартам, в целом не была кризисной. Падение темпов роста производства не перерастало в спад последнего, а замедление подъема уровня благосостояния населения не отменяло самого факта его подъема» [104].

Что касается второго тезиса — о том, что «невидимая рука рынка» принесет благоденствие населению, — то приверженность этой утопии хорошо характеризуется той агрессивностью, которую вызывали у интеллектуальной бригады реформаторов сомнения массы этого самого населения.

В.В. Радаев и О.И. Шкаратан так трактовали эти сомнения: «А что же нынешняя революция? (А это, безусловно, революция. Речь идет о смене формаций.)... На

практике против первых, даже робких шагов в стороны рыночной экономики и гражданского общества решительно выступили разноликие социальные силы... Казалось бы, вот путь, вот спасение — рынок, кооперативы, частная собственность. Но вплоть до сегодняшнего дня идут острейшие дискуссии... На самом деле трагическим является консерватизм не отдельных групп, а тем более отдельных лиц, но огромных масс, верящих, что они сегодня живут при социализме и что его необходимо «исправить». В сознании многих рыночные формы хозяйствования односторонне отождествляются с эксплуатацией, неравенством, безработицей. Да, пожалуй, нет для реформаторов более страшной преграды, чем народные предрассудки» [102].

Прошло 17 лет, «рынок, кооперативы, частная собственность», которых опасались «огромные массы», наглядно продемонстрировали, что они несут именно «эксплуатацию, неравенство, безработицу». Очевидно, что «огромные массы» оказались обладателями надежного достоверного знания и надежных рациональных методов предвидения. А видные обществоведы из АН СССР В.В. Радаев и О.И. Шкаратан дали совершенно ложный прогноз и оказались интеллектуально несостоятельными. И где же их рефлексия и профессиональный разбор причин такой огромной ошибки?

Как известно, одна из главных идей, положенных в основание российской реформы, сводилась к переносу в Россию англосаксонской модели экономики. Эта идея выводилась из, казалось бы, давно изжитого в просвещенном сознании примитивного евроцентристского мифа, согласно которому Запад через свои институты и образ жизни выражает некий универсальный закон развития в его наиболее чистом виде. Американские эксперты, работавшие в Москве, пишут: «Анализ экономической ситуации и разработка экономической стратегии для России на переходный период происходили

под влиянием англо-американского представления о развитии. Вера в самоорганизующую способность рынка отчасти наивна, но она несет определенную идеологическую нагрузку — это политическая тактика, которая игнорирует и обходит стороной экономическую логику и экономическую историю России» [136].

Никаких шансов на успех такая реформа не имела. Экономисты и философы предлагали взять за образец Запад и приводили как довод цитаты из фон Хайека или Милтона Фридмана. Они ничего не объясняли в советской реальности, но оказывали магическое действие. На предупреждения, которые делали самые авторитетные западные ученые, не обращали внимания. А именно в этот момент Дж. Гэлбрейт заметил: «На деле экономические идеи всегда являются продуктом своего времени и места возникновения, с которыми они тесно связаны, их нельзя рассматривать независимо от того мира, который они объясняют» (см. [49]).

Народное хозяйство и жизнеустройство любой страны — это большая система, которая складывается *исторически* и не может быть переделана исходя из доктринальных соображений. Выбор за образец для построения нового общества России именно США — страны, созданной на совершенно иной, нежели в России, культурной матрице, — не находит рациональных объяснений. Трудно сказать, какие беды пришлось бы еще испытать российскому народу, если бы у реформаторов действительно хватило сил загнать Россию в этот коридор.

Дж. Грей пишет то, что знали и основоположники современной русской культуры, и подавляющее большинство граждан СССР: «Значение американского примера для обществ, имеющих более глубокие исторические и культурные корни, фактически сводится к предупреждению о том, *чего им следует опасаться*; это не идеал, к которому они должны стремиться. Ибо принятие американской модели экономической политики непременно

повлечет для них куда более тяжелые культурные потери при весьма небольших, чисто теоретических или абсолютно иллюзорных экономических достижениях» [37, с. 192].

Дело вовсе не в идеологии, речь идет об исторически заданных ограничениях для выбора модели развития. Можно говорить о рациональности неолиберализма — в рамках специфической культуры Запада и его экономической реальности. Но это вовсе не значит, что постулаты и доводы неолиберализма являются рациональными и в существенно иной реальности, например, в России. Даже напротив, перенесение их социальной модели в иную экономическую и культурную среду практически наверняка лишает «их» обоснование рациональности. Это — почти очевидное элементарное правило. Анализируя причины краха неолиберальной реформы в России, мы должны понять природу «гибридизации» западного и отечественного научно-социального сознания, которая порождает синергическую интеллектуальную конструкцию, доводящую травмирующие свойства любой реформы до состояния абсурда, несовместимого с жизнью общества.

Дж. Гэлбрейт сказал об этих планах российских реформаторов: «Говорящие — а многие говорят об этом бойко, и даже не задумываясь — о возвращении к свободному рынку времен Смита не правы настолько, что их точка зрения может быть сочтена психическим отклонением клинического характера. Это то явление, которого у нас на Западе нет, которое мы не стали бы терпеть и которое не могло бы выжить» [47].

Психическое отклонение клинического характера — вот как воспринимался замысел реформы в России видными западными специалистами, не имеющими причин молчать! В 1996 г. американские эксперты, работавшие в РФ (А. Эмсен и др.), признали: «Политика

экономических преобразований потерпела провал из-за породившей ее смеси страха и невежества» [136].

Страх — понятная эмоция специалистов, чьи рекомендации привели к катастрофе. Но почему этот страх не был обуздан рациональным научным знанием? Объяснить этот феномен — приоритетная задача социологии российского «общества знания». Какова природа невежества, которое «породило» политику реформ в России? Изживается ли это невежество сегодня? Какие социальные механизмы блокируют рефлексию сообщества обществоведов России? Каковы способы восстановления информационной системы, которая вновь свяжет эту общность дееспособной когнитивной структурой?

Катастрофический кризис, в создании которого активное участие принимало сообщество обществоведов, в свою очередь самый тяжелый удар во всей системе знания нанес по *обществоведению*. Состояние всех типов социально-научного знания характеризуется рядом общих черт, на фоне которых реализуются специфические сценарии и тенденции развития в каждой отдельной области (экономике, социологии, этнологии и пр.). Главными общими процессами и факторами можно считать следующие:

— кризис мировоззренческой матрицы советского проекта в 60—80-е годы XX века и производный от него кризис когнитивной основы советского обществоведения;

— кризис легитимности советской политической системы в 80-е годы и распад сообщества обществоведов; формирование группировок на идеологической и прагматической основе; «внешние» заказчики и спонсоры и их влияние на обществоведение;

— фрагментация информационной системы российского обществоведения; дискриминация при доступе к информационным ресурсам по идеологическим и экономическим основаниям;

— изменение системы отношений с «социальными

заказчиками» и возникновение «интеллектуального предпринимательства» в сфере обществоведения;

— изменение системы господства в России и новая структура «научного фронта» в обществоведении;

— системный кризис в России и отход от норм рационального мышления в элите и в массовом сознании;

— общий кризис когнитивных структур Просвещения и давление постмодернизма.

Согласно этому перечню, первым фактором, определяющим состояние обществоведения, является воздействие на научное сообщество *наследия советского периода*. Инерция этого воздействия очень велика, и ее преодоление само по себе есть актуальная и сложная задача обществоведения, которая в явном виде даже еще не поставлена. Без рефлексии и рационального диалога с этой инерцией не справиться¹.

Важнейшей особенностью обществоведения в советское время был искажающий реальность методологический фильтр, через который оно видело свой предмет. Этим фильтром был специфический способ понимать общество в его развитии — *исторический материализм*.

Истмат — доктрина, ставшая частью идеологии. Доктрина быстро оторвалась от ее основоположников и стала жить своей жизнью, порой весьма «не по Марксу». Обществоведению нанесла вред прежде всего *стереотипизация* истмата — превращение его формул в расхожие догмы. Маркс писал даже: «Материалистический метод превращается в свою противоположность, когда им пользуются не как руководящей нитью при историческом исследовании, а как готовым шаблоном, по которому кроют и перекраивают исторические фак-

---

¹ Мы говорим о статистически значимых факторах и тенденциях, а не о конкретных личностях — в обществоведении, как и во всех других сферах, есть множество свободных и творческих умов, которые лишь имитируют конформизм.

ты». То есть этот метод не просто может стать бесполезным, но и превращается в свою *противоположность*! А значит, приводит к совершенно ложным выводам.

Имея истмат как *руководящую нить*, классики марксизма дополняли его всеми достижениями современного им знания. Наши «профессора истмата», которые блокировали доступ к «немарксистскому» знанию, были в этом смысле *антимарксистами*.

Из ограничений, наложенных классиками на применение метода, следует, что для понимания конкретных процессов надо осваивать и другие, лежащие *вне истмата* методологические средства. Советское обществоведение нарушило ограничения, наложенные на применимость метода его творцами, и резко снизило познавательные возможности нашего общества.

Так, политэкономия уже с начала XIX века все более и более приобретала характер «позитивной» науки, заменяющей описание социальной реальности ее более или менее абстрактными моделями, тяготеющими к механистическому детерминизму. Из политэкономии заимствовал «чистые» модели и истмат. Включив в изучение общества категорию законов, Маркс сделал всю свою философию уязвимой для соблазна позитивизма. Сам он защищался от этого соблазна диалектикой, которая во многом компенсировала само разделение «субъект-объект». По-иному пошло дело у социал-демократов и особенно в советском истмате.

В декабре 1921 г. вышла книга Н.И. Бухарина «Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии». Уже здесь было проведено разделение единой философии истории на два раздела — истмат и диамат. Завершен был этот процесс в классическом труде советского истмата, учебнике В.Ж. Келле и М.Я. Ковальзона «Исторический материализм», изданном массовыми тиражами [51].

На отдаление истмата от диалектики и усиление в

нем *механистического детерминизма* впервые указала Роза Люксембург, но глубоко рассмотрел этот процесс А. Грамши. Он, прежде всего, высказал мысль о причине и даже необходимости этого процесса *на определенной стадии* общественного развития. Он писал в «Тюремных тетрадах»: «Когда отсутствует инициатива в борьбе, а сама борьба поэтому отождествляется с рядом поражений, механистический детерминизм становится огромной силой нравственного сопротивления, сплоченности, терпеливой и упорной настойчивости... Реальная воля становится актом веры в некую рациональность истории, эмпирической и примитивной формой страстной целеустремленности, представляющей заменителем предопределения, провидения и т.п. в конфессиональных религиях... Но когда «подчиненный» становится руководителем и берет на себя ответственность за массовую экономическую деятельность, то этот механицизм становится в определенном смысле громадной опасностью... Фатализм является не чем иным, как личиной слабости для активной и реальной воли. Вот почему надлежит всегда развенчивать бессмысленность механистического детерминизма, который, будучи объясним как наивная философия массы, и лишь как таковой представляющий элемент внутренней силы, с возведением его в ранг осознанной и последовательной философии со стороны интеллигенции становится причиной пассивности, дурацкого самодовольства» [35, с. 54—55].

Таким образом, если фатализм истмата и был когда-то полезен трудящимся как заменитель религиозной веры в правоту их дела, то в советское время положение изменилось принципиально. Теперь партийное обществоведение взяло на себя «ответственность за массовую экономическую деятельность», и фатализм стал «громадной опасностью» — «причиной пассивности, дурацкого самодовольства». И Грамши записал в «Тетра-

дах» такое замечание: «Что касается исторической роли, которую сыграла фаталистическая концепция философии практики, то можно было бы воздать ей заупокойную хвалу, отметив ее полезность для определенного исторического периода, но именно поэтому утверждая необходимость похоронить ее со всеми почестями, подобающими случаю» [35, с. 60].

Эти похороны не состоялись и сегодня — истмат лишь «вывернут» в фундаментализм механистического неолиберализма. Реформа 90-х годов никак не сказалась на статусе методологии истмата, потому что он с ней оказался вполне совместим — пролетарская революция не созрела, советский строй был реакционным, следовательно, надо способствовать развитию производительных сил в рамках капитализма.

Своей жесткой схемой смены формаций истмат подвел к мысли, что советский социализм был «ошибкой истории». И потому-то основная масса обществоведов от истмата сегодня совершенно искренне находится в одном стане с ренегатами марксизма.

Мы стоим перед фактом, который невозможно отрицать: советское обществоведение, в основу которого была положена марксистская методология исторического материализма, оказалось несостоятельно в предсказании и объяснении кризиса советского общества. Речь идет о фундаментальных ошибках, совершенных большим интеллектуальным сообществом, так что объяснять эти ошибки аморальностью или конформизмом членов сообщества невозможно. Те методологические очки, через которые оно смотрело на мир, фатальным образом искажали реальность. Идеологический конформизм интеллигенции мог так легко проявиться потому, что теория марксизма не налагала запрета на смену идеалов.

В марксизме и в русском коммунизме были общие черты, которые делали возможным их взаимодействие, но в то же время создавали и предпосылки для кон-

фликта (который впервые выразился в расколе на большевиков и меньшевиков). Вплоть до 60-х годов XX века симбиоз советского строя и марксизма был одинаково необходим «обеим сторонам». Без этого симбиоза марксизм стал бы достоянием истории. Но, опершись на русский коммунизм, марксизм как интеллектуальное течение позже стал одним из соучастников его разгрома. Нельзя проходить мимо такого важного явления, как *антисоветский марксизм* 60—80-х годов на Западе и в СССР¹.

Критический анализ методологического оснащения доктрины марксизма является для постсоветского общества абсолютно необходимым, а для обществоведения он представляет профессиональный долг. Этот анализ тем более актуален, что как правящая элита, так и оппозиция в РФ продолжают, хотя частью бессознательно, в своих умозаклчениях пользоваться инструментами исторического материализма — смена идеологических клише «победившей» частью общества на это никак не влияет.

Когда в перестройке был взят курс на ликвидацию советского общественного строя, это потребовало подавления и ликвидации особой подсистемы знания — *предвидения угроз*. В интеллектуальном плане это было одной из важнейших функций обществоведения.

Еще Аристотель писал, что возможны два типа жизнеустройства: в одном исходят из принципа «сокращения страданий», а в другом — «увеличения наслаж-

---

¹ Пьетро Инграо, один из руководителей итальянской компартии, писал в 1992 г.: «На Востоке насильственно возникла система социально-политических режимов, которые радикально отличаются от моделей, принятых на Западе. Я отвергаю идею, будто эти деспотические режимы, называемые «реальным социализмом», имели хоть какое-то сходство с гипотезой коммунистического общества... Все мы приветствовали мирное вторжение демократического начала, которое нанесло удар по диктаторским режимам. Символом этого было падение Берлинской стены» [143].

дений». Советский строй исходил из первого принципа, он был создан поколениями, пережившими несколько волн массовых бедствий. Он весь был нацелен на предотвращение угроз. В этом СССР достиг больших успехов и даже сделал ряд важных открытий. Развитию этой части «общества знания» способствовало и наличие в мировоззренческой матрице советского строя компоненты общинного крестьянского коммунизма с присущей крестьянскому мироощущению культурой предвидения угроз в условиях высокой неопределенности.

Городское население 80-х годов, уже забыв о бедствиях, соблазнилось радикально перейти ко второму принципу жизнеустройства. Философ А.С. Панарин трактует этот большой сдвиг в сознании как «*бунт юноши Эдипа*», бунт против принципа отцовства, предполагающего ответственность за жизнь семьи и рода. Эйфория перестройки не предвещала катастрофы, пока худо-бедно действовали старые системы защиты от угроз, но затем старые системы стали устраняться, а общественное сознание утратило навыки предвидения угроз. Нарушилась социодинамика этого типа знания — произошел сдвиг к аутистическому мышлению, информация об угрозах стала активно отвергаться. Даже предчувствия исчезли. Это было признаком назревания большого кризиса, а потом стало причиной его углубления и затягивания. Не чувствуешь опасности — и попадаешь в беду.

В стране была отключена сама функция распознавания угроз, подорваны необходимые для ее выполнения структуры и испорчены инструменты. Не желая слышать неприятных сигналов, общество как будто стало отключать системы сигнализации об угрозах — одну за другой. Это выражалось в планомерной ликвидации («перестройке») структур, которые и были созданы для обнаружения угроз и их предотвращения. Общество заболело чем-то вроде СПИДа. Ведь иммунодефицит и

выражается прежде всего в отключении первого контура системы иммунитета — механизма распознавания проникших в кровь веществ, угрожающих организму.

В норме опасность порождает функцию государства, а функция — соответствующую структуру. Наука и была в СССР той сложной структурой, которая своей познавательной работой покрывала спектр главных *прямых* опасностей для государства и общества. Но даже сегодня о науке спорят лишь в терминах ее экономической эффективности. Ах, ее продукция неконкурентоспособна! Да разве в этом главная функция отечественной науки? Ее главная задача — накладывать запреты, предупреждать о том, чего делать *нельзя*.

Уже с начала перестройки специалисты фиксировали это странное изменение в сознании людей — на время в обиход вошел даже термин «синдром самоубийцы». Операторы больших технических систем совершали целую цепочку недопустимых действий, как будто специально хотели устроить катастрофу. Вот на шахте Донбасса произошел взрыв метана, погибли люди. До этого был неисправен какой-то датчик, подавал ложные сигналы. Вместо того чтобы устранить неисправность, его просто отключили. Не помогло, сигналы беспокоили — и последовательно отключили около двадцати анализирующих и сигнализирующих устройств.

Но признаком *общей* беды это стало потому, что так вели себя люди в самых разных делах. Среди бела дня, при полной видимости, немыслимым образом сталкивались два корабля, которые вели опытные капитаны. Водители на шоссе вдруг разворачивались из правого ряда, даже не подав сигнала, и приводили к тяжелой аварии. От травм, случайных отравлений и несчастных случаев в России на пике этого процесса гибло очень много людей — до 400 тысяч человек в год.

Это был сигнал, который надо было услышать и принять срочные меры. Кстати сказать, после Чернобыля

на Западе ожидали, что как раз из России будет сказано важное слово, что в СССР началось движение к *новому пониманию рисков*. Академик В.А. Легасов с его группой на основе анализа черновыльскай катастрофы высказали много важных мыслей, в чем-то у них были даже прозрения. Легасов задумал написать книгу «Дамоклов меч» — о девяти гранях смертельной угрозы для России; он собрал бесценный материал фактов и размышлений, но не довелось закончить. Нас увлекла перестройка, а Легасов как раз и предупреждал о порождаемых ею опасностях.

В 80-е годы интеллектуальное сообщество проявляло поразительное равнодушие даже к самым непосредственным угрозам безопасности. Вот простой пример. Как «технология» перестройки было использовано учение о культурной гегемонии Антонио Грамши. Суть его в том, что до слома политического и социального строя производится «молекулярная агрессия» в сознание — разрушается культурное ядро общества множеством мелких ударов и уколов. Когда люди окончательно сбиты с толку, можно переходить ко второму этапу. Это — теория огромной важности, имеющая общее значение для обществоведения (так, теория «молекулярной агрессии» в сознание — основа современной рекламы).

Казалось бы, сведения о принятии ее на вооружение противником в холодной войне должны были быть восприняты с полной серьезностью. Но как пренебрежительно пишет об этом в 1985 году историк проф. Н.Н. Николаев: «Для ЦРУ Поремский [деятель НТС] сочинил «молекулярную» теорию революции. НТС вручил ЦРУ наскоро перелицованное старье — «молекулярную доктрину», с которой Поремский носился еще на рубеже сороковых и пятидесятих годов. Под крылом ЦРУ Поремский раздул ее значение до явного абсурда... Этот вздор, адресованный Западу, конечно, поднимается на смех руководителями НТС, которые в своем кругу

язвят: «У нас завелась «одна революционная молекула, да и то пьяная» [87].

Н.Н. Николаев приводит изложение сути доклада об этой доктрине, сделанного в НТС в 1972 г., — и издевается над ним: «Если говорить серьезно и по существу, то притягательная сила описанной «идеологии» близка к нулю, а быть может, величина отрицательная». Это написано в книге издания 1985 года, когда «агрессия» уже разворачивалась вовсю. А ведь эта технология и сегодня не изменилась, но никакого интереса не вызывает, хотя и в России есть специалисты по Грамши. На Западе же учение Грамши о гегемонии — почти обязательный для образования обществоведов предмет. Только в США за год защищаются десятки диссертаций, посвященных изучению трудов Грамши.

Большой программой перестройки была общая *дестабилизация*. Можно даже сказать, это была программа *стравливания* всех элементов общества, которые находились в скрытом, «дремлющем» конфликте. За столетия в сложном многонациональном и «многокультурном» обществе и государстве России было выработано множество явных и неявных механизмов разрешения, успокоения и подавления конфликтов. Эти механизмы отказывали очень редко, когда Россия попадала в историческую ловушку и возникала такая система порочных кругов, которую невозможно было разорвать в рамках сложившегося порядка. В конце 80-х годов это и произошло.

Во время перестройки была подвергнута разрушению вся *политическая культура* советского общества. Английский политолог Арчи Браун во введении к важной книге [144] дает такое определение: «Политическая культура — субъективное восприятие истории и политики, фундаментальные верования и ценности, фокус идентификации и лояльности, сумма политических знаний, чаяния, которые являются продуктом специфического исторического опыта наций или групп».

Из этого видно, что политическая культура является важной частью *культурного ядра* общества и в индустриальном обществе опирается на рациональное знание. Следовательно, подрыв сложившейся в обществе политической культуры неизбежно провоцирует тяжелый кризис. Западные политологи выделяют именно то направление во всей программе перестройки, которое в наибольшей степени противоречило политической культуре СССР и поэтому несло в себе предпосылки национальной катастрофы. А. Браун пишет, что важнейшей ценностью доминирующей советской политической культуры являлся *порядок*. Понимание того, какую угрозу представляют беспорядок и хаос, объединяло все социальные группы — рабочих, крестьян, интеллигенцию, управленцев.

Что хаос таит в себе смертельные угрозы для народа и государства — фундаментальная истина, накопленная за века знания об обществе. В американской политологии она выражается в такой сентенции: «Не пробуждайте к жизни те силы, с которыми вам нелегко будет совладать». Для России в основании ценности порядка лежал и ее собственный «специфический исторический опыт» — разрушение государственности и Гражданская война 1917—1921 гг. И что же общество наблюдало в ходе перестройки? Именно искусственное создание хаоса — с взрывом массовой преступности, кровопролития в национальных конфликтах и терроризма.

Советолог С. Бялер, директор Института международных изменений Колумбийского университета, сравнивает Горбачева с «Мартинем Лютером, который стремился разрушить или существенно ослабить косные институты правящей церкви». Он точно определяет суть действий верхушки КПСС: «Начиная перестройку, Горбачев и его помощники в руководстве инициировали

процесс, который не поддается полному контролю и которым нельзя всесторонне управлять» [144, с. 111]¹.

Горбачев резко дестабилизировал состояние советской системы в целом, то есть сделал именно то, что категорически противоречило знанию. Это был колоссальный культурный срыв, такое отступление от норм рациональности, что даже профессиональные специалисты, которые к этому срыву нас и подталкивали, не могли его предвидеть. Видный американский советолог А. Брумберг признался: «Ни один советолог не предсказал, что могильщиком Советского Союза и коммунистической империи будет настоящий номенклатурный коммунист, генеральный секретарь Коммунистической партии Советского Союза Михаил Горбачев» [15].

Но ведь сообщество обществоведов, в общем, поддерживало эту доктрину дестабилизации и в своей среде подавляло голос тех, кто пытался воззвать к здравому смыслу. Именно под таким давлением была исключена проблема угроз из обсуждения программы приватизации промышленности. Навык их предвидения сумели изъять и из массового сознания. Да, подавляющее большинство граждан не верило в благо приватизации с самого начала и тем более после ее проведения. Но 64% опрошенных ответили: «Эта мера ничего не изменит в положении людей».

Рациональное управление рисками на любом уровне требует постоянного мониторинга опасностей и их восприятия. Для этого обществоведение должно вести одновременное изучение трех «срезов реальности»: объективно существующей системы угроз и источников риска; той «карты опасностей», которой мы обладаем в

---

¹ Бывший в 1991 г. премьер-министром СССР В.В. Павлов писал, что «ни в начале, ни в середине 80-х годов вопрос о политической нестабильности не стоял. Перелом произошел в 1987 г., когда Горбачев сделал резкий поворот от экономических реформ к политическим».

данный момент; той «системы страхов», которая складывается в сознании людей.

Эти три системы взаимосвязаны. Все они должны быть структурированы. Например, «система страхов», сложившаяся в общественном сознании, должна быть изучена и преобразована в «карту страхов» — образ, адекватность которого зависит от эффективности инструментов познания, которыми располагает наука.

Эффективность в предотвращении и преодолении угроз зависит прежде всего от того, насколько адекватна та «карта опасностей», исходя из которой государство и общество планируют и реализуют свои действия, а также от наличия достоверной «карты страхов» и средств воздействия на «систему страхов». Общественное сознание и страх — факторы исключительно динамичные. При эффективном, основанном на знании, управлении общество воспринимает угрозы адекватно, и реалистичный страх служит фактором снижения рисков. При ошибках власти страхи могут легко превращаться в факторы дестабилизации и источник внутренней опасности.

Во время перестройки российское общество пережило несколько приступов неадекватного страха, доходящих до уровня психозов, которые резко дестабилизировали ситуацию и углубили кризис. Еще важнее были случаи нечувствительности к назревающим угрозам.

Кроме того, механистическое сознание с трудом осваивает представление о *синергизме* опасностей. Суть его в том, что если две или больше опасности действуют совместно, как система, то их эффект может многократно (даже на порядки) превосходить сумму эффектов при действии каждой из опасностей по отдельности. Когда такие системы складываются, могут быть разрушены объекты, которые были совершенно неуязвимыми для каждой опасности, взятой отдельно.

Можно высказать как общее утверждение: катастро-

фы происходят именно в результате синергизма опасностей, который был не предусмотрен и не просчитан. Более того, искусство разрушения в том и состоит, чтобы создать в нужном месте и в нужное время этот синергизм слабых факторов (опасностей). Напротив, искусство управления рисками состоит в том, чтобы предвидеть возможность возникновения таких кооперативных эффектов и вовремя разрушать возникающие системы опасностей — также слабыми воздействиями.

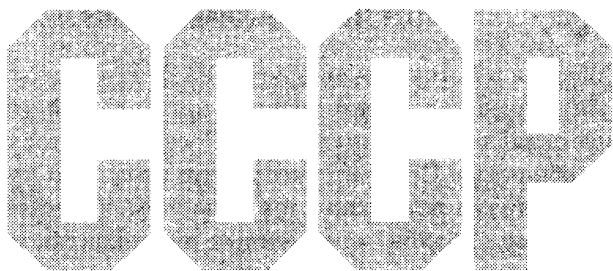
Например, для СССР очень опасны оказались местные (национальные) элиты, складывающиеся на межведомственной клановой основе. Вплоть до 60-х годов эти системы регулярно разделялись с устранением назревающего в них синергизма. Благодаря этому сложилась изоциренная система обратных связей, которая автоматически «гасила» зародыши опасных конфликтов, когда их динамика подводила к заданному порогу. Это касалось, например, конфликтов в межэтнических отношениях. Создание этой системы было великолепным достижением советского «общества знания», и она действовала так незаметно, что стабильность казалась *естественным* состоянием. Уже в 1986—1987 гг. эта система была разрушена, и очень быстро сложилась система обратных связей, ускоряющих развитие конфликтов. Изучение динамики развития конфликтов в Нагорном Карабахе, Приднестровье и в Чечне показывает, насколько неадекватными были действия власти и ее советников из «перестроечного» обществоведения.

Фундаментом для составления новой «карты опасностей» служит определение векторов и динамики, происходящих в России и в мире главных процессов и возникающих при этом противоречий. Пока что обществоведение от этого уклоняется: либералы и марксисты трактуют происходящее в понятиях истмата, «государственники» — в державной риторике, малопригодной для «инженерного» анализа.

СССР — цивилизация будущего

События в России развиваются на фоне общего кризиса индустриальной цивилизации при большой открытости и ослаблении защитных сил Российского государства и общества. Следует учесть при этом, что кризис индустриализма порождает и в западном обществе целую систему страхов, искаженных неадекватным восприятием порождаемых им угроз.

Примечания

1. Амосов Н.М. Мое мировоззрение. // «Вопросы философии». 1992, № 6.
2. Анисков В.Т. Война и судьбы российского крестьянства. Вологда—Ярославль: Изд-во Вологодского ИПК. 1998.
3. Артемов В.А. Изменения условий и образа жизни в Сибири (1972—1993). // «СОЦИС». 1995, № 1.
4. Ахутин А.В. Понятие «природа» в античности и в Новое время («фюсис» и «натура»). М.: Наука. 1988.
5. Баграмов Э.А. Национальный вопрос в борьбе идей. М.: Политиздат. 1982.
6. Баландин Р.К. Философия техники от Бердяева. // «ВИЕТ». 1991, № 2.
7. Белая книга России. // «Человек». 1993, № 4.
8. Беляев Е.А., Пышкова Н.С. Формирование и развитие сети научных учреждений СССР. М.: Наука. 1979.
9. Беляков А.А. План ГОЭЛРО в технико-экономическом контексте эпохи. // «Альманах Центра общественных наук (МГУ)». 1998, № 7, с. 67—89.
10. Бердяев Н. Смысл истории // «Смысл творчества». М., 1989.
11. Бердяев Н.А. Философия свободы. М., 1989, с. 39.
12. Бердяев Н.А. Человек и машина. // «Вопросы философии». 1989, № 2.
13. Бородкин Ф.М. Социальная политика: власть и перестройка. // В кн.: Постигание. Перестройка: гласность, демократия, социализм. М.: Прогресс. 1989.
14. Бронфенбреннер У. Два мира детства. Дети в США и СССР. М.: Прогресс. 1976.
15. Брумберг А. Советология и распад Советского Союза. // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. М.: Аспект-Пресс. 1995.
16. Булгаков С.Н. Христианство и социализм. // В кн.: Христианский социализм. Новосибирск: Наука. 1991.

17. Бурдые П. Описывать и предписывать. Заметка об условиях возможности и границах политической действенности. М.: Логос. 2003, № 4—5 (39).
18. Бурдые П. Оппозиции современной социологии. // «СОЦИС». 1996, № 5.
19. Бухарин Н.И. Избранные произведения. М.: Политиздат. 1988.
20. Бухарин Н.И. Избранные труды. Л.: Наука. 1988, с. 256.
21. Вавилов С.И. О достоинстве советского ученого. Речь на выборах суда чести АН СССР 21 октября 1947 г. // «ВИЕТ». 1991, № 2.
22. Валовой Д.В. Экономика: взгляды разных лет. М.: Наука. 1989.
23. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. // В кн.: М. Вебер. Избранные произведения. М.: Прогресс. 1990.
24. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука. 1988.
25. Визгин В.П. Эксперимент и чудо: религиозно-теологический фактор генезиса науки Нового времени. // «Вопросы философии». 1995, № 3.
26. Война и общество 1941—1945: в 2-х кн. М.: Наука. 2004. Кн. 2, с. 78—84.
27. Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М.: Прогресс. 1987, с. 43.
28. Гайденок П.П. Проблема рациональности на исходе XX века. // «Вопросы философии». 1991, № 6.
29. Глазычев В. Шумелки и молчалки. // «Русский журнал», 5 июля 2004 г.
30. Горбунов В.В. Идея соборности в русской религиозной философии. М.: Феникс. 1994.
31. Горелик Г.Е. С чего начиналась советская водородная бомба? // «ВИЕТ». 1993, № 1.
32. Горелик Г.Е. Ядерная история и злоба дня. // «ВИЕТ». 1993, № 2.
33. Гороховская Е.А., Желтова Е.Л. Советская авиационная агиткампания 20-х гг.: идеология, политика и массовое сознание. // «ВИЕТ». 1995, № 3.
34. Горький М. Собр. соч. Т. 17, с. 25.
35. Грамши А. Искусство и политика. Т. 1. М.: Искусство. 1991.
36. Гредескул Н.А. Перелом русской интеллигенции и его действительный смысл. // В кн.: Вехи. Интеллигенция в России. М.: Молодая гвардия. 1991, с. 254.
37. Грей Дж. Поминки по Просвещению, М.: Праксис. 2003.
38. Гусева В.С. Экономика обучения в вузе. // «США: экономика, политика, идеология». 1996, № 10.
39. Давыдов Ю.Н. «Картины мира» и типы рациональности. // «Вопросы философии». 1989, № 8.

40. Дайзард У. Наступление информационного века. // В кн.: Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс. 1986.
41. Джахангири-Жанно Г. К вопросу о формировании таджикского национального сознания (1920—1930 гг.). // «Восток». 1996, № 2.
42. Есаков В.А. Первый географический съезд. // «ВИЕТ». 1984, № 3.
43. Есть мнение (ред. Ю.А. Левада). М.: Прогресс. 1990, с. 83.
44. Заславская Т.И. Перестройка и социализм. Постижение. Перестройка: гласность, демократия, социализм. М.: Прогресс. 1989, с. 230—232.
45. Заславская Т.И. Россия в поисках будущего. // «СОЦИС». 1996, № 3.
46. «Известия ЦК КПСС». 1989, № 1, с. 246.
47. «Известия», 31 янв. 1990.
48. «Информационный бюллетень ВЦИОМ». 1995, № 2.
49. Карсон Р.Б. Что знают экономисты. Основы экономической политики на 90-е годы и в перспективе. // «США: экономика, политика, идеология». 1994, № 5.
50. Кейнс Дж. Беглый взгляд на Россию. // «СОЦИС». 1991, № 7.
51. Келле В.Ж., Ковальзон М.Я. Исторический материализм. М.: Высшая школа. 1969.
52. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН. 2001.
53. Ключников Ю.В. Наш ответ. // «Смена вех». 1921, № 4.
54. Кожевников А.Б. Филантропия Рокфеллера и советская наука. // «ВИЕТ». 1993, № 2.
55. Кожин В.В. Загадочные страницы истории XX века. «Черносотенцы» и революция. М.: Прима Б. 1995.
56. Кожин В.В. Победы и беды России. Русская культура как порождение истории. М.: Алгоритм. 2002.
57. Козлова Н. Идеологизация науки привела к упрощению культуры. // «Общественные науки и современность». 1991, № 2.
58. Кольцов А.В. А.Е. Ферсман как организатор науки. // «ВИЕТ». 1984, № 1.
59. Комков Г.Д., Левшин Б.В., Семенов Л.К. Академия наук СССР. Т. 2. М.: Наука. 1977.
60. Коровицына Н. С Россией и без нее: восточноевропейский путь развития. М.: Алгоритм — Эксмо. 2003.
61. Кортунов С.В. Судьба русского коммунизма. // «НГ-сценарии». 4.11.1997.
62. Крахмальникова З. Зачем еще раз убивать Бога? Он все равно воскреснет. // В кн.: Русская идея и евреи: роковой спор. М.: Наука. 1994, с. 174.

63. Куда идет Россия. Белая книга реформ (сост. Кара-Мурза С., Батчиков С., Глазьев С.). М.: Алгоритм. 2008.
64. Куманев Г.А. Подвиг и подлог: Страницы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М.: Русское слово. 2004.
65. Куртуа С. и др. Черная книга коммунизма. М.: Три века истории. 2001.
66. Кустарев А. Начало русской революции: версия Макса Вебера. // «Вопросы философии». 1990, № 8.
67. Ланьков А.Н. Конфуцианские традиции и ментальность современного южнокорейского горожанина. // «Восток». 1996, № 1.
68. Лацис О. Реформы должны идти быстрее и решительнее. // «Общественные науки и современность». 1994, № 6.
69. Ленин В.И. О кооперации. Соч., т. 45, с. 376—377.
70. Ленин В.И. О лозунге Соединенных штатов Европы. Соч., т. 26, с. 354.
71. Ленин В.И. Одна из великих побед техники. Соч., т. 23, с. 93.
72. Личная запись И.В. Курчатова. Архив Российского научного центра «Курчатовский институт». Ф. 2. Оп. 1/с. Д. 16/4. Цит. по: Смирнов Ю.Н. Сталин и атомная бомба. // ВИЕТ. 1994, № 2.
73. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. // В кн.: А.Ф. Лосев. Из ранних произведений. М.: Правда. 1990.
74. Макашева Н. Этические принципы экономической теории. М.: ИНИОН. 1993.
75. Маневич Э.Д. Такие были времена. // «ВИЕТ». 1993, № 1.
76. Маркс К. К критике гегелевской философии права. Соч., т. 1, с. 424.
77. Маркс К. Капитал. Соч., т. 23, с. 594.
78. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Соч., т. 3, с. 33—34.
79. Меморандум в защиту природы (1988). // В кн.: Перестройка: гласность, демократия, социализм. Экологическая альтернатива. М.: Прогресс. 1990, с. 5—13.
80. Менцин Ю.Л. Дилетанты, революционеры и ученые. // «ВИЕТ». 1995, № 3.
81. Микульский Д.В. Анализ некрологов членов ИПВТ: традиционное и современное. // «Восток». 1996, № 1.
82. Моисеев Н.Н. Человек во Вселенной и на Земле. // «Вопросы философии». 1990, № 6.
83. Моль А. Социодинамика культуры. М.: Прогресс. 1974, с. 45.
84. Москатов К.А. Авиация и Северный полюс. // «ВИЕТ». 1993, № 1.
85. Называть вещи своими именами: Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века. М., 1986.
86. Наука — Победе. // «ВИЕТ». 1985, № 4.
87. Николаев Н.Н. ЦРУ против СССР. М.: Правда. 1985, с. 129—130.

88. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. // В кн: *Ницше Ф. Сочинения*. М.: Мысль. 1990. Т. 1, с. 381—382.
89. Новейшая история Отечества: XX век. Т. 1. М.: ВЛАДОС. 2002, с. 324—325.
90. Новосельский С.А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России. Календарь для врачей на 1916 г. СПб., 1916. Цит. по: *Андреев Е.М., Добровольская В.В., Шабуров К.Ю.* Этническая дифференциация смертности. // *СОЦИС*. 1992, № 7.
91. Олимова С.К. Коммунистическая партия Таджикистана в 1992—1994 гг. // «Восток». 1996, № 2.
92. Орлов Г.В. Отечественная история: Мир и россияне: 1861—2001. М.: Вузовская книга. 2003.
93. Пайнс Р. Русская революция. Часть вторая. М.: РОССПЭН. 1994, с. 229.
94. Панарин А.С. Народ без элиты. М.: Алгоритм — Эксмо. 2006.
95. Панарин А.С. О Державнике-Отце и либеральных носителях «эдипова комплекса». // «Философия хозяйства». 2003, № 1.
96. Патрушев В. Жизнь горожанина (1965—1998). М.: Academia. 2001.
97. Петраков Н., Перламутров В. Россия — зона экономической катастрофы. // «Вопросы экономики». 1996, № 3.
98. Погодин С.А. Из воспоминаний об академике Н.С. Курнакове. // «ВИЕТ». 1981, № 1.
99. Попов Г.Х. Корень проблем. О концепции экономической перестройки. М.: Издательство политической литературы. 1989, с. 53.
100. Предчувствие гражданской войны. // «Век XX и мир». 1991, № 9. с. 472
101. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М.: Прогресс. 1986, с. 43; Пригожин И. Философия нестабильности. // «Вопросы философии». 1991, № 6.
102. Радаев В.В., Шкаратан О.И. Власть и собственность. // «СОЦИС». 1991, № 1.
103. Ракитов А.И. Философская азбука бизнеса. // «Вопросы философии». 1991, № 2.
104. Резников Л.Б. Российская реформа в пятнадцатилетней ретроспективе. // «Российский экономический журнал». 2001, № 4.
105. Розанов В.В. О писательстве и писателях. М., 1995, с. 634.
106. Роуз Р., Харпфер Кр. Сравнительный анализ массового восприятия процессов перехода стран Восточной Европы и бывшего СССР к демократическому обществу. Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. М.: ВЦИОМ. 1996, № 4, с. 13.

107. Сахаров А. Мир, прогресс, права человека. Статьи и выступления. Л., 1990, с. 66.
108. Сахаров А.Д. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе. // «Вопросы философии». 1990, № 2.
109. Сахаров Н.А. Частные школы и формирование правящей элиты. // «США: экономика, политика, идеология». 1989, № 10.
110. Свасьян К.А. Судьбы математики в истории познания нового времени // «Вопросы философии». 1989. № 12.
111. Смагина Г.И., Орел В.М. Новые документы о деятельности Комиссии по истории знаний АН СССР. // «ВИЕТ». 1991, № 2.
112. Соболев В.Е. Сталин построил третью Россию. // «Российский Кто есть Кто». 2004, № 6.
113. Соколовский Д. «А если гайки одинаковые ввест...» // «Двигатель». 2006, № 4 (<http://engine.aviaport.ru/issues/46/page28.htm>).
114. Соловьев В.С. Сочинения. Т. 1—2. М.: Мысль. 1988.
115. Соловьев Э.Ю. // «Вопросы философии». 1992, № 6.
116. Социальная сфера: политическое и духовное развитие общества. М.: Наука. 1991.
117. Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль. 2003, с. 188.
118. Столяров А. Розовое и голубое. Постчеловек. М.: Алгоритм. 2008, с. 31.
119. Теребов О.В. // «Вопросы истории». 1993, № 3.
120. Трифонов Д.Н. На страницах центральных газет обозначилась тема урана. // «ВИЕТ». 1995, № 3.
121. Троцкий Л. Литература и революция. М.: Изд-во политической литературы. 1991.
122. Уэллс Г. Россия во мгле. М.: Политиздат. 1959, с. 37.
123. Фенелли М. Побег из перестройки накануне 1937 года. // «Век XX и мир». 1991, № 6.
124. Френкель В.Я. К истории изучения ядерных реакций. // «ВИЕТ». 1981, № 3.
125. Фуко М. Власть и знание. В кн.: Интеллектуалы и власть. М.: Праксис. 2002, с. 281.
126. Хартанович М.Ф., Трохачев С.Ю. Из истории подготовки Устава Академии наук 1803 года. // «ВИЕТ». 1992, № 4.
127. Хахулина Л.А., Саар А., Стивенсон С.А. Представления о социальной справедливости в России и Эстонии. Сравнительный анализ. // «Информационный бюллетень ВЦИОМ». 1996, № 6.
128. Цысковский В.К. Создание синтетических жирозаменителей в осажденном Ленинграде. // «ВИЕТ». 1982, № 2.
129. Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. М.: Экономика. 1989.

130. Чеботаев А.А., Ушаков С.С. Энергоемкость перевозок. // «Теплоэнергетика». 1993, № 4.
131. Чернов В.М. Перед бурей. Воспоминания. Нью-Йорк. 1953, с. 334—335.
132. Чернов Ю.И. Производительность труда и экономика безработицы. М.: НИИУ. 1992, с. 82.
133. Шерега Ф.Э. Причины и социальные последствия пьянства // «Социологические исследования». 1986, № 2.
134. Шлыков В.В. Что погубило Советский Союз? Американская разведка о советских военных расходах. // «Военный вестник МФИТ». 2001, № 8.
135. Шмелев Н.П. Экономические перспективы России. // «СОЦИС». 1995, № 3.
136. Эмсден А., Интрилигейтор М., Макинтайр Р., Тейлор Л. Стратегия эффективного перехода и шоковые методы реформирования российской экономики. Шансы российской экономики. Анализ фундаментальных оснований реформирования и развития. Вып. 1. М.: Ассоциация «Гуманитарное знание». 1996.
137. Яковлев А.Н. // «Литературная газета», № 41, 10—16 октября 2001.
138. Яковлев А.Н. Муки прочтения бытия. Перестройка: надежды и реальности. М.: Новости. 1991.
139. Янг К. Диалектика культурного плюрализма: концепция и реальность. В кн.: Этничность и власть в полиэтнических государствах. М.: Наука. 1994, с. 95—96.
140. Ясперс К. Современная техника. В кн.: Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс. 1986.
141. Baudelot Ch., Establet R. La escuela capitalista. Мехико: Siglo XXI Eds. 1991.
142. Huerga Melcyn P. La ciencia en la encrucijada. Oviedo: Pentalfa Eds. 1999.
143. Ingrao P. Perspectivas del socialismo en Europa. В кн.: Perspectivas del socialismo hoy. Vol. 1. Madrid: FIM. 1992, с. 19—20.
144. Politics, society and nationality inside Gorbachev's Russia (Ed. Bialer S.). L.: Westview press. 1989.
145. Radnitzky G. La tesis de que la ciencia es una empresa libre de valores. — In: Estructura y desarrollo de la ciencia. Madrid. Alianza. 1984.
146. Todes D.P. Darwin without Malthus: the struggle for existence in russian evolutionary thought. N.Y. — Oxford: Oxford University Press. 1989.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.	5
Глава 1. СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ НАУКИ	13
Глава 2. ОСОБЫЕ ЧЕРТЫ СОВЕТСКОГО «ОБЩЕСТВА ЗНАНИЯ»	23
Глава 3. СОВЕТСКАЯ ШКОЛА	53
Глава 4. СОВЕТСКАЯ НАУКА И «ОБЩЕСТВО ЗНАНИЯ».	71
Глава 5. СОВЕТСКОЕ «ОБЩЕСТВО ЗНАНИЯ»: СБОРКА ОСНОВНЫХ БЛОКОВ	96
Глава 6. НАУКА КАК ГЕНЕРАТОР ФОРМ ЖИЗНЕУСТРОЙСТВА	121
Глава 7. ЗНАНИЕ ВЛАСТИ.	165
Глава 8. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА: ОТ НЕДОМОГАНИЯ К КРИЗИСУ	218
Глава 9. РАЦИОНАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ НАКАНУНЕ КРИЗИСА	253
Глава 10. КРИЗИС ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ В ПОЗДНЕМ СССР	283
Примечания	312

Сергей Кара-Мурза, Геннадий Осипов
СССР — ЦИВИЛИЗАЦИЯ БУДУЩЕГО
Инновации Сталина

Издано в авторской редакции
Художественный редактор *С. Лях*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *В. Фирстов*
Корректор *Е. Холявченко*

ООО «Издательство «Яуза»
109507, Москва, Самаркандский б-р, д. 15.

Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5.
Тел.: (495) 745-58-23.

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями** обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: International@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
International@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформ-
лении,** обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118 E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**
Компания «Канц-Эксмо» 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный)
e-mail: kancc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kancc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а. Тел. (343) 378-49-45.
В Киеве: ТП ООО «Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9. Тел./факс (044) 495-79-80/81.
Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-00-19.
В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153. Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.
В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а. Тел./факс (727) 251-59-90/91
rdc-almaty@mail.ru

Подписано в печать с готовых диапозитивов 15.12.2009.
Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Журнальная». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 18,6.
Тираж 4000 экз. Заказ № 11514.

Отпечатано с предоставленных диапозитивов
в ОАО «Тульская типография». 300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ISBN 978-5-699-39647-4

9 785699 396474 >

НОВАЯ книга от автора бестселлеров «Советская цивилизация» и «Манипуляция сознанием»! Гимн величайшей победе Сталина, достигнутой не на полях сражений, а в лабораториях и университетах. Подлинная история грандиозного инновационного проекта, осуществленного в СССР.

Всего за четверть века Советская Россия совершила невероятный рывок в будущее, превратившись из полуфеодальной полуграмотной аграрной страны в лидера научного прогресса, совершив вслед за социальной революцией еще и революцию научно-техническую. В Советском Союзе были заложены основы принципиально новой цивилизации будущего, устремленной в завтрашний день, рвущейся в космос, сделавшей ставку на лучшее, что есть в человеке, – и прежде всего, на страсть к познанию, – воспитывающей человека-Творца, а не тупое жвачное животное. И сегодня, когда западная «цивилизация потребления» окончательно зашла в тупик (нынешний глобальный кризис – лишь «первый звонок» грядущей катастрофы), становится предельно ясно, что возвращение на советский инновационный путь – единственный шанс выжить не только для России, но и для всего человечества.

ISBN 978-5-699-39647-4

9 785699 396474 >